

Таня Смитт

Обезличенные

Люди перестают быть людьми, а привычный мир неотвратимо меняется, рождая оправданную панику у молодого терапевта районной поликлиники. Скромного доктора не отпускает мысль о том, что однажды, поддавшись искушению богатством, он стал главной причиной этих пугающих перемен. Движимый благородным стремлением исправить ошибки, доктор сталкивается с весьма непредсказуемыми последствиями.

Гошку с самого детства все называли чертовым везунчиком. Все началось со скользкой школьной лестницы, по которой Гошка весело проехался на пятой точке после первой торжественной линейки на глазах всей школы. После этого случались не вовремя порванные штаны, перевернутые ведра с помоями, пробки на пути к важным встречам и мероприятиям. Гошка и сам терялся в количестве жаб и ляпов, щедро расточаемых злодейкой судьбой. Спустя годы степень его везучести только преумножилась, подстраивая Гошке самые замысловатые испытания. Последней такой проверкой стало его вынужденное безработное состояние, упрямо длившееся больше полутора лет. В какие только агентства и конторы не обращался везучий Волков, какие только резюме не раскидывал по организациям, отовсюду приходил до отвращения одинаковый ответ о возможном будущем деловом звонке, которого так ни разу и не случилось. Поэтому, когда однажды на Гошкину почту пришло одинокое уведомление, приглашающее его на собеседование, тот, боясь спугнуть удачу, прямо в тот же день отправился по указанному адресу. Контора оказалась частная, небогатая, выполняющая единичные заказы по грузовым перевозкам. Гошка был невзыскательным, и уже через день бодро подпирал стены районной поликлиники, обходя обязательных врачей. Последним в списке его посещений значился врач-терапевт, от решения которого зависела дальнейшая Гошкина судьба. На излете рабочего дня везунчик втиснулся в узкое пространство рабочего кабинета и в изумлении уставился на сидевшего за столом доктора. В понимании Гошки врачом-терапевтом должна работать суровая дама средних лет с невероятной прической и усталым взглядом. Сейчас же перед ним сидел молодой парень, приблизительно одного с ним возраста, и что-то сосредоточенно писал в огромной серой тетрадке.

«С такой рожей только в кино сниматься, а не в поликлинике штаны протирать,» — мелькнула у Гошки стремительная мысль, когда доктор оторвался от своего занятия и поинтересовался у вошедшего причиной визита. Звали доктора необычным и немодным именем Гурий Грошик, о чем Гошка узнал из болтающегося на халате бейджика, пока не в меру серьезный терапевт заполнял принесенные пациентом бумаги. Когда все формальности были выполнены, Гурий Грошик измерил Гошке давление, посчитал пульс и отправил его на трудовые подвиги, торжественно выдав заключение.

Всю неделю Волков, оправдывая свое прозвище, торчал в пыльном закутке конторы, ожидая заказов, и только ближе к выходным на его телефон пришло уведомление о первом стоящем деле. Гошке предписывалось перевезти аппаратуру для граверной мастерской, расположенной на самой окраине северной столицы. Везунчик был уверен, что знает родной Питер как свои пять пальцев, однако это не помешало ему заблудиться в трех соснах и приехать в граверную мастерскую с последними лучами заходящего солнца. Помогая разгружать замысловатую технику, Гошка обратил внимание на невысокую фигуру, замотанную в пестрые тряпки, стоившие по скромной Гошкиной оценке, целое состояние. Фигура неловко переминалась у входа в мастерскую, ожидая получения своего заказа. Когда все оборудование было аккуратно расставлено в коридоре, пестрая тетка, наконец-то протолкнулась в некое подобие офиса и протянула мастеру скомканную квитанцию. Везунчик от нечего делать наблюдал за всем этим несложным процессом, гася в себе природное любопытство. Теткиным заказом оказался небольшой латунный прямоугольник с четырьмя отверстиями по краям, в котором Гошка с суеверным ужасом узнал надгробную

табличку. Когда все формальности по документам были соблюдены, бланки заполнены и акты подписаны, любопытный Гошка прошмыгнул мимо таинственной тетки и, не удержавшись, пробежался глазами по блестящей металлической поверхности. Красивыми вензелями на ней было выведено имя некоего Гурия Грошика, парня тридцати лет, оставившего этот мир пару дней назад.

Георгий Волков никогда не относил себя к разряду чрезмерно впечатлительных и излишне эмоциональных людей, однако знакомое немодное имя, прочитанное на латунной табличке, то и дело воскрешало невольную встречу недельной давности, состоявшуюся в кабинете районной поликлиники. От волнения Гошка даже пропустил светофор, чем вызвал справедливый рев клаксонов позади своей ГАЗели. По приезду в контору на Гошку, словно по волшебству, обрушился еще один заказ, в этот раз жирный и денежный. Его ждали в столице с товаром, общая стоимость которого превышала миллион рублей. Администратор несколько раз предупредила Гошку об этом факте, взяв с него расписку о материальной ответственности и даже предложила напарника, опасаясь неприятностей в пути. Гошка смело отмахнулся от лишнего рта, посчитав, что ночь в пути не самая сложная задача, и что он прекрасно справится один.

Бодро вырулив на трассу, Гошка включил радио, закурил и отправился навстречу приключениям, которые, впрочем, никак не могли догнать везунчика-дальнобойщика, до полуночи успевшего преодолеть большую часть пути. Потом начались сложности. С непривычки Гошке невероятно тяжело было включиться в рабочий ритм, и это ночное путешествие было явно лишним, однако на кону стояли деньги, в понимании Гошки просто невероятные. Бедняга водитель крепился изо всех сил, то открывая окно и впуская холодный осенний воздух, немного бодривший его засыпающие мозги, то принимался петь песни, прогоняя наваливающую дремоту. Дремота не отступала, и Гошка принял стратегически опасное решение съехать на обочину.

«Я немного просто посижу, — решил он, засыпая на ходу, — отдохну и покачусь дальше. Ничего со мной за пару минут не случится»

Резюмировал он и мгновенно провалился в крепкий здоровый сон.

Глава 2.

Очнулся везунчик-дальнобойщик от ослепительно-яркого света, бьющего прямо в глаза. Сладко потянувшись, он распрямил затекшие конечности и тут же рывком вскочил на ноги, в замешательстве оглядываясь по сторонам. Пробуждение застало его на краю дороги, но она никак не напоминала обочину осенней трассы. Во-первых, потому, что трассой не являлась вовсе. Горе-водитель сидел на невысоком бордюрике, отгораживающем обычную городскую проезжую часть от узкого и ослепительно чистого тротуара, вдоль которого росли стройные молодые деревца. Но самое ужасное заключалось даже не в этом весьма настораживающем факте. Его ГАЗель, в чьем шатком нутре лежало товара на миллион рублей, бесследно исчезла. Гошка в ужасе забегал вдоль аллейки, бестолково оглядываясь по сторонам, словно проверяя, не спряталась ли его казенная машина за тоненькими стволами. Убедившись в бесполезности попыток отыскать дорогу во всех смыслах пропажу, Гошка застонал, присел обратно на бордюрик и тут же обнаружил следующую странность. Его деловая командировка брала начало среди осенних дождливых улиц Питера и должна была закончиться на не менее дождливых улицах Москвы, однако сейчас Гошка сидел под откровенно жаркими, просто нещадно палящими лучами явно летнего солнца.

«Где я? — озвучил закономерный вопрос растерявшийся Гошка, — почему тут так

жарко и вообще, что это за место?»

Последний вопрос следовало бы задать кому-нибудь из местных жителей, однако на всем обозримом пространстве везунчик не увидел никого, кто мог бы внести ясность в происходящее. Ослепительно-чистые улочки были пугающе пусты и безжизненны. Волков автоматически опустил руку в карман и вытянул оттуда совершенно разряженный телефон, поэтому о точном времени тоже пока пришлось забыть.

«Сколько же я тут просидел? — принялся размышлять Гошка, внимательно рассматривая абсолютно темный экран. — не может быть, что бы я проспал до самого лета»

Чтобы убедиться в ошибочности своих выводов, он провел раскрытой ладонью по относительно выбритой роже и коротко усмехнулся.

«Может я все еще сплю? — подняла голову еще одна мысль, которая показалась везунчику вполне приемлемой. Однако показательно прокушенный палец развеял последние иллюзии и заставил Гошку наконец-то подняться с бетонного наместа. Судя по положению солнца, на дворе стоял полдень, а значит сейчас был как раз разгар рабочего дня, и все в городе должно непременно напоминать об этом. Гошка припомнил, что в его родном Питере в это время обычно по улицам торопливым шагом перемещаются озабоченные производственными проблемами граждане, а по дорогам снуют машины, от которых нет спасения. В этом странном городе такого ажиотажа не наблюдалось. И никакого не наблюдалось. Гошка не спеша двинулся вдоль аллейки, с любопытством рассматривая чрезмерно яркие дома, раскрашенные в ослепительно-синие, ядовито-зеленые и откровенно желтые цвета. От этой мешанины рябило в глазах и Гошка на секунду даже зажмурился, привыкая к нехарактерно-радостным пейзажам. Тридцать лет назад, когда везунчик еще ходил в детский сад, так украшали игрушечные домики, установленные на детских площадках, а также качели и карусели, но никак не вполне настоящие жилые здания. Гошка поморщился от подобной безвкусицы и неожиданно замер, привлеченный одинокой фигурой, также, как и он, неторопливо бредущей по противоположной стороне дороги. Фигура была высокой, и принадлежала молодому мужчине спортивного сложения. Конечно, вполне могло статься, что мужчина был не так молод, но во всяком случае походку имел уверенную, а движения решительные. Гошка приободрился и, почуяв скорый ответ на все загадки, резво пересек улицу.

«Постойте! — окликнул он прохожего, — прошу вас, всего минутку! Скажите мне, как называется это место?»

Прохожий резко обернулся, и Гошка едва сдержал возглас удивления, узнав в незнакомце Гурия Грошика, врача-терапевта из районной поликлиники.

«Гурий?» — растерянно пробормотал он, не зная, что добавить к сказанному. Перед глазами, как по команде, возникла латунная табличка с красивыми вензелями, пестрая замотанная тетка с опухшим от слез лицом, и Гошка помотал головой, прогоняя видение. Человек согласно кивнул и протянул руку для приветствия.

«Мы знакомы? — очень негромко поинтересовался он, изображая на утонченном лице мыслительные страдания, — я не помню вас, к сожалению, но очень рад видеть»

«Я Георгий Волков, помните? — забормотал Гошка, попутно дивясь странной формулировке доктора, — я приходил к вам неделю назад, мне нужно было подписать медосмотр. Неужели забыли?»

По своей наивности, Гошка упустил то обстоятельство, что через кабинет в районной поликлинике за целый день проходит слишком много посетителей, что доктору

простительно выбросить его из головы.

«Забыл, да, — не стал спорить доктор и вопросительно уставился на своего недавнего пациента. — что вы здесь делаете, Георгий?»

Гошка затруднялся ответить на этот простой вопрос, а вспомнив грустные обстоятельства, предшествующие его спонтанному визиту, только вздохнул.

«Я не знаю, как называется этот город, Гоша, — немного невпопад отозвался Гурий, так и не дождавшись Гошкиного ответа, — и я так же не могу уверенно сказать, как именно я попал сюда. Все вышло довольно забавно, хотя в какой-то момент мне стало откровенно не по себе»

Гурий замолчал, сохраняя интригу, а любопытный Гошка обратился в слух.

«И как все произошло?» — не сдержался Волков, разом забывая собственные неприятности.

«Я ехал на работу, — размеренно начал Гурий, глядя мимо собеседника, — обычно я добираюсь до клиники на машине, но в то утро она решила показать свой характер и заартачилась, отказываясь выполнять свои функции. Мне пришлось воспользоваться метро. Я в целом не признаю этот вид транспорта, несмотря на то, что он прост и удобен. Но обстоятельства порой выше нас. Я занял место в вагоне, удивительно, но мне удалось найти свободное кресло, и, проехав пару станций, почувал неладное. Это выразалось скорее в моем внутреннем ощущении, чем во внешних признаках. Почему-то мне безмерно захотелось увидеть Ульяну, мою девушку, и ... Впрочем, вскоре это прошло, поезд катился дальше, остановившись лишь однажды, при подходе к очередной станции, еще в тоннеле. Так часто бывает, я не обратил на это внимания. Свет мигнул, погас на долю секунд, а после из динамиков донеслось предложение воспользоваться дополнительными ветками, поскольку эта ветка по каким-то причинам оказалась неисправна. Ну я и воспользовался, разумеется. Только немного не так, как планировал.»

Очевидно, в господине Грошике погиб знатный журналист, умеющий задорого продавать сенсации, поскольку Гурий прервал свой рассказ на самом интересном месте и уставился в пустоту. Гошка ненадолго вежливо замолчал, но его любопытство снова поднялось во весь рост и заставило требовать продолжения.

«Станция, на которой мне пришлось выйти, — через паузу заговорил Гурий, — показалась мне совершенно незнакомой. Хотя я мало знаю Питерскую подземку, но почему-то уверен, что любые станции, вне зависимости от города и расположения, созданы рождают в пассажирах эстетическое удовольствие, соревнуясь между собой в яркости и фееричности. Та, на которой оказался я, видимо в конкурсе не участвовала, поскольку выглядела как дешевая декорация к не менее дешевому ужасу про канализационных монстров. Вскоре я обнаружил, что она не имеет выхода. Ну, обычно все они снабжены лестницами, эскалаторами, просто обычными дверями, однако у этой бетонной коробки отсутствовали даже обычные проемы. Я слепо тыкался в стены, отыскивая дорогу, и вот тут-то моя хваленая выдержка дала сбой. Я откровенно запаниковал. На станции царил сумрак, освещение, позволяющее мне не переломать ноги на неровных выступах, тянулось из тоннеля, которым мне в итоге пришлось воспользоваться, чтобы покинуть эту пугающую территорию. Первые пару десятков шагов я напряженно прислушивался к возможным звукам приближающегося поезда, однако вскоре понял, что ничего похожего не услышу. Все рельсы, по которым я полз почти в полной темноте, давно нуждались в ремонте, они съехали вбок со своей раскрошившейся основы, а в некоторых местах отсутствовали вовсе. Вряд ли

кто-то рискнет прокатиться по такому пути, не сломав себе шею, думал я, на какое-то время почувствовав себя в относительной безопасности. Но вскоре эта обнадеживающая мысль сменилась пониманием, что это так же могло означать, что в ближайшее время я не увижу никого из живых людей, кто помог бы мне выбраться с этой проклятой подземки. Мое путешествие казалось мне бесконечным, пока наконец, впереди не замаячили смутные очертания следующей станции. Она оказалась просторнее той, что мне удалось покинуть, однако тоже казалась необитаемой. Я вылез на перрон и обнаружил пугающе черный переход, спрятанный в одном из подземных лабиринтов. Знаете, такие ответвления в стенах, с неясным назначением, выглядят inferнально, но это был похоже единственный путь, ведущий не по рельсам. Я понадеялся на удачу и шагнул в чернильную мглу. Я мог бы для красного словца наврать вам о самом долгом и бесконечном переходе в своей жизни, но я хочу быть точным в своем рассказе. Спустя довольно короткий промежуток вечной тьмы на меня брызнуло дневным светом. Я на минуту ослеп, поражаясь, насколько ярким может быть обычный свет обычной улицы. Я уверенно зашагал вперед и очутился прямо на дороге. Я не проходил дверей, не поднимался по лестнице, не катался на эскалаторе. Просто шагнул и оказался на улице.»

Гошка во все глаза смотрел на своего собеседника и поражался его олимпийскому спокойствию, которое тот демонстрировал во время своего повествования. Гошка был, разумеется, смелым парнем и какие-то там лабиринты его бы тоже не смутили, но проделать такой невероятно огромный путь под землей в одиночку!

«А как вы поняли, что ошиблись? — глупо спросил Гошка, имея ввиду расположение нынешнего места, — может быть это какое-нибудь замкадьё? Ну, я хочу сказать, мы оказались неподалеку от крупного города, и стоит немного сдать назад, и мы снова будем дома, или в столице. Ну или там, где по крайней мере живут люди»

«Вы правы, — охотно согласился Грошик, — вначале я тоже был уверен, что стоит мне развернуться, и я снова вернусь к цивилизации. Я делал так много раз, Гоша, и неизменно оказывался на этой дороге. Я брожу здесь вторые сутки, но ни разу еще не встретил никого, кто мог бы внятно рассказать мне про это странное место. И никого не встретил. Большая удача, что вы окликнули меня именно сегодня, иначе от неизвестности мои мозги скоро бы вскипели.»

Гошка всегда позиционировал себя прожженным прагматиком, не верящим ни в Бога, ни в черта, а над бабкиными сказками открыто смеялся, однако прямо сейчас по его венам пробежал обжигающий холод, выдававший явное замешательство.

По словам Грошика выходило, что город, куда их так неосторожно занесло, был и в самом деле необычным. Однажды Гошке уже приходилось скитаться по провинции, куда его однажды пригласил приятель весело провести выходные. Что-то похожее на рассказ доктора Волков испытал, пытаясь тогда выбраться на трассу, всякий раз вместо неширокого асфальта возвращаясь на изрытую грунтовку. Но прозаичный Волков честно списал все эти чудеса на изрядную долю алкоголя, заботливо вливая в него все тем же гостеприимным приятелем. Гурий по внешним признакам был кристально трезв и поэтому разумных объяснений происходящему Гошка не находил. Желая внести в ситуацию немного личного участия, Волков предложил пробежаться по местным магазинам, разузнать новости и заодно пополнить утраченную в переживаниях энергию.

Гурий неохотно согласился, очевидно не видя в предстоящем походе практической выгоды, но отправился следом, послушно отыскивая соответствующие вывески. Вывесок и

магазинов было великое множество, но все они были аккуратно прикрыты заботливыми владельцами и незапланированных визитов не допускали.

«Чем же питаются местные и для чего им тогда такая прорва магазинов?» — думал Гошка, устало перебирая ногами и стараясь не отставать от своего спутника. Гурий уверенно и целенаправленно дергал все двери подряд, пока на сто десятой не остановился и не признал поражение.

«Может, походим еще и по квартирам? — наудачу предложил он, — не может быть, что бы в целом городе не нашлось ни единой живой души!»

Его интонация говорила о полной несерьезности проекта, однако Гошка, повинувшись порыву, тут же направился к одному из подъездов и был схвачен за плечо сильной рукой господина Грошика.

«Не нужно, Гоша, — почти просительно проговорил он, — послушайте доброго совета, обойдемся обычными наблюдениями»

В предостережении прозаичный Волков увидел воззвание к элементарной вежливости и спорить не стал. До самой темноты они бесцельно бродили по пустым улицам, проводя те самые наблюдения, о которых говорил доктор. Наблюдать, собственно было нечего, аллеи казалось, были выполнены под копирку и сложно было сказать, шли они по следующей или все еще топтались на предыдущей.

Прогулки затянулись до темноты, которая обрушилась на город настолько стремительно и неожиданно, что Гошка от внезапности момента присел на корточки и совершенно по-детски зажмурился. Гурий одним рывком привел попутчика в вертикальное положение и приказал немедленно убираться прочь. С виду тихий и скромный доктор сейчас выглядел откровенно озлобленным и не в меру требовательным, от чего Гошка, не допускающий к себе подобного отношения немало возмутился.

«Что это значит? — вызывающе произнес он, изо всех сил пытаясь быть резким, — что вы себе позволяете?»

«Сейчас вы все поймете сами, Гоша, — уже более сдержанно отозвался Гурий, — уходим!»

Глава 3.

Они неслись по бессчетным тропинкам и подворотням, преследуя понятную одному лишь доктору невероятно важную цель. Возле одного из разноцветных домов Гурий притормозил, и совершенно спокойно, будто бы не он только что покорял пространства длиной в полгорода, глядя куда-то вверх Гошки, невнятно пробормотал непонятное: «Если не выйдет здесь, остается здание вокзала», после чего толкнул своего попутчика в какой-то подвал. Едва не скатившись по крутым ступенькам, Гошка пришел к выводу, что это не подвал в широком понимании, а просто обычная лестница, ведущая в полуподвальное помещение. От внешнего мира их отделял высокий бетонный бордюр и металлический навес. О том, в чем заключалась необходимость скрываться в этом неудобном месте, Гошка предпочел не спрашивать у серьезного доктора, пообещав себе выяснить обстоятельства эмпирическим путем. Некоторое время все вокруг было погружено в абсолютную непроглядную тьму, рожденную отсутствием привычных фонарей и освещенных окон, но очень скоро из вязкой темноты до Гошки донеслись непонятные звуки, природу которых он объяснить затруднялся. Больше всего звуки напоминали отрывистое шарканье босых ног. Почему именно босых, Волков для себя не определил, аналогия пришла спонтанно и доказательной базы не имела. Гошкино живое воображение мигом изобразило дикого

чудовища, способного расправиться с любым за долю секунд. Однако вместо страшного монстра напротив подвала притормозил некто, имеющий пугающее сходство с обычным, среднестатистическим человеком. Фигура некоторое время топталась на одном месте, каждым своим жестом выражая напряженное ожидание, после чего, резко развернулась и зашагала прочь, исчезая из поля зрения. С виду это был обычный обыватель, вышедший покурить на ночь, и Гошка изо всех сил пытался понять, что опасного Гурий увидел в этом гражданине, и почему им приходится прятаться столь глупым образом.

«Я сказал вам, что город необитаем, — снова заговорил Гурий, словно расслышал Гошкины сомнения, — однако это не совсем так. Днем город действительно большей частью пуст и ничего не говорит о его населенности и бурной общественной жизни, однако с наступлением темноты... Первую ночь пребывания здесь я решил провести в парке, тем более, что этот город имеет очень богатый выбор таких архитектурно-интерьерных сооружений. Я присел на одну из скамеек, но неожиданно за моей спиной послышались шаркающие шаги, немного напоминающие те, что слышали мы с вами совсем недавно. Я обернулся, приготовившись к новому знакомству и готовя приветственную фразу, однако вскоре передумал вообще открывать рот. В шаге от меня стояло нечто, не располагающее к беседам. Я смутно разглядел его чарующие черты, но одно мог сказать с уверенностью — это не было представителем человеческого вида. Я врач, Гоша, поэтому кое-что понимаю в человеческой анатомии и хорошо знаю, что для того, чтобы считаться представителем данной категории, необходимо как минимум иметь глаза, рот, нос, и другие приспособления, без которых не обойтись. Существо, стоящее рядом со мной ничего такого не имело, обходясь абсолютно ровным, монолитным, я бы сказал, «лицом». В самую первую минуту я подумал о некоем розыгрыше с использованием смешных масок или нечто подобного, однако, присмотревшись, я понял, что ни о каком розыгрыше речь не идет. Существо, не испытывая никакого дискомфорта от явного некомплекта, уверенно двинулось мимо, обходя скамейки и перепрыгивая невысокие насаждения. На меня оно не обратило внимания, чему я только порадовался. Проводив взглядом загадочную личность до самого переулка, в котором она скрылось с глаз, я стал убеждать себя в том, что просто ошибся в сумерках, что существо имеет неизвестный мне диагноз, и что опасаться нечего. Мои убеждения работали ровно до того момента, пока на аллеях не показались другие обладатели загадочного диагноза. В этот раз их было немного побольше, и они представляли собой некую группу праздных гуляк. О том, что они именно гуляют, я догадался по их неторопливой походке и негромким звукам, доносившимся неизвестно откуда, но отчетливо напомнившим мне дружескую беседу. Да, Гоша, они разговаривали, при чем даже вели друг с другом диалоги. Звуки, которые они использовали для общения, я бы сравнил с вывернутыми наизнанку словами.»

Гурий задумался над своей последней фразой, собираясь, видимо, продемонстрировать это неясное звучание своему собеседнику, пока Гошка приходил в себя от обилия информации, обрушившийся на его неокрепшие мозги. Гурий казался Гошке странным типом, таких в его интернате называли чокнутыми, правда, озвучивали при этом совсем другое слово. Волков готов был согласиться сейчас с очевидным определением, поскольку в сказки не верил, а к врачам относился настороженно во все времена. Тем временем Гошик наконец-то отыскал подходящие звуки для демонстрации и негромко пробормотал какую-то соловьиную трель, исполненную басом.

Гошка попятился от собеседника и, не удержавшись, тяжело грохнулся с лестницы,

скатившись к самому низу. Больно ударившись о закрытую железную дверь подвала, везунчик поморщился и из вежливости отозвался на услышанную руладу.

«Вы ненормальный?» — прозвучала Гошкина реплика, заботливо очищенная от всякого рода нелитературных вкраплений.

«Увы, я совершенно нормальный, Гоша, — нисколько не обидевшись, тут же отреагировал Гурий, — знаете, на вторую ночь в этом городе я охотно принял бы на себя это почетное звание, насколько жутким мне стало казаться все, что я видел. Несмотря на то, что с наступлением дня все эти жуткие уродцы растворились, меня продолжало преследовать ощущение, что вот прямо за ближайшим углом я обнаружу гладкую яйцевидную маску, издающие непонятные звуки. Впрочем, непонятными они были для меня в первые несколько часов. Как только на землю рухнула очередная ночь, отвратительные животные стали вылезать на улицы, все еще игнорируя мое присутствие. Я вынужденно бродил среди них и с почти научным интересом присматривался к их внешности. В ней не было ничего особенного, все они были одеты так, как одеваются обычные люди — джинсы, куртки, футболки, большинство из местных имели довольно густые волосы, и со стороны они все действительно выглядели людьми. Но так казалось только со стороны. Из сотни встреченных мной обывателей не нашлось ни одного, кто имел бы стандартную внешность, включающую привычные детали. Те, кто шел мне навстречу или же обгонял меня в компании себе подобных, в большинстве случаев поддерживали негромкую беседу, состоящую все из тех же вывернутых звуков. Пристроившись за одной такой парочкой, я с суеверным ужасом слушал их диалоги и неожиданно понял, что один из собеседников требует от некоего господина вернуть ему причитающуюся сумму, вложенную собеседником в раскрутку частного бизнеса. Тот, кому сообщались эти старые как мир подробности, предлагал приятелю прибегнуть к насилию и выбить сумму ногами. При этом звуки, которыми обменивались собеседники, оставались все такими же исковерканными и лишеными смысла. Я даже на секунду поверил, что наконец-то нашел обычных людей, однако простая проверка доказала мне, что я снова ошибся. Среди этой толпы не было никого, кого бы можно было бы назвать человеком в привычном понимании.»

Гурий говорил что-то еще, больше не замечая присутствия обалдевшего знакомого и обращаясь куда-то в темноту. Гошке откровенно надоели пугающие откровения, и прямо сейчас он затруднялся бы сказать, чья компания была бы ему предпочтительней — неведомые уродцы, невнятно дребезжащие о повседневных и знакомых делах, либо красавец доктор с идеально-правильной рожей и безумными бреднями. Улучив минуту, когда Гурий наиболее глубоко погрузиться в воспоминания суточной давности, Гошка выскользнул из подвала и растворился среди густого сумрака незнакомых улиц. «Если уродцы умеют говорить, обмениваясь информацией, возможно, они подскажут мне, как выбраться из этого чертового места, чем бы оно не было — думал Гошка, торопливо перебегая узкие темные улицы и мысленно прося прощение у оставленного им разговорчивого соседа по подвалу. — а доктор Гурий справиться сам!»

Глава 4.

Новый день начался непривычно внезапно, минуя всякие предварительные стадии наступающего утра, как будто кто-то включил ослепительно-жаркое солнце, просто повернув рубильник. Гошка к этому времени успел миновать большую часть города, рассчитывая до следующей ночи выбраться на какую-нибудь дорогу, попутно знакомясь с местными пейзажами. Трудно было сказать, что ставилось в задачу архитектора, проектирующего этот город, но то, что разнообразие в планы не входило, было очевидно. Повсюду, докуда мог дотянуться любопытный Гошкин взгляд, толпились совершенно одинаковые разноцветные дома, прямые и скучные, несмотря на яркую расцветку. Скоро от такого обилия яркого цвета у Гошки закружилась голова, он присел на одну из скамеек, и тут же как по команде в памяти возникли обрывки полуночного бормотания сумасшедшего доктора о яйцелицых горожанах. Волков негромко усмехнулся столь наивным сказкам и словно в опровержение его скепсиса, за спиной послышалось знакомое шлепанье. Пока безумные рассказы не подкреплялись визуальными дополнительными материалами, везунчик гордо отмахивался от пустых бредней, но прямо сейчас, одновременно с отчетливым шлепаньем, его догнал откровенный страх.

«А что, если безумный доктор не так уж и безумен и что он прав, рассказывая мне о всяких ночных чудесах?» — мелькнула мысль и Гошка медленно скосил глаза в сторону новых звуков.

Доктор оказался не прав. Он говорил об абсолютно гладких уродцах, принадлежавших к новому биологическому виду, однако доктор не мог видеть в сумерках того, что прямо сейчас видел перед собой потрясенный Волков. Существо, насторожено замершее в паре шагов от Гошкиной скамейки, действительно не имело глаз, рта и носа, но это не было природной аномалией. Это было результатом вмешательства кого-то, кому было важно лишить существо этих привычных деталей. То, что было некогда лицом, было изрезано тонкими неровными шрамами, возникшими на месте тех самых отсутствующих элементов, и от этого производило впечатление некоего штопанного мяча, имеющего отталкивающий синеватый оттенок. Волков в смятении попятился и, не дожидаясь, пока существо почует его присутствие, со всех ног ринулся прочь, не разбирая дороги. Сейчас он уже отчаянно жалел, что так недальновидно расстался с доктором, во всяком случае, тот, узнав детали, мог, возможно, дать какие-нибудь объяснения увиденному. Когда, по Гошкиным подсчетам, их с существом стало отделять не менее пары километров, он притормозил, едва переводя дыхание, и обессиленно повалился на ровный газон, стелящийся в этом городе там, где не было асфальта. Только сейчас чертовому везунчику пришло понимание, что последняя шаверма, съеденная им пару суток назад, отказывается поддерживать его бодрое состояние и отчаянно требует подкрепления. Похлопав себя по карманам и не обнаружив там ничего, напоминающего деньги, Гошка шумно выдохнул и снова вспомнил коварно оставленного на лестнице странного доктора. Теперь, когда Волков сам все увидел воочию, он склонялся к мысли, что Гурий все-таки был прав совершенно и бросать его все же не стоило. Место, послужившее привалом вконец растерявшемуся Георгию, мало чем отличалось от только что покинутого, и у беглеца создалось устойчивое впечатление, что он просто бежит по кругу. Это понимание не притупило чувство голода, а скорее умножило, и Гошка отправился на

поиски съестного.

Торговых павильончиков, обвешанных яркими вывесками, на пути встречалось великое множество, но среди этого многообразия не было ни одного с гостеприимно распахнутыми дверями. Магазины выполняли роль декорации и практической пользы не несли. Побродив среди бесполезных строений еще некоторое время, дальнбойщик вновь пожалел об упущенной возможности выяснить у всезнающего доктора все, что касается правил поведения в непонятном городе. Толкнувшись на удачу еще в один, последний, павильон, Гошка неожиданно ввалился внутрь и ошарашенно замер перед сидящим за прилавком продавцом, сморщенным старцем неопределенных лет. Его морщинистая коричневая физиономия была настолько нехарактерна для занимаемой должности, что растерявшийся покупатель не сразу сообразил, что видит перед собой самое обычное лицо с крохотными водянистыми глазками и крючковатым носом.

«Вы настоящий? — выпалил первое, что пришло в голову, совершенно обалдевший Гошка и тут же извинился. — я прошу прощения, просто я видел недавно странного человека, ну и до этого еще одного...»

Старик хрипло засмеялся, отплевывая прямо на пол длинную густую слюну, и согласно кивнул, принимая извинения.

«Здесь я странный, — непонятно отозвался он, просмеявшись, — ты странный, а тот, кого ты видел, обычный человек. Ты недавно тут?»

«С чего вы так решили? — храбро уточнил Гошка, — и где это, «здесь»? что это за место такое?»

Старик продавец больше решил не смеяться и на пол не плевать, а совершенно серьезно поведал своему потенциальному покупателю весьма пугающие факты, которые ничего не прояснили, а только еще больше запутали.

«Место это нехорошее, парень, мой тебе совет, держись от него подальше. А мне они ничего не сделают, я им нужен. Так им и передай, если встретишь. А сейчас убирайся-ка, пока они не пронюхали твоего присутствия. Живо, парень!»

Гошка не стал себя долго уговаривать, тем более, что разыгравшийся совсем недавно аппетит после дедовых упражнений немного поутих и вполне мог не беспокоить своего хозяина еще некоторое время. Он не успел выяснить у деда, кто такие «они», да и про само место тоже ничего не выяснил, но на это у него уже не оставалось времени. Стоило Георгию вышмыгнуть на улицу, как до его обостренного слуха тут же донеслось знакомое шлепанье. Теперь оно принадлежало одновременно нескольким представителям странного племени, и слышалось сразу со всех сторон. Гошка рванул было прочь, как и советовал ему дед, вот только точного направления тот не указал, и везучик по привычке помчался куда глядят глаза. Таинственное шлепанье не отступало, не растворялось, а упрямо и целенаправленно двигалось следом, не отставая ни на шаг. Гошка прикладывал последние усилия, чтобы разорвать сохранявшееся расстояние и отчаянно старался не оглядываться, поскольку особой с рожами сдувшегося мяча становилось все больше, а сил у Георгия оставалось все меньше. Наконец, ему феерически повезло разглядеть прямо перед собой не разноцветный, набивший оскомину глупый дом, а самую настоящую заброшку, оставшуюся от незавершенного строительства очередного архитектурного разноцветного бреда. Волков резво нырнул через невысокую стену и тесно прижался спиной к прохладным камням. Шлепанье затихло в нескольких метрах и настороженно прислушалось. Уродцы что-то подребезжали между собой, и среди их несвязной речи Волков отчетливо расслышал угрозу в свой адрес.

Возможно, здесь сыграло роль его живое воображение, а возможно доктор Гурий снова оказался прав.

«Ох, Гурий, — мысленно вздохнул Гошка, — если бы он умел более убедительно рассказывать свои страшилки, то вероятно, прямо сейчас составил бы мне компанию, скрываясь от отвратительных существ с неясными намерениями»

Шаги преследователей наконец-то стали удаляться, и горе-беглец позволил себе выдохнуть. Заброшенный недострой был отличным местом провести здесь выходные или пару часов, но для постоянного проживания был категорически не приспособлен, поэтому Гошка, соблюдая максимум предосторожностей, решил продолжить свое путешествие, имеющее цель сбежать из города любыми путями. За полуразрушенными стенами его поджидали уродцы, и объявленные цели пришлось отложить на неопределенное время. К счастью, мяче подобные раззявы не заметили его краткого появления, продолжая слепо пялиться в пространство, но и покидать свой пост не спешили. Гошка не был уверен в их силе характера, но что-то подсказывало ему, что туповатые охотники за необычным продолжат свое наблюдение до темноты.

«А там им на смену подоспеет новое подкрепление,» — подсказал гаденький голосок, и Георгий откровенно загрустил. За своими страданиями он не расслышал еще одни шаги, на этот раз зазвучавшие с противоположной стороны недостроя. Гошка очнулся только тогда, когда прямо над его головой прозвучало отчетливое требование следовать за ним. И без глупостей.

Глава 5.

Везунчиком Гошку прозвали еще в интернате, куда его привела за руку собственная мамаша, не пожелавшая тратить свою молодую двадцатилетнюю жизнь на воспитание мелкого недоумка. Отца он не знал, о его существовании ему поведала бабка, когда еще была в здравом уме. Из ее невнятных полупамеков Гошка выяснил, что однажды двое малолетних романтически настроенных придурков решили поиграться в большую и чистую любовь. Любовь прошла, малолетние Ромео и Джульетта потеряли друг к другу интерес, а результат своей необдуманной страсти решили отдать на попечение государству. С тех пор Гошка старательно оправдывал данное однажды прозвище, не отступая от традиций ни на шаг. Сумрачный голос, позвавший его прочь из заброшки, был еще одним тому подтверждением, поскольку ничего хорошего своим появлением не сулил.

«Живее, Гоша, шевелитесь!» — повторил голос, и чертов везунчик впервые в жизни поверил в удачу. В темноте недостроенных стен он с трудом рассмотрел высокую ладную фигуру доктора Грошика, неизвестно как обнаружившегося в катакомбах.

«Уходим, Гоша, — повторил голос, и в его интонации зазвенела сталь, — а по дороге я расскажу вам еще одну сказку, только пообещайте мне выслушать ее до конца, и не сбежать раньше времени!»

Гурий не обманул, их непродолжительное путешествие по извилистым коридорам замороженной стройки, действительно, было украшено очередной страшилкой, факты для которой любознательный доктор настойчиво собирал в результате наблюдений и опасного шпионажа. Город, в который занесло их двоих, имел неясную географическую характеристику, а его обитатели добровольно или насильственно подвергались пугающей процедуре, в результате которой их стандартная внешность приобретала уродливые очертания.

«Я говорил вам, что это неизученный биологический вид, — торопливо бормотал

Гурий, волоча за собой слабо упирающегося спутника, — я был прав только отчасти. Как я понял из обрывочных сведений, в этот город попадали вполне обычные люди, обладающие стандартной внешностью, однако после непродолжительного проживания здесь с их лицами происходили странные изменения. Черты разглаживались, превращаясь в подобие маски, а вместе с ними исчезала способность мыслить логически. Возможно тому виной генетические изменения, не знаю, Гоша, утверждать не берусь. Популяция крепла и множилась, но вместе с ее развитием, стали снижаться показатели интеллекта. Чем дольше времени проводили здесь вновь прибывшие, тем сильнее ветшал их разум, превращая обывателей в тупое стадо. Когда регресс достиг апогея, нашелся один из наиболее выдающихся деятелей, кому пришла в голову мысль об искусственном создании нового Человека без Потребностей. Вероятно, создавая такие проекты, генетически измененные граждане основывались на полном отсутствии отверстий, через которые в их ущербные организмы должна попадать духовная и физическая пища. Эта идея настолько захватила их скудный разум, что они принялись проводить опытные исследования. Материала для исследований катастрофически не хватало. Тех, кто еще являлся счастливым обладателем глаз, рта и носа, первыми бросили на алтарь науки, не дожидаясь естественных изменений. Человека без Потребностей вывести не удалось. У генетических уродов оставались еще нужда в пище, поскольку они все еще оставались органическим соединением, требующим жизненной энергии. Но это не остановило местных ученых деятелей. Они с удвоенным энтузиазмом взялись за разработки, как мне кажется, уже чисто из спортивного интереса. Я не выяснил, кто стоит за этими никому не нужными опытами, но четко понял одно — без внимания не остается ни один. Здесь даже существует отдельная команда, их называют «собираателями», которые поставляют в лаборатории новый подопытный материал. Вы едва спаслись, Гоша, но не думаю, что это продлится долго. Выхода из этого города не существует, в этом его самая главная странность. Его границы не охраняются, их попросту нет. Как нет и самого города. Он не имеет названия, не имеет координат, кто однажды имел неосторожность попасть на его территорию, обречен.»

Пока Гурий вел познавательную-развивающую лекцию, беглецам удалось покинуть заброшенную стройку, но какие это давало им преимущества, было неясно.

«Откуда вы узнали все это? — задыхаясь от быстрого бега пробормотал Гошка, неосознанно вырываясь из крепкой руки своего попутчика и спасателя. — насколько достоверны эти ваши знания?»

«Не достоверны, разумеется, — негромко хмыкнул Гурий, — мне поведала о них девочка в магазинчике. Я упоминал «собираателей»? Девочка оказалась одной из них, но почему-то не стала сдавать меня властям. Она, кстати, поразительно оказалась похожа на девчущку, с которой я сидел за партой в начальной школе. Ну, если смыть с ее лица невероятный слой грима и из ее лохматых волос соорудить пару веселых хвостиков, то сходство станет очевидным.»

Гурий снова замолчал, прислушиваясь к внешним звукам. Гошке было откровенно непонятно, с какой целью затевались эти дорогостоящие и чудовищные опыты, и что в итоге рассчитывали получить из этих забав. А еще у Волкова сложилось устойчивое понимание, что Гурий ему многое не договаривает. Во всяком случае, его повествование было до краев наполнено сомнениями, как если бы Гурий раскрывал бы Гошке суперсекретные тайны помимо своей воли. Передышка, на которую так рассчитывал Волков, временно откладывалась, поскольку изначально пустой город стал настораживающе оживлен.

Отовсюду стали появляться уродливые фигуры с изрезанными рожами, но не было похоже, что они преследуют поисковые цели. Гурий предусмотрительно толкнул Гошку в тень, и жестом приказал сохранять полную неподвижность. Похолодевший от перспектив дальнобойщик и без особых распоряжений старался не дышать, неотрывно следя за размеренно перемещающимися чудищами. Точкой их сбора оказался серый бетонный фонтан, ныне бездействующий. Штопаные рожи, собравшись маленькой толпой, неторопливо двинулись в сторону посадок. Гурий тут же напрягся, явно собираясь составить им компанию.

«Остановитесь, — одними губами прошептал Гошка, в деталях припоминая недавний рассказ, — они нас не заметили, не будете же вы лезть на рожон?!»

Речь Георгия была украшена весьма красноречивой интонацией, в ответ на которую Гурий негромко рассмеялся.

«Вы так и не поняли, что эти суперлюди ничего не делают без определенной команды? Тогда они ловили вас, выполняя чужую волю, сейчас перед ними стоит новая задача, и я хочу выяснить ее цель.»

Гошку никто не назвал бы чрезмерно рассудительным и здравомыслящим, однако даже ему предполагаемый демарш смелого доктора показался безрассудным. Не зная, какими словами убедить Гурия не делать глупостей, Гошка без затей повалил внушительную докторскую тушку на землю и, крепко придерживая ее руками, гневно прошипел:

«Прекратите, Грошик! Вам мало того, что вам поведала девочка-собирательница с веселыми грязными хвостами?! На кой черт вам сдалось изучение этих уродов? Лучше придумайте, как нам покинуть это скорбное место, пока наши рожи не превратились в размытый блин!»

Гурий особо не напрягаясь, смахнул с себя легкого Гошку и медленно сел, не сводя со своего попутчика внимательных глаз. От приложенных усилий тот отлетел в густой раскидистый куст и теперь барахтался в ветках, пытаясь выбраться. Гурий наблюдал за его стараниями некоторое время, все так же храня молчание, и от его странной реакции Гошке стало не по себе.

«Прошу прощения за резкий тон, — пробормотал он, наконец принимая вертикальное положение, — но согласитесь...»

«Никогда больше не распускайте руки, Гоша, — хмуро прервал его откровения доктор и поднялся. — идемте, если мы не узнаем, чем дышат эти существа, мы всегда будем в опасности. Не бойтесь, Гоша, со мной вы не пропадете.»

«Надеюсь, вы знаете, что делаете,» — глухо пробормотал Гошка, решив оставить последнее слово за собой, и нехотя поплелся следом за решительным доктором.

Далеко идти им не пришлось. Уродливое сообщество, миновав искусственные посадки, вышло на небольшую площадку, в самой середине которой была навалена солидная куча песка. Ее склоны были покрыты густой травяной порослью, и в целом она напоминала небольшой холм. Гурий остановился на значительном расстоянии, все же не рискуя попадать в поле зрения местных, и приказал Гошке тоже соблюдать максимальную осторожность. Дальнейшие действия участников экспедиции можно было бы приравнять к детской забаве, поскольку они по очереди забирались на вершину холма и, постояв там некоторое время, спускались обратно.

«Какие вы делаете выводы из увиденного? — не удержался от сарказма Гошка, обращаясь к Гурию, — вы уже открыли тайну вселенной?»

Ответа он, ожидаемо, не получил, а получил увесистый пинок, напоминающий ему не лезть не в свое дело. Затевать потасовку Гошка не рискнул, поскольку события на холме приобрели некое разнообразие. Теперь нелепые уродцы забирались на вершину парами, после чего повторяли весь предыдущий ритуал с точностью до жеста. Гошка уже устал упражняться в остроумии по поводу высоких интеллектуальных показателей суперлюдей без потребностей, однако самое последнее, заключительное, действие неясного обряда заставило его негромко выругаться и забыть закрыть рот. После утомительных хождений взад-назад вся группа взобралась на холм, странным образом разместившись на узенькой вершине, и в одночасье исчезла. Она просто растворилась в воздухе, не оставив после себя даже тени.

«Они спрыгнули на другую сторону, — пробормотал Гошка, не желая признавать очевидного, — наигрались и пошли домой жрать манную кашу. Пойдем и мы, Гурий, я так и не увидел ничего значительного в этих детских забавах»

Однако доктор все еще сосредоточенно пялился на опустевшую зеленую кучу и молчал, очевидно, тоже пытаясь подобрать рациональное объяснение увиденному. Он, забывая про наличие здравого смысла, осторожно пересек площадку и решительно направился к холму. Гошка давно махнул рукой на попытки воззвать к голосу разума строптивого доктора и послушно двинулся следом, не имея других идей. То, что весь этот карнавал им не привиделся, подтверждало множество отпечатков, оставленных экспедицией. То были солидные следы от ботинок и кед взрослых размеров и ни о каких детских развлечениях можно было уже не говорить. Само собой, за невысоким холмом никто не прятался, никуда не прыгал, и манная каша тут была не при чем. Гошка косился на сосредоточенное лицо доктора и ждал момента, когда любопытный Гурий отправится на вершину искать смысл бытия. Однако, вероятно у Грошика еще оставалось немного инстинкта самосохранения, и от последней проверки он решил отказаться.

Вернувшись на исходную позицию, Гурий тяжело опустился на траву и, подняв на Гошку уставшие глаза, негромко пробормотал.

«То была не игра, разумеется. Эти туповатые уродцы скрывают в себе многие сюрпризы, Гоша, но я уже не хочу больше разгадывать их тайны. Если честно, то я бы сейчас не отказался бы от куска прожаренного мяса и кружки грога, до чего я хочу есть. Впрочем, если вы предложите мне обычный бутерброд, не откажусь и от него.»

Бутерброда у Волкова не было, как не было и прожаренного мяса вместе с кружкой грога, зато он неожиданно вспомнил про наличие в городе магазинчиков.

«Это не магазинчики, — вздохнул Гурий, демонстрируя полное нежелание объяснять недалекому Гошке очевидные вещи, — это ловушки, в которые попадают те, кому посчастливилось еще остаться полноценными людьми. Та девочка с хвостиками настоятельно рекомендовала мне рвать когти от ее павильона, «пока эти чудовища вас не почуяли», так она сказала, прощаясь со мной. Думаю, она права. Мне удалось смыться, но я отчетливо слышал шлепанье босых ног за своей спиной. Поэтому магазинчики отпадают, Гоша. Придется поголодать.»

Услышанное только что от Грошика полностью совпадало с Гошкиной попыткой приобрести съестное у плюющего на пол деда. Даже напутственные слова звучали одинаково.

«Давайте сделаем еще одну попытку прогуляться за территорию, — глядя на осунувшуюся физиономию везучего спутника, предложил Гурий, — у нас, в общем-то других

вариантов немного. Наберитесь мужества, Гоша, еда подождет.»

Манера Гурия вести диалоги откровенно выбешивала скромного дальнобойщика. Доктор изо всех сил пытался продемонстрировать собственную значимость, при чем делал это так тонко, что ему даже рожу набить было не за что. Гошка, чувствуя нарастающую неприязнь к надменному парню, только фыркнул, клятвенно пообещав себе при удобном случае ответить Гурию тем же.

Глава 6.

«Нам еще феерически везет, — решил выступить Гурий перед дальней дорогой, обращаясь к измотанному спутнику, — днем эти чудовища мало активны и к самостоятельным действиям неспособны. Ну, а ночью мы как-нибудь постараемся не показываться им, я бы сказал «на глаза», но этого добра у них нет, поэтому постараемся просто держаться от них подальше»

Столь бодрое напутствие поддержало Гошку весьма незначительное время. Отсутствие нормального отдыха, а также сытного питания и обнадеживающих перспектив, заставило очнуться Гошкиного внутреннего пессимиста. После целого дня бесцельной прогулки по узким аллеям, ни на шаг не приблизившей его к заявленной цели, и бессонной ночи, проведенной в напряженном ожидании рассвета, Гошка отказывался достигать любых целей. Феерическое везение, сопровождавшее их целые сутки, неожиданно кончилось ясным днем, когда дорога возвратила путников на знакомую уже площадку с песчаным холмом. Как раз в тот момент, когда Гурий, осунувшийся, побледневший и невероятно худой, тоном мудрого экскурсовода указал Гошке на недавний объект их интереса, на вершине появилась одинокая фигура. Гурий, прервав экскурсию, очень неинтеллигентно выматерился, чем заработал в Гошкиных глазах десяток очков.

«Что это? — пробормотал он, от неожиданности замирая на месте, — вы это тоже видели?»

Поделиться наблюдениями ошарашенный Гошка не успел, поскольку, следом за первой фигурой, показалась еще одна, затем еще, пока из невнятных пришельцев не образовалась целая группа.

Все они как по команде застыли в нескольких шагах от неудачливых беглецов и впервые за все время их пребывания в этом городе Гошка по-настоящему испугался. От невнятной группы веяло потусторонним ледяным ужасом, объяснить природу которого Гошка даже не пытался. Покрытые уродливыми шрамами рожи отражали нетерпеливое ожидание и некое торжество, от осознания которого по венам катились обжигающие волны страха.

«Бежим, Гурий! — забывая о наставлениях не в меру обидчивого доктора, изо всей силы толкнул он замершего Грошика, — чего вы пялитесь на них, идиот! Уходим, ну!»

Гурий раздражающе медленно обернулся к своему переполошившемуся спутнику и согласно кивнул, при этом не делая даже попытки сдвинуться с места. В поведении Гурия Гошка снова рассмотрел пугающие сомнения, и не дожидаясь развития событий, рванул со всех ног прочь. Куда сейчас лежал его путь, не знал никто, включая самого Гошку. Волков видел перед собой единственную цель — оказаться как можно дальше от безглазых уродищ, от ненормального Гурия, от этого чертового города. Гурий Грошик рождал в Гошкином сознании не меньше ужаса, чем штопаные рожи, вставая с безглазыми уродами в один ряд.

«Он такой же как они, — повторял про себя Гошка, едва справляясь с дыханием, — и даже его совершенная и безупречная рожа не убедит меня в обратном!»

Очень скоро Гошка расслышал за спиной тяжелое дыхание своего пугающего спутника

и его отрывистые фразы, приказывающие Гошке сбавить обороты.

«Остановитесь, придурок! — хрипел Гурий, настигая беглеца, — какого черта вы рванули от меня, как сумасшедший? Завязывайте, Гоша, не заставляйте меня применять силу!»

Последнее напутствие только подхлестнуло насмерть перепуганного Волкова, никак не поспособствовав налаживанию мирных отношений.

Гурий, не дождавшись от Гошки взаимности, легко догнал его и свалив на землю, устало и торопливо забормотал, поминутно оглядываясь назад.

«Так вы не спасетесь, идиот, безглазые невероятно выносливы, им однофигственно, сколько времени тратить на забеги, поскольку они больше не обладают такими качествами, как обычная человеческая усталость, им неведома боль, они могут гонять вас до того, пока вы сами не сдадитесь им. Послушайте меня, Гоша, не тратьте силы.»

Слова Гурия странным образом успокаивали, погружая в некое состояние транса, и Гошка был готов прекратить бессмысленную погоню, сдаваясь на милость штопанным преследователям. Охватившее безразличие, вызванное словами доктора, помешало до конца осознать Гошке тот очевидный факт, что в своей речи Гурий ни разу не упомянул о собственном спасении. Либо он обладал невероятно стальными яйцами, либо был заодно со штопанными уродами. Последнее предположение казалось Гошке более правдоподобным, и он, махнув рукой на все сущее, с готовностью поднялся.

«Вы правы, — немного вызывающе проговорил он, смело глядя на утонченную рожу доктора, — пойдем сдадимся этим гамадрилам, чего зря тратить время и силы!»

Гурий негромко засмеялся в ответ на столь категоричное заявление и решительно потянул Гошку за собой, очевидно придумав новый план. Выскочив на очередную аллею, Гурий едва заметно обернулся, оценивая дистанцию, и негромко пробормотав себе под нос:

«Мы еще успеваем...» — решительно понесся вперед, таща за собой слабо упирающегося попутчика.

Безглазая братия пригнала их в полутемное помещение с мозаичными стенами и оставила одних, плотно закупорив все возможные выходы из импровизированной темницы. Внешне помещение напоминало холл какого-то муниципального заведения, и, присмотревшись внимательней, Гошка нашел много сходства с парадным залом своего интерната. Это понимание немного согрело душу, но выхода из ловушки не подсказало. Гошка, уверенный, что слепая стая скоро снова их навестит, принялся шарить по углам, отыскивая лазейки для бегства. Одна из дверей, оказавшаяся открытой, вела в огромный актовый зал, с самой настоящей сценой и длинными рядами мягких кресел. Вряд ли это место было лабораторией, где проводились опыты, хотя, раз эти опыты секретные, то вполне могло стать, что за тяжелыми драпировками как раз и скрывалось темное зло.

Доктор снова впал в оцепенение, с явным безразличием наблюдая за Гошкиными стараниями, и терзаясь новыми сомнениями.

«Гурий! — на пробу рявкнул Гошка, отвечивая попутчику увесистый пинок, — завязывай валять дурака, пора убираться отсюда. Ну, шевелись, приятель, не время сейчас!»

От удара Гурий пошатнулся и с грохотом обрушился на бетонный пол, чтобы мгновение спустя резво вскочить на ноги и принять боевую стойку. Гошка во все глаза пялился на преображенного доктора. Сейчас в том не было ничего от прежней интеллигентной утонченности и надменной снисходительности, которая так напрягала неприятельного везунчика.

«Гоша? — не скрывая раздражения, пробормотал Гурий, механически стискивая кулаки, — в чем дело? Что вы себе позволяете?»

Гошка в ответ на столь гневную отповедь, только невесело усмехнулся, изумляясь способности Грошика менять личину по тысячу раз в день.

«Да бросьте, — махнул рукой Гошка, — после выскажете мне все, что найдете нужным. Слепые чудовища скоро вернуться, давайте не будем дожидаться нового свидания!»

Гурий потерянно заозирался, будто бы только что обратив, наконец, внимание, что вместо навязших в зубах аллеек, его окружают стены какого-то здания. Он настороженно огляделся, выпадая из воинственного образа и вновь натягивая маску занудного заучки.

«Куда подевались слепые уродцы? Они же должны были... — недоуменно пробормотал он, больше обращаясь к самому себе, — что это за место? Я был уверен, что круглый тип лично..., впрочем, не важно, Гоша.»

«Я не имею понятия, что это такое, — тем не менее отозвался Гошка, — похоже на дом культуры или что-то вроде того.»

«Тут есть актовый зал, — доверительно сообщил Гошка, выдержав небольшую паузу. — но все же думаю, нас пригласили сюда не за культурной программой. Слышите? Они уже здесь»

За высокими плотно закрытыми дверями раздалось характерное шлепанье, и в ту же минуту тяжелая дверь распахнулась, впуская внутрь безглазых уродцев. Гошка, повинувшись древним инстинктам, ухватил доктора за руку и поволок его в тот самый актовый зал, о котором упоминал минуту назад. Все остальные выходы были им недоступны, и на величественное помещение Гошка возлагал особенные надежды. За невысокой сценой, украшенной с обеих сторон красивыми драпировками, обнаружилась едва заметная дверь, за которой скрывалась чудовищная непроглядная темнота. Не находя иных идей, Гошка подтолкнул затормозившего Гурия внутрь, прыгнул следом и плотно захлопнул дверь за собой.

«Вы уверены, что это то, что нам нужно? — с явным недовольством прошептал Гурий, интуитивно хватаясь за Гошку, — я не стал бы делать столь стремительных шагов.»

Гошка хотел предложить не в меру разговорчивому доктору вернуться в зал и обсудить насущное с безглазыми, однако неожиданно сообразил, что за псевдонаучной болтовней Гурий пытается скрыть обычную растерянность. Очевидно, он все еще никак не мог прийти в себя после воздействия гипноза или чем было то таинственное состояние, в которое он погружался время от времени на протяжении текущего дня. У Гошки появлялась отличная возможность расквитаться за все то высокомерие, которым одаривал его Гурий на протяжении их знакомства, но странное дело. Растерявший весь свой научный апломб доктор больше не рождал в Гошкиной душе неприятия, оно внезапно сменилось снисходительной жалостью, и вести подсчет очкам Гошке расхотелось вовсе.

«Как вы думаете, Гоша, что это за место?» — решил пойти на контакт притихший Гурий. Гошка охотно ввязался в беседу, пытаясь с ее помощью прогнать странное оцепенение, разом навалившееся на его измотанную душу. Это могло быть чем угодно — от бытовой подсобки, до ворот в преисподнюю. От этого города можно было ожидать любой подставы. Сам Гурий никаких предположений не высказывал, предпочитая выяснять все эмпирическим путем. Он некоторое время стоял, словно раздумывая, после чего, внезапно приняв решение, медленно и осторожно шагнул внутрь чернильной тьмы, стараясь при этом ни на минуту не отпускать Гошкину руку. Они провели в темноте довольно длительное

время, но их глаза все еще никак не могли адаптироваться в непривычных для них условиях и, вместо любых очертаний внутреннего интерьера, демонстрировали своим обладателям только размытые полупрозрачные пятна.

Неожиданно относительно ровный пол под их ногами сменился непонятными выступами, по своим поверхностным характеристикам, напомнившим Гошке ступеньки горизонтальной лестницы. Гурий, идущий впереди, то и дело спотыкался на ощутимых неровностях, при этом озвучивая весьма витиеватые высказывания, сотканые из подзаборной лексики. Гошка только хмыкал, прислушиваясь к шедеврам, и пытался запомнить самые забористые из них. Когда время их пребывания в темноте стало приобретать угрожающие размеры, Гурий внезапно остановился и, возвращая себе привычный облик ученого зануды, недовольно изрек:

«И все же, Гоша, стоило наверно выяснить назначение этих помещений, прежде чем отправляться в столь непродуманное путешествие. Скажите мне, куда ведет эта дорога, сам я уже исчерпал все свои идеи.»

Гошка тоже об этом не знал, но ляпнул наудачу первое, что пришло в голову: «Это подземелье, с гномами и канализационными монстрами, но это все же лучше таинственных лабораторий по уничтожению носа, рта и других запчастей. Не знаю, как вам, но мне мои еще пригодятся!»

Гошка постарался вложить в интонацию всю иронию, на которую был способен, однако его реплика неожиданно развеселила спутника, и в крошечной темноте раздался его хрипловатый смех.

«Вы правы, дружище, — неожиданно согласился он, — это, действительно, подземелье, относительно канализационных монстров не скажу, а вот то, что в мире такие подземелья обычно называют метро, могу утверждать смело. Посмотрите внимательно под ноги, и скажите мне, что вы там видите»

Выполнить просьбу требовательного доктора оказалось непросто, поскольку непослушные Гошкины глаза все еще выхватывали из темноты всполохи полупрозрачных теней. Прилагая значительные усилия, Гошка отчетливо различил под ногами раскрошившиеся бетонные шпалы, которыми обычно укрепляют железнодорожные пути. Каким образом из театральной подсобки их принесло в подземку, Гошка сказать затруднялся, впрочем, Гурий того и не требовал. Их внезапно изменившийся маршрут приобретал все более уверенные очертания, и спустя пару десятков шагов, Гошка мог уже без труда рассмотреть откровенно ржавые рельсы, облупившиеся стены и бесконечную паутину темных проводов, то тут, то там свисающих по стенам. То, что эта ветка была заброшена и давно уже не использовалась по прямому назначению, угадывалось без труда. Никто не рискнет в здравом уме прокатиться по рельсам, которые давно уже съехали со своей бетонной основы, а в некоторых местах отсутствовали вовсе. О чем-то похожем ему рассказывал Гурий в их первую встречу, и Георгий тогда еще искренне восхищался смелостью сдержанного доктора. В этот раз со стороны Гошки не доносилось ни звука. Он шел по рельсам, все еще крепко держа за руку своего попутчика, и только его неровное хриплое дыхание и шорох шагов нарушали гнетущую тишину. Их нынешний путь казался бесконечным, а его завершение и вовсе хранило множество вариантов. Ни всезнающий Гурий, ни малограмотный Гошка не могли с уверенностью сказать, что из очередного черного лабиринта на них не нападет какое-нибудь безглазое существо и не укусит за пятку.

«Смотрите, Гурий, — неожиданно вырвалось у Гошки, когда вдалеке мелькнула неясная

вспышка, очень напомнившая свет фар, — здесь невозможно проехать, здесь разобраны рельсы.»

«Спокойно, Гоша, — усмехнулся Гурий, — это не поезд, это обычное подземное освещение. Кажется, мы с вами на верном пути. Вы обратили внимание, что в городе безглазых никогда не включали электричество? Заметили, правда? Сейчас я вижу вполне современное освещение, это лампочки, видите, их несколько, и они горят. Я боюсь делать однозначные выводы, но кажется мы нашли настоящую цивилизацию, Гоша»

Их путь еще немного причудливо попетлял под пугающими темными сводами, пока наконец двое бродяг, оборванных и теряющих сознание от усталости, не вышли на обычную, новую и действующую линию подземки.

Мигающий свет становился все ближе, а очертания станций все заметнее. Гошка тоже редко пользовался подземкой, предпочитая гудящим вагонам свою древнюю иномарку, поэтому под прохладными арочными сводами чувствовал себя крайне неловко. Так было всегда, но только не в этот раз. Едва заметив перед собой ярко освещенный купол вполне действующей станции, Гошка был готов бежать вприпрыжку только для того, чтобы убедиться в существовании обычных полноценных граждан. Гурий и тут не поленился вставить свои пять копеек в стремительные Гошкины планы.

«Вот тут-то как раз существует опасность угодить под движущийся состав, — занудно предупредил он, — и потом, не забывайте, Гоша, линия под напряжением, старайтесь не наступать на рельсы.»

Озвученные предосторожности только подхлестнули Гошку, и он, больше не прислушиваясь к зануде-доктору, резво добрался до эвакуационной лестницы и, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания, метнулся в сторону, оставляя Гурия Грошика в тоскливом одиночестве.

Глава 7.

Я брел по сырым питерским улицам, от души проклинал свою неумеренную сентиментальность, так не вовремя заявившую о себе, и, мысленно усмехаясь, возвращался к событиям пятилетней давности, положившим начало всем моим сожалениям и ошибкам.

Тогда, закончив с отличием медицинский университет и подчиняясь воле своего много значимого родителя, я занял кресло участкового терапевта и принялся продолжать знаменитую династию, о которой не уставал твердить мой отец, являясь по сути ее основателем и родоначальником. Ежедневно, с восьми до пяти, мой кабинет осаждали пациенты, трепетно и доверительно излагающие мне щемящие истории своей жизни. Изредка разбавляя их невнятными жалобами на свое расшатанное здоровье. Я исправно мерил им давление, выписывал до отвращения одинаковые назначения и отправлял домой, мысленно желая им провалиться в ад. В один из таких дней на моем пороге объявился очередной страдалец, желающий поболтать. Я заученно кивнул пациенту и приготовился к долгой и предсказуемой беседе. Тот важно поклонился, демонстрируя мне свои лучшие качества, и присел на стул, сохраняя внешнее достоинство и проявляя вежливое любопытство.

«На что жалуетесь, молодой человек? — неожиданно озвучил он совершенно чужую реплику. В первую минуту я откровенно подумал, что ослышался и, сохраняя нейтральное выражение, переспросил:

«Что вы сказали?»

Мой посетитель снисходительно усмехнулся, приосанился и, поклонившись еще раз,

завел длинную речь, странно модулируя голосом.

«Вам до отвращения тошно сидеть целыми днями в этом загоне и заученно кивать в ответ на давно известные фразы, вам ненавистна сама мысль о том, что отныне ваша жизнь связана со скучными пенсионерами, большей частью, от безделья навещающими ваш кабинет. Вы выписываете им назначения и раздаете рекомендации, в которых они сами разбираются в сотню раз лучше вас самих. Я могу продолжать перечислять ваши обязанности и дальше, но я думаю, что и без этого вам все ясно. Вы ошиблись в выбранной специальности и отчаянно ненавидите отца за навязанное будущее. Поправьте меня, если я в чем-то неправ»

Высказавшись подобным образом, пациент присел обратно на стул и выжидательно уставился на меня.

«К чему это ваше выступление? — недоуменно поинтересовался я, в душе соглашаясь с каждым произнесенным звуком. — кто вы такой и с какой целью пришли ко мне? Если вы жалуетесь на здоровье, назовите симптомы и не будем тянуть время, а если нет, то покиньте кабинет, не мешайте работать.»

Человечек снова подскочил и приготовился озвучить мне еще одну репризу, но почему-то осекся и задумчиво принялся разглядывать пейзаж за окном. Когда я почти свыкся с мыслью, что пациент ошибся выбором специалиста, тот снова ожил и наконец-то заговорил.

«Я хочу предложить вам работенку поинтересней, — прошептал он, воровато оглядываясь на дверь, — ваше право отказаться, но подумайте сами, что вы будете иметь от вашей нынешней деятельности? Грошовую зарплату и неизменный геморрой, это же несомненно.»

«А что я буду иметь от работенки поинтересней?» — с долей иронии поинтересовался я, предполагая явную умственную неполноценность своего собеседника. Человечек, почуввав мою заинтересованность, оживился и принялся нести мне невероятный бред про вечную жизнь и власть над миром, украшая свое повествование дополнительными предпочтениями в виде несметных богатств. Прослушав основную часть, я выставил его за дверь, посоветовав обратиться в регистратуру.

«Там вам подберут подходящее время для визита к психиатру,» — не слишком вежливо напутствовал я нестабильного посетителя.

Через неделю он пришел снова и принялся рассказывать мне новую версию своей истории. Теперь в ней звучали тревоги относительно занедужившей родственницы, которой требуется срочная медицинская консультация. В процессе изложения щемящего повествования, его беспокойство странным образом передалось и мне, разливаясь по венам широкими волнами. Я, забывая о своих основных обязанностях, об ожидающих меня пациентах, о врачебной этике и обо всем на свете, торопливо сложил в стол исписанные документы и, повесив на крючок халат, рванул следом за невнятным человечком. Из его непрекращающегося монолога я понял только одно, родственница проживает на окраине города, и чтобы добраться до ее жилища, нам следует воспользоваться метро. Почему мы не могли воспользоваться моей вполне приличной машиной, я не стал даже спрашивать, поскольку начисто забыл про ее существование. Выскочив на какой-то незнакомой мне станции, мы немного попетляли по темным коридорам и оказались на мало оживленной чистенькой улочке, окруженной аккуратными рядами не в меру ярких домов. Мой сопровождающий привел меня к просторному темноватому зданию, состоящему из одних сплошных коридоров и дверей, и, открыв одну из них, втолкнул в сумеречную комнату.

Заявленной ранее родственницей оказался крепкий мужик, неподвижно лежащий на металлическом ложе, пугающе напомнившим мне прозекторский стол. Мужик был откровенно и непоправимо мертв, о чем я догадался, только переступив порог.

Человечек, предвидя мою реакцию, тут же всунул мне в руку какой-то прибор и озвучил подробный алгоритм моих дальнейших действий. Эти негласные команды прозвучали прямо у меня в мозгу, не вызвав у меня ни единого вопроса, сомнения и любых других эмоций, неизбежных при подобных ситуациях. Я осторожно надрезал кожу на лице пациента, после чего моя память благоразумно решила избавить меня от остальных подробностей пугающей операции. Спустя неопределенное время, я, совершенно мокрый от пота и едва держащийся на ногах, оказался возле высоких тяжелых дверей питерской подземки. Некоторое время я стоял в полной неподвижности, пугая прохожих своим растерянным видом, пока наконец, ко мне не вернулась способность совершать привычные движения. О возвращении в поликлинику не могло быть и речи — мой непрезентабельный вид в сочетании с совершенной невозможностью здраво оценивать реальность навсегда бы отвратил от меня моих пациентов, а моих руководителей заставил бы расторгнуть со мной все договоры. Добравшись до дома, я стянул с себя провонявшие насквозь шмотки и повалился на диван, не находя в своем организме энергии придать себе более достойный облик. До самого рассвета я провалялся, восстанавливая силы, и стараясь не вспоминать устрашающие эпизоды, к утру показавшиеся мне алкогольным бредом.

«Возможно, всему виной моя невоздержанность в употреблении крепких напитков,» — убеждал я себя, собираясь в поликлинику и готовя текст объяснительной.

Мои литературные способности мне негодились, поскольку никто из руководства даже и не обратил внимания на мой спонтанный уход, а мои пациенты увидели в моих движениях некую героическую составляющую.

«Ох, уж эта работа, — сокрушалась моя первая пациентка, не дождавшаяся вчерашнего приема, — прямо рвут на части докторов, ни минуты покоя. Говорят, там авария со жмурами, али нет?»

Я помотал головой, отменяя слухи, и тщательно гоня из памяти истинную причину своего побега. За сутки я успел привыкнуть к своей собственной версии с выпивкой и загулами, и она казалась мне милой и правдоподобной.

Мой самообман оставался актуальным до вечера следующего дня, пока на мою карту не свалилась увесистая сумма от неизвестного благодетеля. Сумма включала две моих годовых зарплаты на посту участкового терапевта и вызывала у меня много вопросов.

Я порывлся в базу, отыскивая странного пациента, однако не нашел ни единого упоминания о посещении невысокого круглого человечка, обладающего невероятным даром убеждения. Мои, загадочным образом заработанные, деньги не исчезли с первыми лучами зари, моя поликлиника не рассыпалась в прах, и в целом не произошло больше ничего, что бы могло хоть как-то напомнить о моих деловых контактах с представителями темных сил. В том, что за всеми этими полулегальными деяниями скрывается что-то явно криминальное, я не сомневался ни секунды. По-хорошему, как добропорядочный гражданин, я должен был поставить в известность соответствующие структуры, однако мой первый порыв был разрушен весьма прозаическими причинами. Кроме внушительной суммы, мне нечего было предоставить в доказательство незаконной деятельности таинственного типа, а расставаться с баблом мне отчаянно не хотелось. Успокаивая свою совесть, я поклялся себе в следующий раз внимательнее присматриваться к ориентирам и тщательнее запоминать адреса, пароли,

явки.

Следующего раза не представлялось очень долго. В течение месяца я прислушивался к шагам в коридоре и с заметным интересом ожидал таинственного посетителя. С каждым днем мой интерес умножался, а вместе с ним росло разочарование от несостоявшихся свиданий. Через три месяца я начал забывать пугающего пациента, а еще через месяц снова увидел его на своем пороге. На этот раз обошлось без предварительных сказок и трогательных историй. Человечек больше не расточал в мой адрес комплименты, не пугал грядущим и не раскланивался, демонстрируя манеры.

«Я рад, что не ошибся в вас, Гурий, — без предисловий начал он, присаживаясь на стул. Теперь в его голосе напрочь отсутствовали чарующие ноты дружелюбия. Их заменила звенящая стальная интонация, от которой позвоночник покрывался инеем. — вам предстоит еще одна работенка. Пойдемте.»

Я послушно поднялся, закинув в стол незаполненные бумаги, и решительно двинулся следом, на этот раз находясь в совершенно здравом уме и твердой памяти. Человечек, решивший остаться безымянным, вел меня теми же тропами, что и в первую встречу, и наш дальнейший путь все так же пролегал через питерскую подземку. Однако все мое природное внимание и довольно крепкая память оказались бессильны в деле понимания нашего маршрута. Единственно знакомой для меня точкой оставалась станция, на которой мы запрыгнули в вагон. Из хриплых динамиков не доносилось ни одного членораздельного звука, а окружающие пассажиры покинули вагон задолго до нашей конечной остановки. На протяжении нашего пути мне не встретилось ни одной надписи, ни одного указателя, который говорил бы мне о направлении и финальной точке нашего путешествия. Так ничего и не выяснив, я снова оказался в знакомых стенах просторного здания. В этот раз моей пациенткой оказалась молодая женщина приблизительно моих лет, к сожалению, тоже умершая. В мою задачу входила странная процедура, отдаленно напоминающая пластическую операцию, только в данном случае, целью хирургического вмешательства становилась не коррекция, а категоричное удаление всего, что некогда служило барышне лицом. Какую практическую цель ставил круглый господин, приглашая постороннего меня на подобного рода мероприятия и выплачивая мне за это солидные гонорары, по-прежнему оставалось для меня загадкой. Впрочем, в моей голове возникали некоторые соображения относительно криминального происхождения трупов, но куда проще, в таком случае, было попросту растворить несчастных в кислоте и не растрачивать бюджет на заведомо ненужные движения. Завершив операцию, я вопросительно уставился на человека, ожидая разумных объяснений. Тот, не отводя от меня внимательно-настороженных глаз, только покачал головой и в моих мозгах отчетливо прозвучало: «Не спешите, Гурий, еще не время»

Я мог бы поклясться, что на круглой роже непонятого господина не дрогнул ни один мускул, пока он доносил до меня эту не до конца понятную истину. Моя миссия была выполнена, меня больше ничего не удерживало в странном здании, и я собрался распрощаться с круглым типом, чтобы больше никогда не исполнять его противоправные услуги.

«Мне пора, — как можно непринужденнее заявил я, медленно, но уверенно продвигаясь к выходу. — и прошу вас впредь не обращаться ко мне с подобными просьбами.»

Добавив в голос решительности, завершил я наше недолгое знакомство. Круглый человечек коротко фыркнул, вероятно выражая таким образом какую-то эмоцию, и телепортировал мне в голову мысль о моей всецелой свободе. Я выскочил на залитую

солнцем улицу и не сдержал рвотный рефлекс, прощаясь со своим обедом навсегда. Отдышавшись, я со всех ног рванул к метро, клятвенно заверяя самого себя, что как только достигну цивилизации, то моментально настучу властям на чудовищного типа с его опытами. Я хорошо помнил, что от станции до жуткого заведения нас отделяло всего несколько перекрестков, расположенных один за другим. Однако, сколько бы я не присматривался к окружающим пейзажам, ничего похожего на внушительные двери метро найти мне не удавалось. На свои бесплодные блуждания я потратил больше пяти часов, но ни на шаг не приблизился к цели. Самым пугающим в моем бесконечном путешествии, на мой взгляд, было совершенное отсутствие людей на аккуратных улицах. Я кружился по местности, начиная ощущать в себе знакомые симптомы подступающей паники. «Как мне выбраться из этого чертового места?» — толкалась в голове одинокая суетливая мысль.

«Вы готовы сотрудничать, молодой человек? — внезапно прозвучало в мозгу, — спрашиваю из чистого любопытства. Так да или нет?»

От неожиданности я резко затормозил и грохнулся на асфальт, понимая, что скорей всего, моя нежная душа все же не выдержала эмоциональных потрясений и столкнула мозги с орбиты.

«Я жду, пареньь,» — расслышал я настойчивое и в ужасе закивал головой.

«Да, согласен, разумеется, приглашайте меня препарировать трупы в любое удобное для вас время!» — рявкнул я, не видя другого выхода.

Подняв голову, я увидел прямо перед собой высокие тяжелые двери, открыв которые я провалился в чернильную темноту.

После этого круглый тип стал навещать меня регулярно, то и дело подкидывая для меня приличную работенку и всякий раз оставляя мне увесистую сумму на моем счете. Мои обязанности оставались прежними. Я проводил хирургические манипуляции, лишая трупы привычных элементов, после чего счастливо возвращался обратно, пользуясь все теми же высокими тяжелыми дверьми. За год мой счет украсился очень симпатичной суммой, а моя совесть все реже заявляла о себе. Я все еще успокаивал себя отсутствием прямых доказательств своей нелегальной деятельности и полным непониманием месторасположения моих подпольных лабораторий. Несколько раз я для очистки совести пытался отыскать таинственные улицы и всякий раз терпел поражение. Потом круглый тип сделал паузу, ни словом, ни жестом не напоминая о себе, а спустя еще пару месяцев появился снова.

Глава 8.

Свой очередной визит ко мне невнятный тип замаскировал под обычный прием обычного пациента, мающего головными болями.

«Почему меня это не удивляет?» — хмуро отозвался я, выслушав его жалобы в присутствии моей медсестры. Та с явным изумлением уставилась на своего коллегу, и ее миловидное личико отразило многие эмоции по поводу услышанного. Я отправил чувствительную барышню за чистыми бланками, а сам, едва сдерживая подступающую злобу, отчетливо прошипел:

«Благодарите Бога, что я до сих пор не имею твердой доказательной базы, мне нечего предъявить правоохранительным структурам, именно поэтому вы все еще топчете землю, расправляясь с людьми.»

Тип заметно приободрился моими пустыми речами и, горделиво выпрямившись, торжественно изрек:

«Никого благодарить я не собираюсь, Гурий Трофимович! Эти люди были мертвы до моего вмешательства, с этим ничего не поделаешь, мой дорогой гуманистически настроенный доктор. Такова жизнь. Люди всегда хоронят своих мертвецов, а я, если можно так выразиться, возрождаю их к почти полноценной жизни. Их близкие могут сказать мне спасибо!» — высказавшись, тип присел обратно на стул и превратился в недужного обывателя с кучей болячек и семейными неурядицами.

«Что вы несете, ненормальный?! — не сдерживаясь, заорал я, не замечая появления моей коллеги, — какое право вы имеете вмешиваться в ход истории, идиот?»

Медсестра, почуввав назревающий скандал, живо метнулась ко мне и, ухватив за лацкан халата, с трудом оттащила от беззащитного старичка, с непередаваемым ужасом съедающего меня мутными глазенками.

«Успокойтесь, Гурий! — едва слышно прошептала милая барышня, купируя конфликт, — не хватало нам еще выслушивать от главного всякие гадости»

Мы работали в тандеме очень недавно, но девушка прониклась ко мне небывалым состраданием и вечным желанием поддержать. Я был ей благодарен за это.

Я коротко кивнул, приводя себя в рамки приличия, и, от души ненавидя круглого типа, принялся разыгрывать перед ним сценки на тему доброго доктора.

«Принимайте это лекарство по утрам, возможно оно предотвратит дальнейшее развитие ваших бредовых идей,» — в заключение не удержался я, всовывая в руки типу мелко исписанный по-латыни листок.

«Что с вами, Гурий? — заботливо донеслось от медсестры, когда за сумасшедшим типом захлопнулась дверь, — вы последнее время прямо сам не свой. Проблемы дома?»

Дома проблем у меня быть не могло, поскольку создавать их было некому, кроме меня самого. Моя одинокая размеренная жизнь не была омрачена обыденными семейными склоками, финансовыми спорами и прочими радостями семейной жизни. Все было прекрасно, ровно до того момента, пока в мою жизнь не ворвался таинственный тип.

«Все в порядке, Ульяна, — чарующе улыбнулся я, — просто не выспался.»

Ульяна понимающе кивнула и предложила прогуляться после работы, поскольку «свежий воздух и спокойные размеренные прогулки способствуют крепкому здоровому сну»

Последние аргументы окончательно убедили меня в необходимости прогулок под звездами, и следующей ночью я не выспался снова, теперь уже по другой причине.

Мое романтическое настроение рассеялось как белый дым, стоило мне ступить на порог поликлиники на следующее утро.

«Мы с вами не договорили, Гурий, — раздался знакомый скрипучий голос моего вчерашнего пациента. — уделите мне минуту.»

Я неосознанно притормозил на пороге и услышал продолжение пугающих откровений, которыми я так неосторожно поделюсь с неотвязным Гошкой спустя пять лет.

«Поверьте мне, Гурий, — доверительно вещал тип, наваливаясь на меня всей своей круглой тушей, — если рассмотреть вопрос с точки зрения того самого пресловутого гуманизма, а я все еще придерживаюсь его основ, мы с вами делаем доброе дело. Ну согласитесь, вместо обычного потустороннего прозябания, мы даем возможность людям продолжить свое земное существование, пусть не такое полноценное, но я не оставляю надежды все же возродить расу суперчеловека без Потребностей. Согласитесь, чрезвычайно скучно проводить и без того короткую жизнь в поисках пропитания, а в свободное от беготни за банальной жрачкой время, маяться от необходимости заполнить свое

существование пустыми зрелищами. Это непродуктивно и отвратительно, мой дорогой доктор. Я подарю этим людям новые ценности и открою для них новые горизонты.»

Слушая шокирующие откровения, я незаметно набрал своему приятелю, работающему в психиатрии, короткое сообщение и попросил того немедленно спуститься в холл. Как только набранное тайком сообщение отправилось до адресата, мой собеседник обиженно примолк, и мои мозги обожгло другое сообщение, угрожающее и причиняющее почти физическую боль. «Полегче, парень! Не со своим братом связался!», после чего моя тушка безвольно обмякла и рухнула на прохладный кафельный пол.

«Гурий, — расслышал я сквозь толщу воды знакомый голос своего приятеля, — как ты, дружище? Давай, приятель, поднимайся, я провел необходимые процедуры, с точки зрения моей специализации, с тобой все в полном порядке.»

Матвей весело щерился, с интересом рассматривая мою потерянную физиономию, с привычным для себя мрачноватым юмором, озвучивая разные догадки о причинах моего к нему обращения. То, что я звал его не для себя, приятелем не воспринималось, поскольку по его уверениям, я был совершенно один, никаких толстых пузатых старичков в радиусе километра не наблюдалось. Я поблагодарил заботливого специалиста по душевным недугам и кое-как приведя себя в порядок, отправился на рабочее место. Это была моя предпоследняя встреча с коварным типом, и, если рассматривать ее в целом, закончилась она без видимых для меня последствий.

Долгих пять лет невнятный сумасшедший не беспокоил меня своим появлением, и я начал счастливо забывать о его существовании.

Моя поликлиника продолжала оставаться основным местом моей деятельности, что не раз служило причиной споров и ссор с моей Ульяной, упрямо не желавшей видеть меня в образе банального терапевта.

«Ты же умный, грамотный и талантливый,» — не уставала она заводить любимую песню всякий раз, когда я собирался на работу. Впрочем, после моего возвращения обратно, песня продолжалась, изредка разбавляясь припевом о готовности поспособствовать моему творческому росту. Я активно не желал принимать подношения от своей могущественной подружки, а точнее от ее могущественного папеньки, свято веря в свои собственные возможности и таланты. И только однажды, когда песня несколько затянулась, я согласился съездить на собеседование с одним очень уважаемым человеком, которого мне подогнал мой будущий тесть. Моя почти новая иномарка, верно катавшая меня на протяжении последних пары лет, неожиданно заглохла, и мне пришлось воспользоваться питерской подземкой. По дороге к важному свиданию я старательно репетировал в голове разные приветственные фразы и строчки из резюме, когда в мои стройные мысли вклинился давно уже забытый, отвратительный голос. От неожиданности я вздрогнул и не с первого раза уловил то, о чем пытался поведать мне в этот раз навязчивый круглый тип.

«Твое время истекает, Гурий, — отчески тянул он, притворяясь таким рубахой парнем, — с этим ничего не поделаешь, такова жизнь, и твоя, например, скоро очень удачно завершится. Но я готов подсказать тебе, как избежать столь досадного факта. Не безвозмездно, разумеется, таков уж я, но, как там у вас говорится, я согласен подлатать свою карму и предложить тебе выгодную сделку. Она выгодна для нас обоих, Гурий. Я отпущу тебя обратно, ты сможешь и дальше радоваться бытию, но в природе не бывает пустот. Вместо себя ты должен будешь оставить мне серого невзрачного человечка, он не принесет многопользы миру, и эта замена недостойна, но я невзыскателен. К тому же его

время еще не пришло, однако я готов немного поиграться с датами и сроками. Для чистоты сделки ты сам приведешь мне его, парень, после чего снова обретешь утраченное. Оцени, Гурий, я делаю это для тебя. Ответь мне, Гурий, просто да или нет. Подумай, парень, тебе остается немного времени, чтобы принять окончательное решение.»

Голос ввинчивался в мои мозги, лишая воли и рождая страх. Страх смерти мощное оружие, как врач, я был знаком с этим утверждением не понаслышке, поэтому я согласно кивнул, не давая себе труд задуматься о последствиях.

Глава 9.

Мои скорбные воспоминания о событиях пятилетней давности и совсем недавних событиях погрузили меня в некое подобие транса, и я не заметил, как прямо перед моими глазами оказались знакомые двери родного парадного. Я не исполнил волю круглого человечка, мало того, я поддался собственным эмоциям и нагло вмешался в ход истории, и чем грозило подобное самовольство, о том я решил поразмышлять немного позже. Сейчас меня ждал горячий душ и сытный ужин.

Квартира, оставшаяся мне от бабки, встретила меня полной тишиной и пустотой. Поднимаясь по лестнице, я мысленно репетировал отмазки для Ульяны, подбирая наиболее убедительные аргументы для объяснения несостоявшейся встречи с важным и значимым. Но, как оказалось, озвучивать их было некому. Я побродил по пустым комнатам, подивившись необычному порядку и отсутствию вещей моей милой, и присел за кухонный стол, пытаюсь сообразить, сколько времени на этот раз заняло у меня спонтанное путешествие. Полгода назад я уже однажды сбегал из дома на пару недель, не поставив в известность свою подружку. Решительно настроенная Ульяна дождалась меня тогда только для того, чтобы донести до меня простую истину о моем неискоренимом кобелизме. Мы помирились, и я пообещал впредь быть верным мужем. Тогда у Ульяны было много оснований подозревать меня во всех грехах, но что послужило причиной срочного отъезда на этот раз, осталось для меня загадкой. Сил на разгадывание ребусов у меня не нашлось, и я, несколько раз набрав подружке и послушав отчет об отключении абонента, завалился спать, оставляя решение головоломок до утра.

Утро пришло ко мне одновременно с шорохом ключей в двери и невнятным бормотанием из прихожей. Очевидно, мои вчерашние опасения относительно Ульяны были беспочвенны, барышня просто уезжала по делам, прихватив с собой все свои вещи, но в любом случае, сейчас я все выясню. Так думал я, прислушиваясь к болтовне и продолжая сохранять расслабленную неподвижность, уверенный в своих утренних визитерах. Моей гостьей оказалась вовсе не Ульяна. Спустя пару минут возни в прихожей, на пороге гостиной появилась моя тетушка, внезапно и нежданно решившая навестить меня с первыми лучами зари. Наши отношения с родственницей нельзя было назвать чрезмерно теплыми и милыми. Да и просто нейтральными я бы их не назвал. С того момента, когда в молодой, неопытной во всех отношениях и финансово нестабильной семье родился незапланированный я, решительная тетка загрела ведение домашнего хозяйства в свои жадные ручонки, а на крепенькие плечи взгромоздила заботы о воспитании несчастного сиротки, как неизменно называла меня старшая сестра папеньки в течение тридцати лет. Я не любил тетку и всячески ограничивал с ней любое общение, тетка об этом знала и поэтому ее спонтанный визит был для меня вдвойне удивителен. Тетка неторопливо прошла по комнате, старательно не обращая на меня никакого внимания, и на мои сонные приветствия не реагируя ни словом, ни жестом. Поправив съехавшие набок шторы, она покосилась на мою изгвазданную

одежку, сброшенную вчера прямо на пол, и почему-то всхлипнув, горестно поведала соседней стене: «Ох, совсем забыли, ну надо же, нужно будет сказать Уленьке, пусть приберет.»

Тетка в принципе была лишена всякого рода эмоций, и сколько я ее помнил, даже самые трогательные эпизоды человеческой жизни всегда оставляли на ее каменной физиономии отпечаток снисходительного недовольства. А тут грязные шмотки вызвали целую гамму чувств. Я покачал головой, дивясь собственным наблюдениям и готовясь изумляться дальше, поскольку чувствительная родственница решила побить все рекорды в демонстрации удивительного. Порывшись в огромной нескладной сумке, с которой не расставалась добрых пару десятков лет, тетка извлекла из ее недр маленький стаканчик, двухсотграммовый пузырек с водкой, ржаную горбушку и церковную свечку. Все это она ловко разместила на подоконнике и, мелко крестясь, попятилась обратно к двери. Почему-то вся эта наигранная показушность всколыхнула во мне волну праведного гнева, и я, бодро вскочив с дивана, решительно подтолкнул заигравшуюся родственницу к двери, сопроводив этот неприличный жест еще более неприличным напутствием. Тетка заполошно взвизгнула и, не дожидаясь дальнейших поощрений, самостоятельно вылетела вон, забыв свою уродскую сумку на журнальном столе. Вышвырнув следом и сумку, я шумно выдохнул, и, ощутив в себе нестерпимое желание пожрать, шагнул к подоконнику. Там я опрокинул стопку в рот, туда же отправил горбушку, а свечку выкинул в окно. И, почувствовав неземное умиротворение от проделанной работы, принялся собираться в свою поликлинику.

Моей медсестрой последние полтора года числилась суровая немногословная мадам, крайне редко посещавшая свое рабочее место. Впрочем, в ее присутствии я нуждался не слишком, успевая выполнять все нехитрые манипуляции с бумагами и документами самостоятельно. Последний раз я видел ее пару недель назад, когда она навестила меня ровно на полчаса, чтобы пожаловаться на новые распоряжения главного. Я мог по праву назвать наступивший день днем невероятного волшебства. Одного тетушкиного визита и показательного выступления могло бы хватить для такого определения, а необычное явление в лице суровой медсестры, заседающей в моем кабинете, делало этот день поистине незабываемым.

«Доброе утро,» — вежливо поздоровался я, протискиваясь на свое кресло. Моя помощница только качнула головой, что-то неопределенно пробормотав себе под нос, и продолжила изучать монитор. Я давно привык к ее манере вести диалоги и тоже принялся разбирать накопившиеся дела. Первый час рабочего дня мы просидели в полном молчании, не имея никакого желания поддерживать беседы. Когда тишина в довольно тесном кабинете превысила все допустимые пределы, наше сумрачное бдение было нарушено первой пациенткой. Румяная старушка резво просочилась в нашу безмолвную келью и, усевшись напротив моей помощницы, заговорчески зашептала:

«Вот ведь горе какое, такой молодой. Говорят, все так быстро случилось, никто ничего и не понял. Вот вы, Маргарита Антоновна, женщина здравая и рассудительная, да только зря согласились за него работать. Вот чуёт мое сердце, нечисто там все вышло, да и сам доктор-то не так прост был, царствия ему небесного, вот вам истинный крест!»

Не в меру таинственная бабка бодро задрала морщинистую ручонку и размашисто перекрестилась, подтверждая свои непонятные слова. Маргарита Антоновна только вздохнула и перевела разговор к более насущным проблемам.

Она, не обращая внимание на присутствующего в шаге от нее доктора, принялась с

видимым любопытством расспрашивать пациентку о ее тревогах и бедах, при этом совершенно не профессионально разбавляя ее стенания своими собственными, видимо, желая подбодрить. Бабка несколько раз возвращалась к ранее затронутой теме, не забывая махать сморщенной клешней, ограждая себя от злых сил. Устав наблюдать вторую за утро клоунаду, я наклонился над столом и вкрадчиво поинтересовался у зарвавшейся коллеги, не пора ли заняться делом. Мои справедливые замечания канули в пропасть, оставшись неслышанными.

«Маргарита Антоновна! — устав от кривляний, рывкнул я и усилил обращение увесистым хлопком по столу, — принесите формуляры и заберите в лаборатории результаты анализов, прекратите валять дурака!»

Обе тетки заполошно взвизгнули и обернулись ко мне, почему-то с интересом и страхом рассматривая мой кулак. Очевидно, мой вербальный посыл до них не дошел. Дальнейшие мои действия тоже не отличались профессионализмом, поскольку я, чувствуя нарастающую и неконтролируемую злость, скинул с рабочего стола аккуратные стопки документов и покинул чертово логово старых сплетниц. Оставленные мной бабки только охали мне вслед, осеняя себя знаменами. Даже глубоко атеистичная Маргарита Антоновна решилась на грех отречения и разом приняла все уставы и законы православия, усердно шепча молитвы и взмахивая руками.

«Что с ними такое? — думал я, несясь по коридору, — массовое помешательство? Или за время моего трехдневного отсутствия явился мессия?»

Размышляя подобным образом, я добрался до кабинета Матвея и, забывая о приличиях, распахнул дверь. Матвей беседовал с пациентом, заботливо раскладывая перед субтильным дрищом разноцветные картинки, а его неизменная медсестра что-то быстро заносила в открытую картотеку.

«Закройте дверь, Лида, — вежливо попросил Матвей, бросив мимолетный взгляд на порог, — нужно будет сказать плотнику, чтобы подогнал полотно, чертовы сквозняки.»

Лида послушно захлопнула перед моим носом тяжелую дверь, оставив меня терзаться догадками.

«Что происходит? — в который раз озвучил я сам себе очевидный вопрос, — круглый тип отпустил меня, это очевидно. Ну, или позволил мне уйти, что в целом, одно и то же. Я не сдал ему наивного парня, хоть и сомневался до последнего, но не моя вина, что его безглазая команда работает так не оперативно. Формально условия были выполнены.»

Мое дальнейшее пребывание на рабочем месте не имело смысла. Я шатался по коридорам, бесполезно пытаюсь привлечь внимание всех, кого встречал на пути. Мои недавние коллеги, еще неделю назад охотно притормаживающие для пары ничего не значащих слов, сегодня с каменными лицами просто проходили мимо, упрямо не желая видеть меня в упор. На втором этаже в холле висело огромное зеркало, закрывающее собой значительную часть стены. Я, рискуя вызвать насмешки посетителей, встал напротив и показательно скривил смешную рожу. Полюбовавшись на свое внятное отражение, я махнул рукой на обязанности и направился вниз, забыв снять халат. Все мои разумные предположения относительно моей оторванности от коллектива не выдерживали критики. Я был самым настоящим, живым и теплым, так, по крайней мере я ощущал свое существование, однако для остального человечества я оставался невидимкой. По дороге домой я забредал в магазины, я перекладывал с места на место товары, я воровал из тележек приготовленные к оплате продукты, пытаюсь привлечь внимание общественности. Когда мои

приличные идеи исчерпались, я влез на прилавок и станцевал там степ, но зрителей, к сожалению, не обрел.

До самой темноты я бродил среди прохожих, всматриваясь в их лица и пытаюсь понять, в какое еще приключение я вляпался помимо своей воли и, главное, как это исправить. Пристроившись следом за двумя полуночными бродягами, я бездумно гулял в их ничего не подозревающей молчаливой компании, до тех пор, пока небо не окрасилось нежным серым цветом, символизирующим начало нового дня.

Глава 10.

Мои бесцельные скитания по ночным улицам привели меня под знакомые своды районной поликлиники. Я мало был уверен в том, что очередная моя попытка заявить о себе увенчается успехом. В столь ранний час по темным коридорам заведения бродили только санитарки и привидения, поэтому я здорово удивился, увидев у порога своего кабинета скрюченную фигурку, притулившуюся на полу. Почуввав мое появление, фигурка резко вскочила на ноги, и я с радостным изумлением признал в ней своего недавнего знакомого Гошку, о котором часто думал весь прошлый день.

«Приветствую, Гоша!» — шагнул я навстречу и неожиданно замер, справедливо опасаясь, что и тот не воспримет мое присутствие. Однако Гоша заметно приободрился и, протянув мне костлявую ладонь, шумно выдохнул:

«Гурий, до чего же я рад, что встретил вас. Со мной последнее время происходит какая-то хрень, я и сам не могу дать ей нормального определения. Решил найти вас, может вы мне подскажете, что это может быть?» — и без всякого перехода Гошка поведал мне удивительную историю, до отвращения напомнившую мне мои собственные приключения последних двух суток. Как выяснилось, вернувшись после того путешествия в свою съемную хатёнку, Гошка с изумлением и неудовольствием обнаружил, что в его временном жилище с большим комфортом поселился какой-то невнятный тип с манерами пролетарского забулдыги. На все Гошкины намеки, что жилище как бы занято, тип только мотал нечесаной башкой и пугливо озирался, отчаянно не желая слушать законного постояльца. Тогда исчерпав все приличные доводы, Гошка с досады опрокинул кресло и ушел, громко хлопнув дверью, совершенно забыв забрать свои вещи. О них он вспомнил на следующее утро, но вернувшись, обнаружил странные артефакты, в виде свечек и иконок, расставленных по всем углам. Почему-то вид этого карнавала вызвал в Гошке неосознанное неприятие, и он, снова забыв про свой баул, опрометью бросился прочь, не видя определенной цели. Возвращаться в грузовые перевозки он, по понятным причинам, не рисковал, предпочитая бродить по улицам и держаться подальше от родной конторы. От волнения Гошка совершенно забыл о существовании приятелей, знакомых и немногочисленных родных, которые наверняка бы помогли бы ему с приютом хотя бы на пару ночей. Его собственные страхи от неминуемой расплаты за потерянную машину, за товар, за полную неспособность возместить убытки, уводили несчастного парня все дальше от цивилизации, пока наконец он не оказался почти в пригороде, возле какого-то полустанка. Место показалось коренному питерцу совершенно незнакомым, и он даже растерялся, рассматривая невысокую каменную постройку, символизирующую собой не то здание станции, не то будку смотрителя. Опасаясь, что его поймут на частной территории, Гошка со всех ног рванул обратно, по дороге придумав отыскать всезнающего доктора Грошика и попросить у него совета.

У меня, само собой рождались кое-какие гипотезы относительно происходящего, однако озвучивать их все я ему не собирался ни при каких обстоятельствах.

«Но, Гурий, вовсе не глупые свечки с иконками заставили меня искать вас, — неожиданно завершил он свое весьма эмоциональное повествование, — знаете, что я увидел там, на той станции?»

Я понятное дело, о том не знал, но очень хотел послушать, поэтому заинтересованно

кивнул.

«Когда я перелезал через ограждение, ну, такое, что разделяет границы участка. Это даже забором не назвать. Ну так вот. За спиной я расслышал дребезжащий звук. Да, Гурий, такой, как мы слышали с вами там, в том непонятном городе. Я не стал присматриваться к его источнику, просто собрал ноги в руки и дал дёру. И знаете, пока я несся по железнодорожным путям, я прямо слышал его у себя за спиной. Готов поклясться на чем угодно, Гурий. И вот я хочу у вас спросить, как вы объясните это?»

Пока Гошка делился со мной шокирующими новостями, клиника постепенно начинала новый день, понемногу впуская в свои стены персонал и ранних посетителей. Мой собеседник потерянно заозирался, чувствуя явную неловкость.

«Вам наверно работать надо, Гурий? — полуутвердительно пробормотал он, — я пойду, пожалуй, но в обед я загляну к вам, если вы не против. Расскажите мне, что надумали, идет?»

Я бы с радостью последовал его совету, однако, видимо пришло мое время делиться сокровенным.

«Я больше не работаю в поликлинике, — обыденно заявил я растерявшемуся Гошке, — и вовсе не потому, что не желаю. Я не имею для этого возможности, поэтому вы можете не ждать обеденного перерыва, а прямо сейчас послушать мою версию.»

Гошка потрясенно хлопал глазами, осмысливая услышанное. Ему было больше не интересно слушать про полуночное дребезжание, которое, впрочем, могло быть чем угодно, даже игрой разыгравшегося воображения. А вот про мою профессиональную несостоятельность Гошка готов был послушать немедленно.

«Что значит, не имеете возможности? Вас уволили? — озвучил тот самую привлекательную версию, — за прогулы?»

Я рассказал притихшему приятелю о своих наблюдениях и из чистого хулиганства продемонстрировал свои новые умения. Мимо нас как раз проходила моя медсестра, Маргарита Антоновна, и я, не теряя времени, ловко выпрыгнул прямо перед ее носом, корча устрашающие рожи и обсыпая ничего не подозревающую тетку непечатными посланиями. Со стороны все выглядело чудовищно, но в том-то все и дело, что со стороны меня никто не видел. Никто, кроме Гошки. Тот, несмотря на абсурдность момента, едва сдерживал истерический ржач, глядя на мои кривляния.

Маргарита Антоновна, не оценив мои актерские таланты, прошла к двери и, грустно вздохнув, открыла кабинет.

«Может, там, в городе, вы подверглись каким-то излучениям и теперь стали невидимым?» — выдвинул свою версию мой недогадливый друг. Я не стал пугать его своим видением ситуации, предложив послушать, что говорят люди.

«Пойдемте, Гоша, нас все равно никто не увидит,» — пригласил я его на так называемый следственный эксперимент. Протиснувшись вдвоем на невеликое пространство своего бывшего рабочего места, я предложил Гошке присесть на докторское кресло, а сам пристроился на столе. Маргарита долго возилась, раскладывая бумаги, включая компьютер и всячески готовясь к новому дню. Заключительным этапом подготовки стала маленькая иконка и все та же ненавистная свечка, установленная на подоконник. Гошка тоже почувствовал дискомфорт от заявленных атрибутов, но ничего не сказал, недовольно поерзав в кресле и скривив уморительную рожу.

Через полчаса в кабинет вползла вчерашняя пациентка, вероятно почувствовавшая в Маргарите Антоновне родственную душу.

«Ну как он? — прошептала она, опасливо косясь по сторонам, — буянит?»

Маргарита Антоновна вздохнула и перекрестилась, чем вызвала во мне новую волну недовольства.

«Молчит, вроде, — так же тихо прошептала она, — ох, бедняжка, душа не упокоенная. Наш главный сам ездил на опознание, говорит, Гурию Трофимовичу с сердцем плохо стало, в момент убрался.»

Бабка привычно осенила себя крестом и снова забормотала.

«А, хоть и не любила я его, грешница, Гурий Трофимович хороший доктор был, вежливый, царства ему небесного. То улыбнется, то скажет чего, ободряющего. Ох-хонюшки, да и звали-то его необычно так, Гурий. Это ж в честь кого назван-то, касатик?»

Последние фразы подкинули Гошку из кресла и заставили внести в ситуацию немного конкретики.

«Ты чего несешь, старая? — недипломатично вклинился он в тоскливую беседу, — почему это был? Он сейчас есть, вот же он, обернись, и увидишь!»

Однако бабка, продолжая охать, закатала рукав, неожиданно вспомнив о первоначальной причине своего раннего визита, и на Гошкин пассаж не среагировала.

«Меня она тоже не видит? — запоздало удивился он, оборачиваясь ко мне, — но как же так? Может, это розыгрыш, а, признайтесь, Гурий, это розыгрыш? Вы мне еще там, в том городе показались немного с приветом. Ну и сейчас тоже, с медсестрой этой. Ваши эти кривляния...»

Гошка потерянно замолчал, смешно хлопая глазами.

«Нет, Гоша, — решил я добавить конкретики, — это не розыгрыш. В известном смысле я действительно умер, да. Для тех, кто меня знал и ко мне привык. Но существуют некоторые нюансы, не позволяющие мне до конца признать эту версию состоятельной. Говоря проще, я застрял между мирами. Я тоже не сразу догадался об этом. Понимание пришло ко мне нынешним утром.»

Гошка медленно отступил на пару шагов назад, очевидно все же придерживаясь своей собственной версии, и успокаивающе произнес, так, как обычно говорят с душевнобольными:

«Да, Гурий, хорошо, пусть будет по-вашему. Вы умерли и попали в рай. Мне пора, я пойду, меня ждут дела»

Он неловко выбрался из кресла, опрокинув при этом стоявший на столе органайзер. Бабка, успевшая обсудить с Маргаритой следующую новость, не имеющую ко мне отношения, испуганно подскочила, и забыв опустить рукав, опрометью бросилась вон, оставляя общительную медсестру пялиться на стены и творить оградительные обряды.

Глава 11.

«Здорово придумал, — бормотал Гошка, торопливо сбегая по ступенькам, — я бы так не смог. Нет, ну надо же, даже бабку подключил, ай да Гурий! Застрял между мирами, надо же.»

Гошка еще некоторое время от души восхищался богатой фантазией доктора, пока перед его глазами снова не возникла пестрая тетка с латунной табличкой, а ей на смену в памяти замелькали обрывочные эпизоды из приключения в пугающем городе. Гошка был убежденным прагматиком, и на любое проявление разного рода мистики, только хмурился, отыскивая ей разумное объяснение. Сейчас этим объяснением стали невыясненные способности чокнутого доктора, обладающего, по всей вероятности, каким-нибудь видом

гипноза.

«От этого идиота можно ожидать чего угодно,» — резюмировал Гошка и принял решение больше никогда не пересекаться с доктором Гурием.

Сейчас перед Гошкой стояли проблемы куда значительнее. Потеряв жилье и работу, Волков был вынужден обратиться к помощи друзей. Обычно, Гошка старался обходиться собственными силами, не напрягая посторонних, но знакомство с доктором существенно скосило его ранимую душу и выбило почву из-под ног. К тому же потеря денег и вещей лишала его возможностей для лихих маневров.

От размышлений о насущном Гошку отвлек знакомый звук, раздавшийся прямо за спиной. Свыкшийся с мыслью о гипнотическом воздействии невероятного доктора на его податливые мозги, Гошка настороженно замер и осторожно скосил глаза, пытаясь определить источник шлепающих босых шагов. За спиной ожидаемо никого не оказалось, и списав все на разыгравшееся воображение, Гошка двинулся дальше. Когда до намеченной цели оставались считанные шаги, шлепающий звук повторился и дополнился не менее знакомым дребезжанием. В замешательстве Гошка заозирался по сторонам, бестолково кружась на одном месте и натываясь глазами на торопливых прохожих. Никаких безглазых уродов поблизости не было, но Гошка, повинувшись внезапно охватившей его панике, со всех ног рванул прочь, и очнулся только возле квартиры своего давнишнего приятеля, с которым когда-то учился в городской школе. Немного отдышавшись, Гошка уверенно нажал на звонок. За дверью раздались тяжеловатые уверенные шаги, и вскоре на пороге показалась огромная фигура бывшего Гошкиного одноклассника. Тот с явным недоумением пялился куда-то за спину своего нечаянного гостя, выдерживая паузу.

«Приветствую, Кирюха! — радушно улыбнулся Гошка, — как жизнь, как сам?»

Однако Кирюха не торопился делиться новостями, по-прежнему с интересом рассматривая гулкое парадное.

«Показалось, наверное,» — без эмоций пробормотал огромный хозяин, внимательно изучив территорию, и захлопнул дверь, проигнорировав своего лучшего друга школьных лет. Гошка потерянно захлопал глазами, на всякий случай проводя поверхностную ревизию своей невеликой тушки. Несмотря на свой рост, вес и размер, Гошка обычно всегда попадал в поле зрения тех, с кем собирался перекинуться парой слов. Надменный Кирилл оказался неприятным исключением, и Гошка решил исправить недоразумение.

«Ну что еще? — недовольно прогудел хозяин негостеприимной квартиры, распахнув дверь на повторный Гошкин звонок, — кто тут хулиганит?»

Пользуясь случаем, Гошка прошмыгнул мимо необъятного Кирюхи и приготовился продемонстрировать тому сюрприз.

«Ты чего, приятель? — немного вызывающе проговорил Гошка, когда Кирюха неторопливо вернулся в свою гостиную и тяжело опустился в глубокое кресло, — не признаешь старых друзей? Зазнался? Я к тебе по делу, брат. Не одолжишь ли мне немного денег, я, брат, на мели временно. Отдам, как заработаю. Выручи, Кирилл, отблагодарю.»

Гошка вложил в речь всю силу убеждения, которую смог у себя отыскать, но даже так не сумел растрогать толстокожего приятеля. Тот невежливо потянулся за лежащими на столике сигаретами и со вкусом затянувшись, уткнулся в телефон. Гошка невольно припомнил неурочного постояльца, вероломно отжавшего у него квартирку, рассказ доктора, реакцию бабки и неосознанно провел ладонями по тощим бокам. Гошка выглядел самым настоящим, таким, каким привык видеть себя на протяжении тридцати с небольшим лет, он не

просвечивался насквозь, не излучал inferнально-мерцающий свет, не имел способностей просачиваться сквозь стены и отчетливо отражался в зеркале. Однако никто, кроме чокнутого доктора, его не видел. Или не желал видеть. На долю секунды в Гошкиной голове мелькнула мысль, что разговор с Кирюхой нужно было бы начать с предложения безвозмездной денежной ссуды, тогда, возможно, толстожопый друг не так равнодушно отнесся бы к его визиту. Махнув рукой на беспочвенность затеи, Гошка решительно направился в прихожую.

Оказавшись на улице, Гошка никак не мог отделаться от странного ощущения. Ему казалось, что сквозь разноголосый шум суетливой толпы прохожих до него отчетливо доносится шлепанье, шарканье и дребезжание. Гошка несколько раз останавливался, прислушивался, затыкал ладонями уши, справедливо полагая, что вся эта какофония звучит у него в голове. Звуки пропадали вместе городским шумом и возникали снова, стоило Гошке продолжить путь. Прохожие совершенно равнодушно реагировали на нарастающую мешанину звуков, похоже, они попросту ее не слышали. Добравшись до своей прежней квартиры, Гошка в замешательстве постоял у дверей и, не придумав ничего более интересного, опустил на ступеньки. Пережить ночь все же лучше под крышей, справедливо рассудил он, старательно прогоняя идею вновь отыскать ненормального терапевта и поделиться новой порцией наблюдений.

Всю ночь Гошку преследовало знакомое дребезжание, в металлическом клетке которого он отчетливо различал призывы составить компанию в ночных прогулках. Гошка то поднимался, принимаясь мерить шагами лестницы парадного, то присаживался на холодные ступеньки, отчаянно зажимая уши ладонями. Пугающие звуки проникали сквозь толстые перекрытия, сквозь ладони и намертво впечатывались в измотанные мозги. Под утро Гошка рискнул покинуть прохладные стены и вышел на улицу. Улицы были погружены в неясные сумерки, были пусты, но до краев наполнены едва различимым шарканьем. Теряясь в определении происходящего, Гошка привычно решил, что сошел с ума и медленно побрел вдоль узеньких тротуаров.

«Вы тоже это слышите?» — среди бесконечного шлепанья прозвучал вполне отчетливый голос. От неожиданности Гошка дернулся, развернулся и неосознанно впечатал в нежданного собеседника уверенный пинок. Собеседник смешно хрюкнул, негромко выругался и продолжил.

«Успокойтесь, Гоша, так вы ничего не решите.»

«Как вы тут оказались? — урюмо пробурчал Волков, узнавая в раннем прохожем непостижимого доктора. — и что значит, «тоже»? Выходит, я не свихнулся, и весь этот маскарад происходит на самом деле?»

Гурий решил проигнорировать каждый из озвученных вопросов. Вместо этого он подтянул Гошку на тротуар, и предложил полюбоваться на пустые улицы. Пустыми они, как оказалось, выглядели только в первую минуту. Присмотревшись, Гошка отчетливо различил сквозь утренние сумерки неясные тени, своими размытыми очертаниями напоминающие обычных прохожих. Тени весьма правдоподобно шаркали по тротуарам, пропадая и появляясь вновь.

«Кто это? — одними губами прошептал Гошка, потрясенно следя за шумными перемещениями, — очень похоже на мираж или голограмму.»

«Это ни то и не другое, Гоша. Прошлую ночь я провел на крыльце своей поликлиники, потому что возвращаться в бабушкину квартиру у меня не было никакого желания. — глухо

поведал доктор, неотрывно пялясь на прозрачные тени, — я почти заснул, когда рядом со мной послышался до отвращения знакомый звук. Я был уверен, что все они остались в том самом городе, и больше я никогда их не услышу. Однако я их слышал отчетливее, чем мне бы хотелось. А когда присмотрелся, то увидел и их источник. Прямо напротив меня стоял парень, высокий и худой, на нем была обычная ветровка, джинсы, но его лицо, Гоша, его не было. Оно было расплавленной маской, неаккуратно расчерченной кривыми шрамами. Ровно такой, какими были лица обитателей таинственного города. В первую минуту я подумал, что ошибся, и это просто игра света и теней. Но как оказалось, никакой ошибки не было. Парень постоял немного, словно ожидая кого-то, и двинулся дальше, шаркая и шлепая, хотя его ноги были обуты в довольно приличные кроссовки. Только после того, как он скрылся из вида, я неожиданно понял, что необычного было в этом прохожем. Исключая его рожу, разумеется. Пока он стоял напротив меня, я сквозь него мог видеть парковку, забор и площадку жилого дома. Меня он явно не заметил, хотя нас разделяло всего пара метров. Я мог бы объяснить его появление чересчур реалистичным сном, проявлением моих новых способностей, игрой воображения, но я не стал объяснять ничего. Я пошел по его следам, догнав на следующем перекрестке, и он привел меня сюда. И нет, Гоша, я не знаю, как объяснить это явление. Давайтеждемся утра, а там посмотрим.»

С наступлением утра улицы наполнились обычными прохожими, осязаемыми и настоящими, с хмурыми лицами, отражающими полное нежелание тащиться на работу в такую рань. Город проснулся окончательно и включился в свой размеренный ритм, даже не подозревая о наличии таинственных теней с размытыми физиономиями. Гурий с интересом пялился на мелькающие фигуры, попутно прислушиваясь к шумному городу.

«Где вы живете, Гоша?» — вне всякой связи поинтересовался Гурий, отрываясь от своего увлекательного занятия.

«Моя квартира, которую я снимал до этого, оказалась занятой, — неохотно пробурчал Гошка, припоминая проведение прошлой ночи, — там же остались все мои вещи, деньги, документы. Впрочем, не думаю, что это добро мне пригодится в ближайшие дни.»

«Пойдемте, — неожиданно весело усмехнулся Гурий, — тот факт, что мы невидимы для окружающих, еще не говорит о том, что мы не существуем. Нам тоже необходимо есть, спать и изредка принимать душ. Предлагаю вам свое жилище с условием, что вы не будете устраивать в нем дебоши.»

Глава 12.

Гурий Грошик жил в однокомнатной квартирке с неожиданно большой кухней и просторной прихожей. Гошка и сам некоторое время обитал в похожем жилище и успел подивиться схожести их хором, пока не обнаружил новый повод для удивления. Гурий по дороге рассказывал о своем временно одиноком холостятском житье, но когда они оба ввалились в прихожую, то обнаружили, что одинокая квартирка обитаема. За обеденным столом в кухне сидела та самая тетка, которую Гошка видел в граверной мастерской неделю назад. Теперь на ней не было намотано столько цветных одеяний, их все заменял обычный тренировочный костюм, смотревшийся на тетке немного пугающе. Тетка что-то внимательно изучала в разложенных на столе бумагах и, ожидаемо, на появление новых лиц внимания не обратила.

«Доброе утро, тетя Надя! Приятного дня и хорошего настроения!» — кривляясь проговорил Гурий, а Гошка неожиданно вспомнил опухшее от слез лицо родственницы хама-терапевта.

«Завязывайте, Гурий, — неожиданно для себя оборвал доктора Гошка, — я видел ее, когда она забирала вашу табличку с вензелями и датами. Ваша безвременная смерть, как мне кажется, ее очень расстроила.»

«Думаю, ее больше расстроил тот факт, что мое жилище теперь отходит моей матушке, а она остается с носом,» — легко отозвался Гурий, роясь за теткиной спиной на полке. Наконец, увлеченная документами тетя Надя, расслышав за собой отчетливую возню, резко вскинулась и мелко перекрестилась, бормоча что-то себе под нос.

«Ну, когда же ты успокоишься, Гурка? — более внятно поинтересовалась она, обращаясь к навесному шкафчику, — ну что тебе не хватает? Памятник я тебе заказала, могилку справила, чего тебе нужно?»

«Мне нужно сварить кофе и принять душ,» — потусторонним голосом изрек любимый племянник и смахнул тетнины бумаги с обеденного стола. Тетка взвизгнула и, забывая про возраст и внушительную комплекцию, резво унеслась в прихожую, при этом не забыв собрать разбросанные по полу листочки.

И на следующий день заявила снова. Она вносила заметное разнообразие в замершую жизнь полупризрака Гурия и его временного постояльца. Гошка, не желая смущать своим присутствием хмурого хозяина, целыми днями торчал в кухне, бесцельно пялясь в окно. Когда появлялась тетка, Гошка оживлялся и с видимым интересом наблюдал за тем, как престарелая родственница с упоением копается в ящиках и полках, отыскивая разные полезные для себя вещи. Гурий первое время с явным отвращением наблюдал за откровенным мародерством, пока однажды не решил внести изменение в протокол. Когда в очередной раз тетя Надя всунула свой внушительный нос в одежный шкаф, Гурий от души шмякнул открытой дверцей по необъятным округлостям теткиной фигуры, чем вызвал неконтролируемый Гошкин ржач и отчаянный визг тети Нади. На этот раз, закаленная в боях с призраком тетя не стала спасаться бегством, а принялась монотонно перекладывать невеликое докторское барахлишко в свою неизменную сумку. Пополнив запасы, скорбящая родственница оставила на подоконнике обязательную свечку, стопку и горбушку, после чего умотала восвояси.

Гурий, не теряя времени, опрокинул в рот оставленное угощение, привычным способом избавился от свечки, и неожиданно загрустил. Гошка по-прежнему не желал воспринимать этот фарс всерьез и тут же принялся излагать доктору свои соображения.

«Гурий, вы же врач, человек, далекий от мистики, неужели вы тоже верите в эти кривляния? Мне кажется, за этим кроется что-то куда более прозаичное, чем потусторонние бредни. Ну не может быть, что бы вы стали призраком. Я же вижу вас отчетливо, так же как вашу тетку и других людей тоже. Придумайте этому логичное объяснение, Гурий»

Гурий не успел придумать ничего значимого, поскольку неугомонная тетушка, очевидно, вернулась за добавкой. В прихожей зашуршал ключ, но на этот раз вместо неотесанной тети Нади на пороге возникла миловидная девушка. Она осторожно прошла в гостиную, присела на диван и потерянно огляделась по сторонам.

«Привет, Гурий,» — едва слышно проговорила она, обращаясь сразу ко всему, что видела в комнате. Гошка уж было подумал, что загадка разрешилась сама собой, но девушка продолжала озираться по сторонам и ни разу не взглянула на предмет своего интереса, в замешательстве замершего у окна.

«Решила тебя навестить, любимый. Я понимаю, это глупо, наверно, ты же меня теперь не слышишь, да и вообще... Я вернулась в поликлинику, и снова работаю с Маргаритой

Антоновной. Она сейчас сидит на твоём месте и ужасно тормозит. А иногда замирает в неподвижности и пугающе долго смотрит в одну точку. Думаю, в этот момент она выпадает в астрал и теряет связь с реальностью. А ещё я думаю, что она просто скучает по тебе. Мне тебя очень не хватает, Гурий, хоть ты и страшный зануда. А вчера Маргарита внезапно поднялась со своего места и прямо во время приема отправилась в коридор. Я следила за ней через открытую дверь и поэтому знаю, что она дошла почти до лестницы, потом медленно развернулась и пришла обратно. Никто так ничего и не понял. Дед, что пришел померить давление, только покачал головой и не дождавшись назначений и рекомендаций, от греха, свалил в закат. Да и вообще, все стали заторможенными, правда я не думаю, что твоя смерть всех их так подкосила. Не нужно было мне тогда настаивать на той встрече, думаю, что от волнения твое сердце не выдержало, мне очень жаль Гурий. Очень. Ну мне пора, твоя матушка сейчас в больнице, врачи не дают прогнозов, так что возможно, скоро вы с ней увидите.»

Гурий заметно напрягся, услышав последнюю новость, но промолчал, не отводя внимательных глаз от своей Ульяны. Она посидела ещё немного, после чего неслышно поднялась и сняла с запястья красивый литой браслет, с явным сожалением рассматривая его искрящиеся грани. «Возьми, Гурий, пусть это будет память обо мне. — всхлипнула Ульяна и осторожно опустила безделушку на стеклянный столик, — ох, как это глупо, Гурий, тебе же сейчас это без надобности, но все равно...» Девушка развернулась и направилась в прихожую, оставляя Гурия осмысливать полученные данные. Некоторое время он потерянно смотрел на закрывшуюся дверь, после чего неожиданно шагнул к своему постояльцу и от души врезал ничего не подозревавшему Гошке. От удара Гошка отлетел к подоконнику и злобно уставился на нестабильного доктора. Тот, решив не останавливаться на ни в чем не повинном дальнобойщике, с размаху хватил по столику, раскалывая стеклянную поверхность пополам, и со стоном опустился на пол.

«Я дурак, Гоша, — совершенно спокойно поведал он раскрытым ладоням, — наивный сентиментальный дурак! И как это исправить, я не имею ни малейшего понимания!»

Гошка хотел было сказать Гурию что-нибудь обнадеживающее, но вместо этого визгливо воскликнул, оборачиваясь к окну.

«Гурий! Смотрите, что это?!»

То, что привлекло Гошкино внимание, представляло собой весьма любопытное зрелище. Вдоль тротуара текла едва различимая в дневном свете странного вида толпа. Сквозь нее отчетливо просматривались серые стены домов, припаркованные машины, силуэты редких прохожих. Толпа перемещалась довольно быстро, была малочисленна, и к сожалению, хорошо узнаваема. Квартира доктора Грошика выходила окнами в закрытый двор и располагалась на втором этаже, что позволяло Гошке без труда рассмотреть землистые смятые маски, заменяющие участникам шествия привычные лица. Плотные закрытые окна мешали расслышать звуковое сопровождение, но и без него было понятно — обитатели странного города решили нанести ответный визит. Гошка хотел было озвучить некоторые соображения относительно развернувшейся за окном картины, но осекся, увидев лицо доктора Грошика. Волков за очень короткое время их спонтанного знакомства стал привыкать к чрезмерной рассудительности Гурия, а его манера на любое проявление общественной жизни давать долгие пространные объяснения, давно стала его визитной карточкой в глазах малообразованного Гошки. Однако прямо сейчас, наблюдая безликое шествие, доктор непривычно молчал, а в его глазах читался ужас. Все так же сохраняя

полное безмолвие, Гурий сделал своему постояльцу знак следовать за ним и рванул к дверям. На взгляд осторожного Гошки, было немного самонадеянно лезть под прицел неведомых гостей, но ученый доктор уже выскользнул на улицу, преследуя явление. Полупрозрачные фигуры, продолжая двигаться к им одним известным целям, внезапно разделились парами и рассредоточились среди ничего не подозревающих горожан. Некоторое время они двигались среди шумного многоголосья, отчаянно создавая впечатление празднично шатающихся гуляк, после чего вновь собрались вместе и тем же составом плавно потянулись обратно. Гошка никак не мог уловить закономерность этих таинственных перемещений, а расспрашивать снующего туда-сюда доктора считал непродуктивным. Прохожие оставались совершенно равнодушны к стремительным действиям, разворачивающимся под самым их носом. Они так же, как обычно, торопились по своим делам, ловко маневрируя по тесным тротуарам, не обращая внимания ни на землистые пугающие рожи, ни на ныряющего в толпе доктора.

«Может, вы объясните мне, что все это значит? Кто эти создания? — не выдержал Гошка и, ухватив доктора за руку, резко оборвал его околонуточные наблюдения, — и если вы рассчитываете отделаться витиеватыми фразочками, то глубоко ошибаетесь!»

Доктор на удивление покладисто остановился и поведал Гошке то, от чего у наивного парня едва не помутился рассудок.

«Эти создания, как вы могли заметить, немного отличаются от привычных нам людей, — занудно начал Гурий познавательную беседу, не делая даже попытки найти для этого занятия более подходящее место, — да и людьми в известном понимании их уже не назвать. По-хорошему, они никак не должны были покидать пределы того города, откуда нам с вами, Гоша, так сказочно повезло смыться. Оттуда пути назад нет. Эти люди — призраки, они умерли в разный период времени и в течение определенного срока должны были обрести те жутковатые формы, которые так вас напугали при первой с ними встрече. Вы сами неизбежно обрели бы эти чарующие черты, а еще спустя некоторое время исчезли бы вовсе. Не кривитесь, так случается с каждым, кто однажды пересек границы этого мира. Однако нашелся человек, который изобрел способ как избежать этого пугающего момента и создал новый вид людей.»

Гурий замолчал, внимательно рассматривая побледневшую Гошкину физиономию и готовясь отвечать на ожидаемые вопросы.

«Умерли? Получается, я тоже призрак? — немного насмешливо уточнил Гошка, явно не желая соглашаться с очевидным, — но я даже не заметил, как это произошло, Гурий. О чем вы вообще? Моя бывшая очень увлекалась всякими такими вопросами и часто рассказывала мне байки про ощущение полета, про отречение от земных забот, про невероятное блаженство и наслаждение. Гурий, я не испытываю ни наслаждения, ни блаженства от необходимости скитаться по чужим парадным, да собственно и от забот у меня не слишком получилось отречься. Вы в корне не правы, и я жду других версий!»

Но Гурий не пожелал выстраивать новые гипотезы, и Гошка в который раз почувствовал недосказанность. Возможно, не в меру ранимого доктора обидела Гошкина реакция на приложенные лекторские старания, но в любом случае, вместо опровержений и новых откровений, Гурий медленно побрел вдоль тротуара, погружаясь в раздумья. По счастью, им на пути больше не попадались смятые призраки, а также больше не слышалось шлепаний и дребезжания, и Гошка снова стал склоняться к мысли о тайных гипнотических способностях доктора.

Глава 13.

Молчаливые размышления о насущном незаметно привели их обоих к зданию районной поликлиники, и Грошик предложил немного развеяться среди привычной для его обстановки.

«Заодно послушаем новости, — усмехнулся он, — поскольку моя тетка не слишком ценный источник с ее бесконечными охами и вздохами. Проходите, Гоша, не стесняйтесь!»

После такого радушного приглашения Гошке только и оставалось, как просочиться в прохладный полутемный холл. При жизни, если придерживаться версии доктора Грошика, Гошка редко посещал подобные заведения, как большинство здоровых и крепких людей, испытывая страх перед врачами и больницами. Сейчас, совершенно невидимый, он все еще привычно шарахался от важных сотрудников поликлиники и крайне невнимательно прислушивался к рассудительным речам своего спутника.

«Неужели не заметили, Гоша?» — вернул его к действительности знакомый голос.

«Не заметил чего? — встряхнулся Гошка, обращаясь в слух, — вы про что?»

Гурий едва заметно вздохнул и принялся заново доносить до невнимательного Гошки свои наблюдения. Они уже дошли до второго этажа здания, и теперь Гурий вещал об ожидающих приема пациентах.

«Смотрите, Гоша, вон сидит симпатичная девушка в бежевой куртке, видите? Насколько она симпатична, по-вашему?» — неожиданно поинтересовался Гурий. Тема была Гошке знакома и понятна, и он с видимым интересом принялся рассматривать симпатичную девушку, так и не сообразив, куда клонит его загадочный попутчик.

«Вполне миленькая, — со знанием дела резюмировал Гошка, — я бы познакомился. Но лицо какое-то странное, не находите? Не пойму, что в нем не так. Но в целом, ничего. Предлагаете завязать знакомство, Гурий?»

Доктор медленно кивнул, не понятно на что среагировав, и тут же озадачил Гошку новым заданием.

«А вон тот мужик, Гоша? Как вам кажется, его можно назвать привлекательным?» — без доли иронии продолжал непостижимый Грошик. Гошка только хмыкнул и бросил мимолетный взгляд на сидящего рядом с девушкой солидного мужика. У того было обычное стандартное лицо с немного сплюснутым носом и свисающими до самых щек мешками.

«Мужик как мужик, ничего особенного, — хмыкнул Гошка, — с ним знакомиться не буду, и не просите.»

Гурий хрипло засмеялся, оценив Гошкину иронию, и неожиданно став серьезным уточнил:

«Посмотрите, Гоша, у миленькой барышни и у обычного мужика лица как будто стекли вниз, заметили? Они оба довольно молоды для таких мимических изменений. Как будто по их физиономиям кто-то провел мокрой губкой, стирая контуры, согласны?»

Гошка наконец понял, что ему показалось странным во внешности пациентов, но не понял, для чего Гурий проводит сравнительный анализ чужих рож. Оглядевшись по сторонам, Гошка заметил, что подобные особенности характерны для большинства присутствующих.

«Заболевание?» — наудачу предположил Гошка, а Гурий неопределенно хмыкнул и привычно сменил тему и направление маршрута. Сейчас их путь лежал к кабинету Грошика, а он сам пространно принялся рассуждать о гуманизме в целом и любви к ближнему в частности. Гошка уже даже не пытался постичь глубины и особенности замысловатых

докторских мозгов и только послушно кивал в такт его умным речам. Когда до кабинета оставалось сделать пару шагов, Гурий притормозил и с удивлением уставился на свою медсестру Маргариту Антоновну. Гошка предположил, что невоздержанный Грошик снова примется корчить рожи перед суровой коллегой, однако Гурий решил развлечься немного другим способом. Он резко развернулся и, забывая про спутника и попутчика, понесся к выходу. Гошка едва успевал за стремительно ускользящим из вида доктором и только строил догадки, куда в этот раз понесло его нового знакомого. Ни одно из рожденных предположений не выиграло, поскольку, затормозив на крыльце, Гурий схватил за плечи откровенно растерявшегося Волкова и торопливо забормотал:

«Где вы слышали те самые звуки, Гоша? Вспоминайте, дружище, это очень важно!»

Перед Гошкиными глазами замелькали ледяные ступеньки парадного, на которых он провел вторую ночь после своего возвращения из таинственного города, потом его память услужливо подкинула ему эпизоды предрассветной прогулки, однако ничего из перечисленного не смогло удовлетворить взыскательного доктора.

«Вы рассказывали мне про станцию, Гоша, — нетерпеливо перебил он Гошкины откровения, — там, с заборчиком и будкой. Где она, Гоша?!»

То негаданное путешествие не слишком отразилось в Гошкиной памяти с точки зрения точности координат. Тогда к заборчику и станции растерянного Волкова пригнала необходимость решения острых финансовых вопросов, и поэтому он очень затруднялся сказать, где именно он увидел ту каменную избушку.

«Это на железной дороге, — неуверенно пробормотал он, неловко высвобождаясь из неласковых объятий Грошика, — точнее сказать не могу. Для чего вам это знать?»

Гурий, теряя внезапно охвативший порыв, глубоко вздохнул и неразборчиво пробормотал, съедая слова:

«Не знаю, Гоша, но почему-то мне это кажется важным.»

От всех пережитых волнений Гошка почувствовал нестерпимое желание пожрать, о чем незамедлительно поведал доктору, подкрепляя сообщение собственными наблюдениями.

«Моя бывшая, — вызываяще произнес он, — утверждала, что призраки не испытывают чувство голода, как, впрочем, и все остальные чувства, меня же вот прямо сейчас, помимо желания пожрать, распирает стремление отвесить вам леца за всю вашу таинственность. Что еще вы обнаружили у своего кабинета, Гурий? Рассказывайте, не томите.»

Гурий рассказывать не пожелал, но без разговоров потянул Гошку к первому попавшемуся магазинчику, уютно разместившемуся в подвале.

«Выбирайте, Гоша, — широко взмахнул он рукой, — угощаю. Я проверил на собственном опыте, никто и не заметит вашего вмешательства.»

Гошка с сомнением покосился на полки, заставленные разноцветными коробками и только глубоко вздохнул.

«Воровать не приучен, Гурий, — поведал он и вздохнул снова, — я и так задолжал конторе по грузоперевозкам. Не иначе, меня ждет огненная геенна или отдельный котел.»

«Ничего вас не ждет, наивный вы человек, — неожиданно весело заржал Гурий, находя в Гошкиных откровениях смешную сторону, — вы, когда окажетесь наконец за гранью, сначала потеряете свою смешную физиономию, а после исчезнете. И никаких котлов и реинкарнаций. Поэтому, воруйте и ничего не бойтесь. После рассчитаетесь!»

Гошка нерешительно потянулся за внушительным куском колбасы, ожидая с минуты на минуту явление сурового охранника, и воровато обернувшись, откусил солидный кусок.

Гурий поддерживающе кивнул и последовал Гошкиному примеру. Однако на его предложение сделать небольшие продовольственные запасы, вежливо напомнил о правилах этики и основах морали.

«Имейте совесть, Гоша. — назидательно пробормотал доктор, запихивая в рот остатки колбасы, — она вам, возможно, еще пригодиться»

Следующие пару дней Гурий с Гошкой не покидали пределов квартиры, бездумно слоняясь среди пустых стен. За время их суточного отсутствия ухватистая тетка успела вывезти из квартиры все, что было прикручено, прибито и приклеено, и поэтому сейчас Гурий вместе со своим постояльцем мог наблюдать весьма плачевную картину внутреннего опустошения. На третий день их внимание снова привлекла знакомая картина. В отличие от прошлого раза, смятые землистые рожи потусторонних существ выглядели более уверенно, хотя в их действиях не было заметно особых перемен. Появившаяся на улице толпа так же сообща переместилась на более оживленную улицу и так же, разбившись парами, рассеялась среди прохожих. Гурий, заметив их появление, привычно выскочил на улицу и знакомо принялся суетиться среди полупрозрачных фигур. На фоне городского шума Гошка почти не слышал пугающих звуков, а шлепанье и шарканье и вовсе растворялись в городском многоголосье. Когда нагулявшиеся уродища снова собрались в общую стаю, Гошка наконец понял причину докторских метаний. Гурию во что бы то ни стало загорелось проследить маршрут безглазых существ. Однако эта задумка так и осталось задумкой, поскольку в какой-то момент безглазая толпа попросту растаяла в пути. Разочарование Гурия можно было потрогать руками, и Гошка, желая отвлечь расстроенного доктора снова вызвал его на разговор, поинтересовавшись причинами их настойчивых прогулок.

«Вы обратили внимание на прохожих? — не реагируя на вопросы отозвался Гурий, — ничего не заметили?»

Гошка никогда не отличался наблюдательностью, а память имел посредственную, однако сегодняшняя толпа показалась ему немного поблекшей, а многоголосье не таким настойчивым.

«Я это заметил немного раньше, — признался Гурий, помните тогда, у моего кабинета я натолкнулся на Маргариту? Она всегда казалась мне немного выцветшей, но в тот раз к нее невзрачности прибавилось невнятность черт. Кстати, так выглядели почти все прохожие, встретившиеся мне сегодня на улицах. Их лица стали казаться мне одинаковыми. Вы не заметили этого?»

По мере озвучивания своих наблюдений, голос Гурия приобретал нехарактерные звенящие оттенки. Они, разумеется, не были похожи на способы передачи информации безглазых, однако заставили Гошку насторожиться.

«Он говорил мне, что собирается вывести новый вид человека без потребностей, однако все же его задумки где-то свернули не туда, либо и вовсе вышли из-под контроля. Потому что безглазые «супер-люди» все же кое в чем нуждаются! — Эмоции доктора Гурия зашкаливали, заставляя того срываться на крик, а его невнятное бормотание приобретало весь спектр металлических оттенков. — он не всемогущ, каким хочет казаться, и его марионетки не такие уж бессловесные, какими он хочет их видеть!»

Гошка испуганно примолк, наблюдая, как Грошик убеждает самого себя в том, что оставалось за пределами понимания господина Волкова. Уточнять нюансы, учитывая внезапную нестабильность доктора, Гошка решил немного позже, когда Грошик обретет прежние эмоциональные формы.

«Так в чем же они так нуждаются? — все же рискнул уточнить Гошка, когда гнев Гурия немного поутих, — и кто такой этот «он»?»

«Они нуждаются в пище, — привычно спокойно отозвался Гурий, — так же как мы с вами, так же, как и все остальные люди. Правда, им не нужна колбаса, мясо и тому подобная дребедень, которую так любят обычные люди с потребностями. Они нашли способ добывать себе пропитание, минуя скучные продукты. Там, в их городе, а проще сказать, в их мире, не было ничего, что могло бы служить им пищей, и они нашли дорогу туда, где этой пищи в избытке. Ну пока в избытке. Они научились тянуть жизненную энергию из живых людей, проникая обратно, туда, где они обитали раньше. У них это здорово получается и, если их не остановить, кто знает, что может случиться дальше. Говорю же, он не всемогущ и снова облажался, старый дурак!»

Гошка только хлопал глазами, пытаясь осознать услышанное. Доктор Грошик был слишком осведомлен о частной жизни неведомых существ, к тому же он так и не рассказал, кем был тот неведомый «старый дурак», который затеял этот суперпроект.

Глава 14.

Стараниями любезной тетушки я был лишен возможности черпать информацию из привычных источников, поскольку в моем разоренном жилище не осталось даже розеток. Поэтому, чтобы подтвердить или опровергнуть свои спонтанные выводы, так неосторожно озвученные Гошке, мне пришлось воспользоваться древним способом собирательства и наблюдений. До того памятного дня, когда на улицах города впервые показались безглазые недоделки, я время от времени навещал свою поликлинику, бесцельно слоняясь по этажам и забредая в кабинеты коллег. Сейчас я возник на пороге своей бывшей работы с вполне определенной целью — мне хотелось знать, насколько оправданы мои опасения.

Пустые по случаю раннего часа коридоры клиники постепенно наполнялись неторопливым гулом, извещавшим о начале рабочего дня. Пациенты и персонал на первый взгляд ничем не отличались от тех, что мне приходилось видеть ранее, за тем исключением, что теперь в их движениях появилась размеренная плавность, а в их глазах перестало присутствовать осмысленное выражение. Все они напомнили мне замороженные манекены, слепо исполняющие заученные движения. Желая весомых доказательств своим поверхностным выводам, я лихо просочился в один из кабинетов, и вальяжно пристроился на углу стола, всюду пользуясь своими внезапными преимуществами. Специалист, к которому я так беспардонно вломился, считался в клинике гуру хирургии и отличался вдумчивостью и рассудительностью. Для него не существовало простых или сложных случаев, их все он с одинаковой скрупулезностью изучал до самого дна, благодаря чему приобрел в клинике славу всемогущего и знаменитого. В этот раз великий гуру решил отступить от раз и навсегда принятого алгоритма. Гостеприимно распахнув дверь перед первой пациенткой, хозяин кабинета опустился в свое кресло и мутным расфокусированным взглядом уставился поверх головы своей посетительницы. Та, в свою очередь, тоже не стала с ходу раскрывать все свои секреты, последовав примеру своего доктора. Так они сидели в полном молчании незначительное время, вызывая у меня полное недоумение. Всезнающий хирург только мерно покачивался, так и не рискнув выяснить у заторможенной дамочки причину визита. Устав пялится в стены, дамочка плавно поднялась и не меняя ритма, выплыла за порог, уступив место следующему нуждающемуся. Второй, а также третий и все последующие пациенты мало чем отличались от первой пациентки, да и светило хирургии тоже не спешил вносить разнообразие в методику приема. До самого обеда они так и

раскачивались друг перед другом, медленно утекая в коридор после пары минут так называемой консультации. На пробу я посетил еще несколько своих коллег, чтобы сравнить результаты. Итогом моих экспедиций стал неизбежный и пугающий вывод о впустую проведенном дне как со стороны персонала, так и со стороны недужных граждан. Вялая заторможенность обеих сторон мешала профессионально рассматривать проблемы и давать необходимые рекомендации. Во всем этом самым странным казалось то, что обыватели сами не замечали всей этой странности, послушно исполняя давно заученные движения. Побродив по этажам, я спустился к выходу, по дороге разглядывая посетителей и в каждом из них находя те же настораживающие перемены. Погасив нарастающую панику, рожденную нехорошими предчувствиями, я отправился на проспект, туда, где впервые заметил призрачную братию. Безглазое братство отсутствовало, однако сейчас обычные граждане мало чем отличались от потусторонней толпы. Их лица теряли осмысленное выражения, а движения приобретали уже знакомую мне плавность и размеренность. Внезапно мне стало любопытно, помнят ли осоловевшие граждане о своих повседневных обязанностях или их нынешние перемещения больше не имеют цели. В качестве эксперимента я увязался за одной барышней, высокой и худенькой, явно работающей в каком-нибудь туристическом агентстве или сувенирном магазинчике. Девушка монотонно и неторопливо двигалась по тротуару, совершенно не замечая других таких же прохожих, глядя замороженным взглядом куда-то поверх толпы. Когда тротуар закончился, барышня шагнула на широкую проезжую часть и смело зашагала вперед, не глядя по сторонам. Мимо нее катились разнокалиберные автомобили, тоже не придерживаясь правил и игнорируя светофоры. Я едва успел выдернуть свою нечаянную попутчицу из-под колес очередного огромного экскурсионного автобуса и оттолкнуть ее обратно на тротуар. Происшествие не нашло отклика в умах горожан, никто из очевидцев даже не повернул головы в сторону чудом спасшейся девушки, а меня накрыло самой настоящей паранойей.

«Что с ними?! — вопила в мозгах заполошная мысль, — неужели краткое присутствие безглазых чудовищ так катастрофически повлияло на сознание обычных людей?»

Впрочем, тут же вклинился тоненький голосок, кто может сказать наверняка, как давно безглазые чудовища стали частью ничего не подозревающего общества? Мимо меня проползла какая-то старуха, поразительно похожая на невысокую сублительную дамочку, увиденную мной минутой назад, а румяный толстяк, вынырнувший мне навстречу, напомнил мне их обоих. Я помотал головой, пытаюсь привести мозги в упорядоченное состояние. Лица, окружающие меня, теряли четкость, теряли индивидуальность и сливались в моих глазах в одну огромную уродливую маску, лишённую эмоций. Развернувшись, я со всех ног бросился назад, в квартиру, отчаянно надеясь, что мне все это только привиделось и что на самом деле ничего такого нет.

«Гурий, посмотрите, — встретил меня на входе взволнованный Гошка и протянул неизвестно откуда появившейся телефон. На мой молчаливый вопрос, Гошка легко махнул рукой и пробормотал что-то о гарантированном отсутствии личного котла и реинкарнации.

«Бросьте, Гурий, не будьте занудой, почитайте лучше новости,» — забывая про хорошие манеры, заявил Гошка и открыл новостную ленту. Замелькавшие перед глазами строчки разнообразием не радовали, на все лады повторяя информацию про внезапное исчезновение сразу нескольких десятков обитателей провинциальных городов. Жители районных центров не уезжали в мегаполисы, не снимались с насиженных мест в поисках лучшей жизни, не пересекали границ государства. Они просто исчезли, однажды проснувшись утром. Силовые

ведомства проводят поисково-спасательные работы, однако к ожидаемым результатам данные меры не приводят, сообщали разнокалиберные источники.

«Что это значит? — с удивлением переспросил Гошка, заботливо пряча честно украденный телефон в карман, — что значит, исчезли, Гурий, как вы это можете объяснить?»

С момента нашего знакомства непосредственный Гошка видел во мне кладезь многой информации, и мои околонучные изречения принимались наивным дальнобойщиком как истина в последней инстанции. Я не хотел рушить такой чудесный и необоснованный образ и поэтому принялся пространно рассуждать о возможных причинах удивительных событий. Гошка внимательно слушал, тщательно запоминая каждую мою реплику, после чего умно изрек:

«А может это быть связано с призрачной бандой, как вы считаете, Гурий?»

Мой постоялец отчаянно пытался казаться полезным, но выглядел при этом невероятно уморительно, отчего я не удержался и весело заржал, глядя на его вытянувшуюся рожу.

«Я говорю серьезно, Гурий,» — пробормотал он, теряя ко мне интерес.

Новостные строчки давали слишком мало пищи для размышлений, к тому же не думаю, что слепая братия развернула столь полномасштабную кампанию.

Весь следующий день я бродил по улицам, присматриваясь к прохожим. Мое полупризрачное существование давало мне все шансы проникнуть в любую точку города, узнать самые шокирующие подробности, но как воспользоваться всем этим добром, я не знал. Гошка оставался заниматься своими делами, коих у него обнаружилось великое множество. Свыкнувшись с мыслью о своем новом облике, дальнобойщик всю пользовался открывшимися перспективами. Вечером каждого дня он гордо отчитывался мне о своих подвигах, правда не слишком вываливающихся за рамки законодательства. Однажды он рассказал мне о своем визите в грузовую контору. Как выяснилось из обрывочных диалогов водителей, нашли Гошку утром на той же обочине в машине, экспертиза показала проблемы с сердцем, ставшие причиной его скоропостижной смерти. Гошка был изумлен озвученным диагнозом, поскольку, по его словам, сердце всегда имел крепкое, а к врачам обращался только однажды, в школьном возрасте простудившись на каком-то мероприятии. От его откровений мне стало не по себе, и чувствуя за собой вину, я плавно перевел разговор к итогам своих вылазок. Призрачные уроды появлялись в поле моего зрения только однажды, проведя на прогулке рекордно малое время, после чего растворились в пространстве, но я все еще не оставлял идею проследить их маршрут и выяснить, где они кучкуются, когда не гуляют среди толпы.

В очередной моей вылазке Гошка вызвался составить мне компанию, объясняя свое решение желанием быть полезным.

«Гурий, — сокрушенно делился он наболевшим, пока мы размеренно двигались вдоль тротуаров, — неужели наше это призрачное состояние продлится вечность и никогда не закончиться? Мне, признаться, пугает такая перспектива, да и потом, все же скучновато бродить вот так.»

Моя временно притихшая призрачная совесть некрасиво толкнулась в призрачные ребра, заставив вновь демонстрировать Гошке чудеса риторики. Я принялся рассказывать ему о его новых возможностях, которые выходят далеко за рамки банального воровства, и перечислил ему целый перечень полезных дел. Моя богатая фантазия занесла меня к идее безвозмездной и ненавязчивой помощи немощным старикам и детям из неполных семей,

когда Гошка невежливо прервал мои щемящие монологи.

«Гурий, обернитесь!» — потребовал он, давно уже перестав прислушиваться к моральным основам моих выступлений. Я послушно развернулся и негромко выругался.

На противоположной стороне улицы нашим глазам предстало любопытное зрелище. Несколько граждан разного пола, возраста и сословия упорядоченно и ритмично двигалось вдоль тротуара, сохраняя при этом совершенно отсутствующее выражение на замерших лицах.

«Куда они идут? — пробормотал Гошка, неотрывно следя за процессией, — экскурсия, или что? Гурий, не молчите, озвучьте свою гипотезу.»

Гошкина версия могла бы оказаться жизнеспособной, если бы днем раньше я не видел точно такое же выражение на лице худенькой девушки, пренебрегавшей правилами дорожного движения.

«Пойдем и мы, — предложил я дальнбойщику, — мне любопытно, что является конечной точкой их путешествия»

За неимением более важных дел, Гошка охотно включился в поисково-исследовательскую группу и на протяжении почти получаса мы бестолково толклись за загадочной компанией. Те, не меняя скорости и не сбиваясь с ритма, пересекли пару кварталов, миновали какой-то парк, и потянулись за околицу. С каждым пройденным километром это все меньше напоминало экскурсию, и рождало все больше вопросов. Группа включала в себя одиннадцать человек и отчетливо бросалась в глаза ровно до очередного перекрестка. Оказавшись на противоположной стороне проезжей дороги, группа исчезла. Она просто растворилась в воздухе, не оставив после себя следов.

«Они исчезли!» — взвизгнул Гошка, констатируя очевидное, и тут же принялся кружиться на таинственном пяточке, забывая про осторожность и здравый смысл. В какой-то момент я подумал, что и он исчезнет следом за гражданами, однако его вполне различимая фигурка продолжала маячить перед глазами, не неся, впрочем, своим мельтешением никакой смысловой нагрузки.

«Что вы выяснили, Гоша, — с долей иронии поинтересовался я, — вы уже открыли тайну вселенной?»

И тут же как по команде перед моими глазами возник зеленый холм, поросший сорняками.

«Гоша, — внезапно став серьезным, обратился я к явно растерянному попутчику, — все же, где вы слышали то невнятное дребезжание, прогнавшее вас на мои поиски? Напрягитесь, дружище, кажется у меня родилась идея.»

Глава 15.

Гошке вовсе не требовалось напрягаться, чтобы вспомнить невысокую кирпичную будку за шатающимся заборчиком. Она вполне рельефно отпечаталась в памяти везунчика-дальнбойщика вместе с дребезжанием и шлепаньем, раздававшимся из-за ее стен. Вся сложность заключалась в определении точных координат этой самой избушки, о которых Гошка не мог сказать ни слова. Тогда, находясь под гнетущим впечатлением от только что завершившегося путешествия за пределы привычного мира, парень мог только припомнить железнодорожную насыпь и темные очертания низеньких домиков на другой стороне линии. Сейчас же, по прошествии длительного срока, даже эти ориентиры виделись ему слишком несерьезными. Гошка только хлопал глазами, глядя, как внезапно оживившийся Гурий в нетерпении нарезает круги по тротуару в ожидании ответа.

«Ну же, Гоша, назовите мне хоть что-нибудь. Вы говорили мне, что родились и выросли в этом городе, так что же мешает вам припомнить детали?»

Гошкино упрямое молчание явно раздражало вспыльчивого доктора, и Гошка решил внести немного конкретики.

«Я помню будку, — нерешительно начал он, — я говорил вам про нее, невысокая такая, там еще рядом скамейка была, кажется.»

Гурий презрительно скривился, не оценив Гошкины способности художественного описания, и нетерпеливо продолжил сам:

«Вы говорили еще о том, что эта будка могла быть железнодорожной станцией, но это не дает мне ровном счетом ничего, Гоша. Вы сможете показать мне дорогу? Вы запомнили, куда именно вас понесло той ночью?»

Гошке откровенно надоели докторские выбрыки и его одержимое стремление во что бы то ни стало отыскать эту чертову будку, в которой лично сам Гошка не видел никакого смысла.

«На кой она вам сдалась? — поинтересовался он, отчаянно пытаясь вспомнить направление, — как это знание поможет вам выяснить причину появления этих яйцеголовых уродов, если вы про это?»

«Не причину, Гоша, — взяв себя в руки, терпеливо объяснил доктор, — причину я уже знаю, о ней я говорил вам уже и продолжаю придерживаться своей теории. Мне интересно другое...»

Что именно было интересно непостижимому доктору, Гошка так и не узнал, поскольку Грошик резко замолчал, всем своим видом изображая лютое разочарование. После чего резво развернулся и зашагал в одном ему известном направлении. Гошке ничего не оставалось делать, как потянуться следом.

Гурий решил не возвращаться к цивилизации, продолжив путь за пределы города. Когда впереди показались серые очертания заброшенных садов, Гошка рискнул уточнить текущий маршрут. Как выяснилось из довольно путанного объяснения доктора Грошика, когда-то очень давно его семье принадлежал небольшой садовый участок, расположенный недалеко от железнодорожной станции. Там в свое время было множество маленьких кирпичных строений, среди которых возможно отыщется та самая будка с низким заборчиком. Чем могла им помочь обычная дача, Гошка решил не уточнять, надеясь, что все разрешится само собой. Гурий привел его к полузаброшенным в это время года дачным улицам и в замешательстве остановился. Искать кирпичное строение среди сотни ему подобных виделось Гошке глупым и нецелесообразным, но он послушно двинулся следом, с интересом присматриваясь к законсервированным на зиму домикам. Наконец, на самой границе товарищества ему в глаза бросилось невысокое светлое здание с маленькой скамейкой, обнесенное шатким заборчиком.

«Может быть это? — с сомнением произнес он, тыкая рукой в чей-то участок. — но я не уверен, что те звуки не были плодом моего воображения, Гурий. Все же мое приключение могло отразиться на восприятии»

Гурий, внимательно выслушав приятеля, снова негромко хмыкнул, но реагировать не пожелал. Он ловко перепрыгнул покосившейся плетень и смело заглянул в небольшое окошко. Увиденное Гурия не впечатлило, и он с гримасой великого снисхождения вернулся обратно.

«Не думаю, чтобы безглазая нечисть выбрала местом сбора такую лачужку, к тому же

явно обитаемую, — поделится он наблюдениями. — ищите еще, Гоша, может нам повезет управиться до темноты»

До темноты им управиться не повезло, поскольку ни один из встреченных домиков никак не желал напоминать Гошке ту станцию, где он услышал пугающее дребезжание.

Когда стемнело окончательно, доктор Гурий сделал привал и, отыскав свободный угол, гостеприимно предложил Гошке располагаться.

«Нас все равно никто не увидит, — приободрил он приятеля, пропихивая внутрь избушки тощую шкурку Гошки, — а ночевать где-то нужно, ночи нынче холодные.»

Гошка, оказавшись в незнакомой обстановке, пугливо заозирался, все еще чувствуя себя неуверенно. Несмотря на свое лихое живое прошлое, Гошка был законопослушным гражданином и придерживался общепринятых правил и норм. Гурий порыскал по тесному домику, отыскал спрятанные на полках запасы и соорудил нехитрый ужин, вызвав у неинтеллигентного Гошки много сомнений.

«Все же это неправильно, Гурий, — резюмировал он, не решаясь воспользоваться чужими продуктами, — мы хоть и призраки...»

«Но есть нам тоже хочется, — оборвал моральные страдания доктор Гурий, — я уже наделал столько ошибок, что еще одно маленькое нарушение закона мне погоды не сделает, Гоша. Успокойте свою совесть, начните ужинать!»

Когда с ужином было покончено, Гурий аккуратно прибрал за собой остатки продуктов и прислушался. В дачном поселке стояла тишина, нарушаемая невнятным грохотом пронесившихся неподалеку составов. Никаких посторонних дребезжаний, шлепанья и шарканья до его слуха не доносилось.

«Гоша, из-за вас мы проделали совершенно пустой путь, бестолку потратив свое безграничное время,» — заявил доктор с невероятным апломбом, чем вызвал в терпеливом Гошке неосознанное желание врезать нахальному типу.

«Почему это из-за меня? — зло процедил Гошка, разом припоминая свое интернатское детство, — неужели это я тащил вас в эту несусветную глушь? Или может быть я так желаю увидеть эту невероятно важную будку? А может быть это из-за меня в наш мир ломаются безглазые чудовища? Фильтруйте базар, Гурий, иначе огребете, я человек простой!»

Доктор не испугался грозных обещаний, но обороты сбавил и даже невнятно извинился.

«Не из-за вас, Гоша, — помолчав немного, отозвался он, — они ломаются в наш мир из-за меня, и я должен исправить это недоразумение.»

Гурию можно было и не ожидать подбадривающих Гошкиных вопросов, поскольку и без них, изумленная Гошкина рожа отражала все, что роилось сейчас в его полупризрачных мозгах.

«Из-за меня и моей неумной жадности и амбиций, — помолчав, продолжил Грошник, видимо устав таскать в себе весьма любопытную информацию, — когда-то я за очень большие деньги взялся за очень сомнительное дело, не до конца понимая всей пагубности его результатов. Это не оправдывает меня, хоть я и в самом деле ничего тогда не понял, но деньги, Гоша! Для меня это была гигантская сумма, и она поставила точку в моих сомнениях. А потом я совершил еще одну ошибку, в которой раскаиваюсь до сих пор. Именно поэтому я так желаю отыскать эту чертову будку, поскольку надеюсь, что она поможет мне исправить хотя бы часть из того, что я натворил.»

Гошка ожидаемо ничего не понял, но конфликт решил не раздувать и только сочувствующе кивнул.

Всю ночь он проворочался на неудобном диванчике, очевидно выполняющем функцию уличной мебели в летний сезон. Внезапные откровения доктора Гурия напрочь лишили впечатлительного дальнбойщика сна, и он то и дело поглядывал на свернувшуюся калачиком внушительную фигуру своего соседа. Только под утро Гошке пришло понимание абсурдности своих опасений.

«Сделать меня мертвее, чем я есть на самом деле, доктор уже не сможет,» — всплыла уставшая мысль и погрузила успокоившегося Гошку в крепкий сон без кошмаров.

Вместе с серенькими несмелыми лучами нового дня до Гошки донеслось знакомое шарканье, спросонок показавшееся дальнбойщику отголосками ночных видений. Помотав головой, Гошка убедился в их реалистичности и изо всей силы двинул сопящего доктора в бок. Доктор мгновенно вскочил, и сонно уставился на возмутителя своего спокойствия.

«В чем дело, приятель? — недовольно прошипел он, смешно хмуря брови. Гурий, очевидно, никак не желал воспринимать Гошку как равного, вынужденно мирясь с его обществом.

Гошка не обижался на заумного врачевателя, без затей ненавидя его в ответ. На очередной выпад Гурия Волков только усмехнулся и кивнув на дверь, предложил доктору прислушаться.

«То, о чем вы так мечтали, — хмыкнул он, глядя, как Гурий кривит рожу в снисходительных гримасах.

«Когда-нибудь он захлебнется в своей значимости,» — мелькнула в голове ненавязчивая мысль и тут же пропала, сменившись новой мыслью о природе происхождения знакомых шорохов.

Пока доктор изучал окрестности, отыскивая безглазых уродов, Гошка вытянул оставшиеся харчи и схомячил большую их часть, гася проснувшийся аппетит. От гастрономического мародерства его отвлек появившийся в дверях Гурий.

«Собирайтесь, Гоша, нам нужно возвращаться!» — решительно заявил он и, не дождавись Гошкиных реакций, покинул домик. Гошка рванул следом, про себя осыпая доктора разнообразными проклятиями. «Неужели нельзя по-человечески объяснить, — возмущенно думал Гошка, подстраиваясь под стремительный шаг Грошика, — все эти его метания здорово выбешивают. Впрочем, по-человечески у него все равно не выйдет, потому что он уже не человек!»

Гурий не мог слышать ворчания попутчика, но, достигнув цивилизации, все же снизошел до объяснения спонтанных марш бросков.

«Я ошибся, — поведал он Гошке, — я рассчитывал обнаружить на этой станции некий портал, через который безглазые уродища проникают в наш мир. Помните тот холм, в страшном городе? Думаю, что с его помощью уродцы путешествуют между мирами, но вот только где их точка сбора по эту сторону реальности, я так и не выяснил. Зато выяснил кое-что другое. Я действительно видел уродищ на станции, и знаете, к какому выводу пришел? Те, что наносят нам визиты, имеют весьма приметную внешность, хотя, они все ее имеют, но дело в другом. У этих рожи изрезаны тонкими шрамами, все они подверглись искусственному хирургическому вмешательству и вероятно это дает им преимущество перемещаться в пространстве. Тогда, на проспекте я не обратил на это внимания, занятый другими целями. Да и сложно было что-то рассмотреть на рожах полупрозрачных существ. Сейчас я видел вполне материальных особей, они имели непрозрачную форму, и выглядели обычными людьми, если не смотреть на их рожи. Их было всего трое, это они шлепали и

шаркали ночью. Будка, как мне кажется была просто будкой и никакой роли в их перемещениях не играла.»

«И куда же мы спешим? — вклинился Гошка в торопливое повествование, — что еще пришло в ваши гениальные мозги?»

Гурий недовольно осекся, метнув на Гошку нечитаемый взгляд, и нехотя продолжил.

«Сейчас я хочу навестить одного моего приятеля, думаю он успеет добраться до своей работы, пока мы совершаем пешие прогулки. Этой ночью его что-то привлекло на этой станции тоже, я заметил его весьма приметную машину. И мне интересно, что именно. Я хорошо знаю Матвея, он живет в центре и никогда не покидает его пределы без лишней нужды, а в этом Богом забытом месте и вовсе ему делать нечего. Само собой, дружеской беседы у нас с ним не получится, но у него есть привычка делиться со своей медсестрой самым наболевшим, возможно я услышу кое-что из его откровений, не задавая вопросов. В любом случае, попытаться стоит. Шевелитесь, Гоша, время работает против нас.»

Попасть в районную поликлинику Гурию и Гошке удалось за час до ее закрытия. Естественно, никакого Матвея, а также его верной медсестры они не обнаружили, слепо потыкавшись в закрытые двери. «Придется отложить визит до завтра,» — подвел итог Гурий и медленно побрел прочь, не забывая время от времени подталкивать вымотавшегося Гошку.

Глава 16.

Я отчаянно не хотел раскрывать перед Гошкой все свои секреты, опасаясь вызвать у своего нового приятеля справедливое негодование, однако мои недомолвки и размытые объяснения, кажется, злили его еще сильнее. Почему мне было так важно сохранить в его глазах собственный праведный облик, почему я считал необходимым заслужить его уважение, оставалось за пределами логики и моего понимания. С каждой новой моей попыткой Гошка все сильнее демонстрировал ко мне неприязнь, которую больше не скрывал. Ему ничего не стоило навсегда покинуть мое нестабильное общество и больше не испытывать на прочность свое терпение, однако он продолжал послушно таскаться за мной, все еще ожидая от меня решения всех проблем.

Наш отложенный визит в поликлинику украсился новыми событиями, развернувшимися в ее стенах. Утром, как раз к тому моменту, когда коридоры огромного здания наполняются рабочим гулом, мы с Гошкой входили в распахнутые двери. Мимо нас сновали сотрудники и пациенты, хотя это понятие не до конца отражало способ их перемещения. Так я бы сказал пару недель назад, когда поликлиника гудела как растревоженный улей в свои рабочие часы. Сейчас пациенты и персонал механически перемещались по территории, вперив пустые взгляды в светлые стены коридоров. Их перемещения сопровождал едва слышный монотонный гул, считающейся теперь обменом информацией. Поднявшись на этаж к Матвею, я заметил возле его кабинета несильное оживление, выразившееся в неумолчном равнодушном шуме, исходящем от посетителей и моих бывших коллег. Втиснувшись в самую гущу, я с изумлением расслышал некоторые обрывки фраз, заставившие меня напрячься.

«Все там будем,» — доносилось слева.

«Бог дал, Бог взял,» — раздавалось справа.

«Всему свое время,» — слышалось из-за спины.

Гошка вопросительно уставился на меня и, забывая о преимуществах невидимости, прошептал мне одними губами:

«Что за странные темы? О чем они толкуют, Гурий?»

То, что кабинет Матвея продолжал оставаться закрытым, а мерно гудящая толпа все еще

не расходилась, наталкивало меня на совсем уж грустные мысли. Я развернулся и направился вниз, к Маргарите, уж она-то наверняка могла знать о причинах отсутствия ведущего психиатра клиники. Маргарита Антоновна сидела в кабинете одна, кресло моей Ульяны пустовало, и мне не откуда было почерпнуть новые сведения. Покрутившись на тесном пятачке кабинета, я выскользнул в коридор и обернулся к верному Гошке.

«Что там в новостях, Гоша?» — решил я немного отвлечься от невыясненных событий. Гошка послушно достал телефон и, открыв новостную ленту, удивленно присвистнул.

«Еще пара случаев спонтанного исчезновения, Гурий! — торжественно оповестил он, пробегая глазами короткие сообщения, — теперь они зафиксированы в крупных городах. А, вот, смотрите, кажется, наш вчерашний эпизод.»

«Вчера зарегистрирован случай бесследного исчезновения пятнадцати жителей города Санкт-Петербурга, сообщают источники, — читал Гошка с паузами и интонацией, — об этом в силовые структуры заявили местные жители, не дождавшись возвращения своих близких. Это уже третий случай в городе на Неве, о причинах исчезновения не сообщается.»

Пока Гошка знакомил меня с шокирующими фактами, в коридоре показалась Ульяна. Я с интересом уставился на подружку, пытаясь обнаружить и в ней новые черты, но Ульяна все еще выглядела обычно, за тем исключением, что была невероятно растеряна. Причина ее настроения выяснилась через минуту, когда она решила поведать Маргарите Антоновне последние известия.

«Что ж это, Маргарита Антоновна, — пробормотала девушка, присаживаясь на край рабочего стола. — Матвей был обнаружен мертвым сегодня ночью в своей квартире, причина смерти не установлена, врачи склоняются к проблемам с сердцем. Как же так, сначала Гурий, теперь Матвей... тридцать лет не тот возраст, чтобы умирать, Маргарита Антоновна!»

Полученная новость заставила меня замереть на месте. Матвей не входил в число моих лучших друзей, несмотря на наше с ним довольно тесное общение, но все же Ульяна была права, тридцать лет не тот возраст, действительно. Перед моими глазами возник эпизод позапрошлой ночи, когда я стал свидетелем довольно оживленной беседы Матвея со странного вида собеседником, состоявшейся на глухой станции. Уже тогда эта картина вызвала у меня недоумение, а сейчас, в свете текущего момента и вовсе стала катализатором паники. Теперь я был склонен во всем видеть заговор, во главе которого неизменно должен был стоять ненавистный круглый тип. Возможно, чуть позже я найду той ночной встрече вполне земное обоснование, однако прямо сейчас внезапная эмоция, берущая начало в уголках подсознания, обрушилась на меня неконтролируемой лавиной, на мгновение лишая меня здравого смысла. Если бы прямо сейчас круглый тип оказался в шаговой доступности, я бы не смог гарантировать ему полную неприкосновенность и целостность. Довольно пустых наблюдений, пора поставить зарвавшегося типа на место. Вот только что для этого нужно мне было сделать, оставалось за кадром. За свою недолгую жизнь я редко вступал в открытые конфронтации, предпочитая решать проблемы мирным путем. Да и что могло спровоцировать драки и поножовщину в моей до тошноты размеренной жизни, сложно было даже предположить. Однако прямо сейчас я был готов к весьма решительным шагам. Знать бы еще в какую сторону шагать.

Гошка, не знавший Матвея ни секунды, тоже расстроился, выразив свое негодование несправедливостью мира негромким забористым матерком.

«Что за новая мода? — пробормотал он, длинно сплевывая на траву, — третий случай за

две недели. И вряд ли я думаю, этому Матвею повезло так же как нам с вами, Гурий.»

Я не был готов согласиться с наивными Гошкиными соображениями, отчетливо помня свою недозаклученную сделку с круглым типом. По дороге в квартиру в моей голове роились разные соображения, как остановить эти безликие похождения, имеющие для меня неясные цели. Вряд ли мне удастся в одиночку противостоять призрачной банде, думал я, неосознанно косясь по сторонам. Улицы оставались привычными, если не принимать во внимание нехарактерную тишину, окутавшую город. Прохожие все так же медленно и размеренно перемещались по своим делам, сохраняя на лицах знакомое отрешенное выражение и больше не создавали суету и многоголосье. Внезапно, я понял, откуда мне сделать первый шаг. Отправив Гошку в квартиру, я отговорился срочными делами и направился к ближайшей станции метро.

Глава 17.

Нарастающий грохот мелькающих поездов рождал головную боль и ясное понимание всей невозможности реализации смелых планов. Больше семи часов я катался по питерским подземельям, ни на шаг не приближаясь к задуманной цели. Отголоски моей тренированной памяти то и дело возвращали меня к тем недолгим путешествиям, что я совершал в компании с круглым типом до страшных лабораторий. Тогда мне казалось, что на дорогу уходило не более получаса, а от нужных точек нас отделяла пара недлинных перегонов. Так казалось мне пять лет назад, когда я даже не догадывался о границах ныне существующих миров, которые круглый тип с легкостью пересекал. От усталости меня шатало в разные стороны, и мне приходилось делать небольшие привалы, устраивая их прямо на ледяном мозаичном полу каждой десятой станции. Пассажиры медленно и нехотя проходили мимо, сохраняя обязательное молчание и постепенно рассеиваясь в гудящих поездах. Когда очередную станцию покинул последний пассажир, я устало поднялся и наугад зашагал к ослепительно черному тоннелю, очевидно выполняющему какое-то сложное техническое назначение. Все мои идеи исчерпались больше часа назад, и мне оставалось бездумно толкаться по переходам в поисках Той Самой Дороги. Тоннель уводил в сторону от рельс, от ослепительного света, наполняя воздух сырým ледяным маревом, а мои уставшие мозги — вязким безразличием.

«Прогуляюсь еще немного вдоль сырых стен, а после вернусь к Гошке, наблюдать, как горожане с каждым днем теряют свои привычные контуры и растворяются в неизвестности» — с горечью думал я, наощупь пробираясь в крошечной тьме. После моего стотысячного шага тьма стала приобретать новые краски, разбавляясь едва уловимым серым цветом, а спустя еще десяток шагов меня знакомо ослепило белой вспышкой. Я зажмурился, по-детски закрываясь от света ладонями, а когда рискнул вновь открыть глаза, увидел перед собой ровную, усыпанную мелким гравием, площадку. Ну, сначала я ничего не увидел, поскольку перед глазами весело прыгали разноцветные всполохи, которые мешали мне осознать, где именно я очутился на этот раз. Шагнув из чернильного марева, я едва не грохнулся на землю, споткнувшись о неизвестно откуда взявшиеся детские качели.

«Осторожно! — услышал я хриловатый басок, прозвучавший прямо над моей головой. — смотрите уже под ноги, дяденька!»

Голос звучал насмешливо и снисходительно и принадлежал упитанному подростку лет пятнадцати, раскачивающемуся на тех самых качелях.

«Ты кто такой?» — изумленно пробормотал я, потирая убитую конечность и разочарованно думая о том, что моя решительная вылазка снова закончилась ничем.

«Я тут живу, — неопределенно отозвался пацан, легко соскакивая на землю, — вон в той пятиэтажке!»

Неопределенно махнул он рукой на прилегающий к площадке пустырь. Никаких пятиэтажек я не увидел, вместо них натыкаясь взглядом на знакомые силуэты разноцветных построек. Проморгавшись, я снова уставился на яркие стены и в замешательстве пробормотал, забывая про подростка:

«Снова чертов город?»

Очевидно, моя расстроенная интонация не до конца отразила радость от удавшегося

эксперимента, поскольку внимательный пацан тут же подхватил тему, доверительно делясь со мной своими собственными наблюдениями.

«Скучно здесь, дяденька, — с явным сожалением протянул он и вздохнул, — я тут всего ничего, а кажется целую вечность скитаюсь. Хотите, я вас до дома провожу, все равно делать нечего.»

Парень выглядел приветливо, и мог бы казаться добрым приятелем, если бы не звенящие металлические ноты в его голосе и явное нетерпение, сквозившее в каждом его жесте.

«Пойдемте,» — уже более настойчиво повторил он и крепко вцепился в мою руку. Я легко выдернул ладонь из его ледяного захвата и сдержанно поблагодарил за заботу, доверительно поведав ему, что дома у меня тут никакого нет, что я тут проездом и в его компании, мягко говоря, не нуждаюсь. Парень злобно окинул меня тусклыми глазками и недовольно зашипел.

«Тут у всех есть дом, дяденька, — назидательно изрек он, — а проездом тут быть никак невозможно. Ну если вы не нуждаетесь, идите сами, но после не обижайтесь!»

Наградив меня в дорогу суровой отповедью, парень снова влез на качели и мерно заскрипел проржавевшими деталями нехитрого устройства. На меня он больше внимания не обращал, на мои движения не реагировал и всячески демонстрировал полное презрение. Я пожал плечами и двинулся через пустырь, рассчитывая выяснить то, ради чего вернулся, собственными силами.

В свой прошлый визит я не успел обзавестись здесь полезными знакомствами, поэтому, немного придя в себя от осознания свершившегося факта, начал сомневаться в правильности своей задумки, в целесообразности сделанного шага и в целом в успехе добровольно взваленной на себя миссии. Чего я рассчитывал получить, вломившись на запретную территорию, откуда нет выхода? Думал я, едва переставляя непослушные ноги. «Иногда наши эмоции заводят нас слишком далеко, — усмехнулся я, вспоминая своего невероятного попутчика, — но даже если бы мне дали еще одну возможность, вряд ли я нашел бы в себе мужество оставить Гошку на растерзание местным врачевателям.»

Мое нынешнее посещение города Теней выглядело немного разнообразней остальных предыдущих. Хотя бы потому, что обычно пустые улицы сейчас пестрели кривыми фигурами его постоянных обитателей. Едва ступив на знакомую аллею, я натолкнулся на одного зазевавшегося гражданина, неосторожно вывернувшегося из подворотни. Отскочив от меня на шаг, он невнятно зашипел, выражая негодование, и мгновенно скрылся из глаз. Я пожал плечами и двинулся дальше, поражаясь явным переменам, случившимся за время моего отсутствия. Местные казались мне более оживленными, а их потусторонняя деятельность до отвращения напоминала мне привычную суету моего родного Питера.

«Эй, парень, — раздался позади меня различимый голос, — заработать хочешь?»

От неожиданности я резко притормозил и, обернувшись, уставился на абсолютно гладкую рожу сидящего прямо на асфальте местного. От денег отказываться я не привык и согласно кивнул, в голове воскрешая все варианты возможного заработка в потустороннем мире. Сидящий продолжал пялить безглазую рожу, никак не реагируя на мое согласие.

«Что нужно делать?» — приветливо пробормотал я, вкладывая в интонацию всю заинтересованность, на которую был способен. Однако ни моя интонация, ни мое приветливое расположение не сделали аборигена более разговорчивым. Он продолжал пялиться на меня ровно до тех пор, пока из-за моей спины не вынырнул еще один местный,

счастливого обладающий ровной безрельфной рожой. Посыл относился к нему, как выяснилось минутой спустя. Тот медленно подошел к сидящему и, не произнося ни звука, протянул раскрытую ладонь, в которую агент по найму небрежно бросил какую-то бумажку. Весь ритуал занял считанные минуты, после чего сидящий на тротуаре снова впал в нирвану. Я опять пожал плечами и двинулся дальше, решая про себя в следующий раз быть более осмотрительным. Мое бесцельное шествие привело к знакомому павильончику, где работала «собираательницей» девочка с хвостиками. Я на пробу толкнулся в тесное пространство магазинчика. Девочка сидела на прежнем месте, только больше не рождала во мне приятной ностальгии по пролетевшим школьным годам. Ее некогда миловидное личико отчетливо сползло к подбородку, оставляя собираательнице неясные очертания некогда правильного рта. Девочка узнала меня и растянула остатки мордочки в приветливой улыбке.

«Ты все еще здесь? — почти по-человечески спросила она, уже разбавляя речь металлическими нотками, — как тебе удается выглядеть на все сто? Впрочем, здесь у всех это происходит по-разному. Мне, вот видишь, скоро придется покинуть выгодную должность»

Несмотря на очевидную потерю преимуществ, девушка не выглядела расстроенной, скорее, наоборот, в ее металлически-звнящем голосе слышалось облегчение.

«Зато я избежала этих нововведений, — усмехнулась она, и ее обвисшая кожа отвратительно завибрировала, — рассказывают, это слишком чудовищно, чтобы соглашаться на это добровольно.»

«А какие преимущества дает эта операция?» — не веря собственному счастью, тут же озвучил я тревожащий меня вопрос, в ответ на который девочка звонко расхохоталась. Ее смех звучал как оцинкованное ведро, наполненное гвоздями. Я невольно поморщился, а девушка, заметив мою реакцию, обиженно замолчала.

«Странный ты. Бродишь тут вечность и до сих пор ничего не знаешь. Говорят, те, кто добровольно лег под нож, приобретают особые способности. Вот только мне они без надобности. Скоро я навсегда оставлю эту кибитку и свалю отсюда.»

Я собрался задать барышне еще сотню вопросов, но внезапно она сделалась невероятно серьезной, а на пороге ее магазинчика возник очередной покупатель. Им оказался дряхлый старец неопределенных лет, с сохранившимися чертами изрезанного морщинами лица. Он придиричиво осмотрел прилавки, близоруко шурясь и что-то шамкая себе под нос. Я решил не дожидаться развития событий, поскольку по опыту уже знал, что безглазая братия уже стекается к дверям ловушки. Выскользнув на улицу и мысленно порадовавшись удаче, я бодро зашагал по знакомым аллеям, жалея, что не выпросил у собираательницы подробности преимуществ чудо-преображения. На моем пути еще пару раз попадались загадочные наниматели, вылавливая желающих подзаработать прямо из толпы. На все мои попытки тоже подлатать бюджет, деловые аборигены выключались и становились похожими на восковые недоделанные фигуры. Когда после пятой моей попытки привлечь к себе внимание, мне ответили привычным игнором, я почувствовал необходимость выяснить источник обогащения самостоятельно. На соседней аллее сидел еще один зазывала и старательно делал вид, что просто дышит воздухом. Я немного притормозил возле него и, дождавшись появления очередного соискателя, решил не терять его из вида. Тот, как и остальные пять, обзавелся смятой бумажкой и бездумно поплелся по асфальтированной дорожке, стараясь не привлекать к себе внимания. Все эти меры предосторожности, на мой взгляд, не играли никакой роли. Прохожие и без них были заняты собственными делами и на

суперсекретную раздачу бумажек не реагировали. Тип, очевидно, оказался ответственным, и через пару перекрестков, ловко свернул в подворотню, очевидно стремясь принести пользу потустороннему обществу. Его путь лежал к высокому строению, отдаленно напомнившее мне водонапорную башню, только выложенную из крошащегося красного кирпича. В башню вела неприметная металлическая дверь, которую без труда приоткрыл соискатель и за которой исчез. Я смело двинулся следом, в случае чего приготовившись объяснить свое присутствие похожими целями. Меня, правда никто ни о чем не спрашивал, таинственных пропусков не требовал и мне без затей удалось достичь вершины загадочного строения. Башня имела некое подобие чердака, выполненного в виде довольно ровной площадки, обнесенной по кругу высокими стенами. Крыши площадка не имела и обдувалась всеми ветрами. Тип, что поднимался впереди меня, загадочным образом исчез, и все мои попытки отыскать его на довольно открытом пространстве закончились ничем. Вполне могло оказаться, что тип поднялся сюда по своим личным делам, и к работе башня не имеет никакого отношения, мелькнула мысль, когда я в который раз поднялся на чердак, продолжая бесполезные поиски. Утомившись пустыми хождениями, я присел на изъеденные временем ступеньки и закрыл глаза. «Все же, наверно, стоило как-нибудь поточнее узнать координаты места работы местных,» — вяленько толкнулась мысль и тут же пропала, изгнанная шумом шлепающих шагов. Я резво вскочил на ноги и протиснулся в едва различимую нишу, выдолбленную в стене все тем же неумолимым временем. Шлепанье приближалось, разбавляясь приглушенным звяканьем, считавшемся в этом мире деловой беседой. Мимо меня очень целеустремленно и важно прошествовали семь персонажей, последний из которых держал в руках странное приспособление, очень смутно напоминающее кег для пива. В моей голове пронеслись возможные варианты занятости нанятых работяг, и, не сдержавшись, я негромко рассмеялся. Я бы не отказался побухать за вознаграждение, решил я и резко замолчал, осознав, что натворил. Мой смех раскатисто пронесся по каменным ступенькам и отразившись от высоких чердачных стен, рухнул обратно, зазвучав за моей спиной. Работяги, казалось, не расслышали столь очевидного аудио сопровождения и все так же по-деловому принялись шуршать и звенеть уже на чердаке. Я, погасив тревогу, неслышно поднялся следом и в замешательстве замер, пытаюсь здраво осознать увиденное. Мои недавние ироничные предположения мало отличались от того, чему я стал свидетелем. Безглазые шлепающие уродцы, дружески рассевшись в тесный кружок, водрузили в его центр принесенный кег и вооружились полупрозрачными трубками, приделанными к его горловине. Теперь их рабочая деятельность напомнила мне курение кальяна, и тоже не возродила в душе особого пиетета. Уродцы, мерно покачиваясь, загружались дрянью из принесенного баллона и явно ощущали себя неоправданно счастливыми. Когда содержимое баллона опустело на треть, один из сидящих неожиданно оторвался от увлекательного занятия и уставился в пространство. Остальные, почуяв тревогу, последовали его примеру и некоторое время настороженно прислушивались.

Внезапно их уютную тишину разорвал металлический лязг, в тишине башни показавшейся мне наиболее оглушительным. В его переливах я отчетливо различил предупреждение, и оно по своему смысловому наполнению не несло мне ничего хорошего.

«Чужак,» — расслышал я и интуитивно попятился. Видимо остальные расслышали тоже самое, поскольку бодро поднялись на ноги и решительно направились в мою сторону. Моя занимаемая позиция была крайне невыгодна, мне пришлось сделать несколько неловких движений, прежде чем передо мной открылась дорога на лестницу. Я прыгнул на целый

пролет ниже, и не удержавшись, скатился на пол, давая своим преследователям солидное преимущество. Тот, который заметил мое присутствие, ловко прыгнул на меня сверху, придавливая мою худую тушку к бетонному полу, а остальные навалились поверх него, лишая меня последних шансов.

Глава 18.

Уродцы ловко скрутили меня, не прилагая к процессу значительных усилий и торжественно потащили вниз, к выходу. Как выяснилось, башня имела множество пристроек, расположенных за ее внушительным главным корпусом. Все они причудливо изгибались, со стороны напоминая замысловатые лабиринты, оснащенные едва заметными дверцами. К одной из таких дверей шлепающая и звенящая толпа притащила меня, весьма бесцеремонно столкнув на землю у самого порога. После чего важно удалилась, оставив добычу самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. Я не спеша поднялся на ноги, тщательно отряхнулся и, не желая дальше испытывать на прочность свою удачу, рванул вдоль невысоких строений. На моем пути не встретилось никого, кто мог бы зафиксировать мое пребывание на частной территории и сдать меня властям. Успешно миновав извилистые стены, я очутился на знакомом пустыре, подивившись странному ландшафту потустороннего города. Мои приключения заняли собой весь остаток светового дня, и им на смену пришла новая задача — как мне обустроить ночлег. Ночевка на улицах или в парках могла обернуться для меня очередным арестом, и кто знает, насколько догадливыми окажутся безглазые недоумки в следующий раз. Я попытался отыскать тот самый подвал, где мы провели с Гошкой свою первую совместную ночь, но всякий раз натыкался на совершенно гладкие стены разноцветных зданий. Наконец, растратив последние усилия и почувствовав необходимость их безотлагательного восстановления, я медленно опустился прямо на прогретый за день асфальт и тяжело вздохнул. Мое скоропалительное решение отыскать в потустороннем городе круглого типа и притянуть его к ответу за нарушение договоренности, мои попытки вернуть Гошке достойный облик и остановить пагубное нашествие безглазых теней одним взмахом руки, требовали переработок и дополнений. И с чего начинать вносить поправки, я решительно не знал. Мои скорбные стенания были прерваны знакомым шарканьем. Сейчас возможное randevu с потусторонней сущностью больше не рождало во мне душевного трепета и мистического ужаса. Я равнодушно покосился на невнятную тень, нависшую надо мной и мысленно усмехнулся пониманию, что в его отсутствующих глазах выгляжу почти так же. Тень потопталась в шаговой доступности и медленно опустилась рядом, очевидно разглядев во мне достойного собеседника.

«Пустая затея, пареньь,» — продребезжало существо, и я в замешательстве обернулся. Рядом со мной сидело нечто, обладающее все теми же техническими характеристиками, но давно перешагнувшее пенсионный возраст. Сутулые плечи моего потустороннего соседа, а также дрожащие кисти сморщенных рук выдавали старческую немощь и бессилие. Я, прикинув шансы, решил поддержать разговор, тем более, мне нужно было с чего-то начинать мои потусторонние проекты.

«О чем вы говорите?» — уточнил я и едва сдержал смех, припомнив, в какой суеверной панике металась мы с Гошкой по стройным аллеям при виде безглазых уродов в свой предыдущий визит.

Существо покачало идеально скрюченной ровной рожой и проскрипело, вкладывая в повествование всю несуществующую душу.

«Ты тут новый, пареньь, закону и порядку не обучен. Каждый вновь прибывший повинен

принять вакацию, исполнять коею следует с особым тщанием и пиететом! После чего прибывшему даруют кров и преференции.»

Высказавшись, существо замолчало и горделиво развернуло ко мне гладкую рожу, отслеживая произведенное впечатление. Я ни слова не понял из проникновенного выступления и наудачу поинтересовался, где в этом месте можно переночевать, не имея пока таинственной вакации, чем бы она ни была. Старец оживился и, приподнявшись на негнущихся ногах, торжественно представился:

«А я, парень, нынче смотрителем стал, высшая вакация, не считая исполнителей. Но теми стать никак невозможно по причине редкой их образованности!»

Поскольку из заявленного ничего не отвечало на мой вполне конкретно заданный вопрос, я потерял к собеседнику интерес и решил покинуть его общество. Стоило мне пройти с десятков шагов, как за моей спиной снова задрезало:

«А уж ежели тебе, парень, ночевать негде, пойдем, приют обеспечу!»

Старец вел меня унылыми тропами, попутно знакомя с целым перечнем правил проживания, в хитросплетениях которых я потерялся после первого пункта. Единственно, что я понял отчетливо, гораздо проще и выгоднее было бы оставаться по ту сторону реальности, ежедневно посещая скучные конторы и по выходным валяясь на диване. К моему немалому удивлению, разговорчивый дед привел меня к тем же лабиринтам, возле которых пару часов назад сгрузили меня туповатые местные. Остановившись возле одной из неприметных дверей, мой провожатый гостеприимно распахнул передо мной скрипучую створку и пригласил войти. Вместо ожидаемых комнат и коридоров, на меня пахнуло неземным холодом и, напрягая зрение, я рассмотрел в сумраке длинную извилистую лестницу, тянущуюся к потолку. Снаружи высота пристройки виделась незначительной, приземистой и крайне тесной, но так виделось только снаружи. Лестница, по которой я шел, казалась мне бесконечной, а на мои уточнения о конечной точке маршрута старое чудовище только вздыхало и принималось дребезжать что-то в высшей степени непонятное. Когда лестница, наконец, закончилась, я увидел перед собой еще одну дверь.

«Спасибо, Франц, можете идти!» — донесся из-за двери знакомый голос, и мой провожатый резво потрусил обратно. Я собрался последовать его примеру, но тут прямо передо мной возник обитатель очередного помещения, и коротко засмеявшись, пригласил меня входить и не стесняться.

«Вот уж никак не ожидал встретить тебя в этом Богом забытом месте, — гостеприимно пробормотал ведущий психиатр поликлиники Матвей, выглядевший в призрачном мире вполне осязаемо и обычно. — ну ты дал, приятель! Заставляешь заслуженных и знаменитых гоняться за тобой по всему городу! Где же твое хваленое воспитание, а, господин Грошик?»

«Ты говоришь о смотрителе?» — ляпнул я первое, что пришло в голову, от внезапности встречи растеряв все подходящие случаю слова.

Матвей весело рассмеялся, будто я озвучил что-то в высшей степени юмористичное и звонко хлопнул себя по коленям.

«Я вижу ты уже познакомился с этим старым дятлом, — радостно резюмировал мой недавний коллега, — и он уже наплел тебе о табели о рангах. Несносный тип, этот Франц. Он покинул грешный мир два столетия назад и с тех пор никак не может выйти из образа нудного коллежского асессора, или кем он был там, пару веков назад?»

Матвей откровенно веселился, наблюдая, как вытягивается мое лицо. В хорошем значении этого понятия, разумеется. По моим скромным подсчетам, ведущий психиатр

явился за грань пару дней назад и не мог настолько осведомленно вещать мне о старожилках призрачного города. Так же обитатель тесной каморки не выглядел растерянным, подавленным, испуганным, словом, в его облике ничего не отражало ожидаемую реакцию на столь стремительные перемены. У меня даже мелькнула мысль, что мой бывший коллега еще не до конца осознал, что больше не является представителем мира живых. Тот, тем временем, бодро суетился в полумраке, демонстрируя мне яркие стороны гостеприимства.

«Располагайся, Гурий! — бормотал он, не переставая счастливо улыбаться, — это не пятизвездочный отель, но все же лучше открытого неба и асфальта!»

Я в замешательстве топтался на пороге, оглядывая мое новое жилище. Оно до отвращения напомнило мне комнатку в студенческой общаге, где я жил во время учебы, а мое вынужденное соседство только подтверждало пугающее сходство. Тогда, в земной настоящей жизни, Матвей так же маячил перед глазами, стараясь быть полезным. Несмотря на его бесчисленные напоминания об искреннем нежелании казаться навязчивым, Матвей был везде. Стоило мне на минуту отлучиться из вонючей кельи покурить, пожрать, прогуляться по улице, посетить сортир, Матвей тут же оказывался рядом. Правда, со временем его болезненная общительность плавно сошла на нет, а после окончания университета исчезла вовсе. Наши встречи, большей частью, ограничивались профессиональными вопросами и производственной необходимостью. Свидание с Матвеем после земного бытия вернуло меня в студенческие годы и много радости не принесло. Однако выбирать не приходилось, и я нерешительно протиснулся в тесную комнату, очевидно ставшую для меня посмертной обителью.

Мой новый сосед долго и со вкусом перечислял все то, что и без него было мне хорошо знакомо. Главной темой его восторженных бесед на протяжении первых полутора суток оставались безглазые обитатели потустороннего города. Мой коллега с таким восторгом предавался анализу поведения и социальной адаптации штопаных уродов, что уже через пару часов его лекций я пришел к выводу, что бывших психиатров не бывает.

«Матвей, — осторожно вклинился я в его речевые потоки, нащупывая почву, — как думаешь, что за странные шрамы покрывают их рожи и в целом, почему бы им не оставаться с привычной земной внешностью?»

Про то мне было уже известно от невнятного круглого типа, чьими стараниями я теперь делил каморку с Матвеем. Мне было любопытно узнать, насколько мой разговорчивый сосед осведомлен о законах потустороннего мира. Мой невинный вопрос вызвал на все еще обычной роже психиатра замешательство.

«Ну, возможно, эти шрамы были получены ими при жизни, — неуверенно затянул Матвей, в явном замешательстве оглядывая мою напрягшуюся тушку, — не знаю, Гурий, не думал об этом. Правда Франц упоминал мне что-то о неизбежном преображении, но я не сильно вдавался. А ведь и правда, за все то время, что торчу здесь, я ни разу еще не встречал обычных, стандартных граждан. Это странно, Гурий и вот теперь мне интересно тоже. Ты всегда считался наблюдательным.»

После этого Матвей затих, и до самой темноты не издавал ни звука, то и дело бросая на меня настороженные взгляды. Когда в каморке окончательно стемнело, Матвей вернул себе облик гостеприимного хозяина и предложил готовиться ко сну.

«Обычно, перед тем как лечь спать, — принялся он делиться сокровенным, — я навещался на кухню. Моя жена буквально била меня по рукам и прогоняла обратно, заявляя, что так я испорчу фигуру. Она была сторонницей здорового образа собственной

жизни и здорово портила мою, навязывая глупые советы. Гурий, вот теперь я навсегда избавлен от этой бесполезной необходимости. Мой аппетит пропал, но это и не удивительно!»

Высказавшись, Матвей со скрипом улегся на железную панцирную койку и показательно захрапел. Я, в отличие от бунтаря-психиатра, аппетит не терял и прямо сейчас готов был сожрать его самого, насколько я был голоден. Возможно, мое не до конца мертвое состояние играло со мной злую шутку, а возможно, зануда Матвей просто набивал себе цену. Проворочавшись на неудобной койке неясное количество времени, я понемногу погружался в некое подобие полудремы, когда до моего слуха донеслось характерное поскрипывание. Сначала я решил, что штопанные оборванцы решили нанести нам визит среди ночи, но прислушавшись, понял, что звуки издает панцирная Матвеева кровать. Мой сосед осторожно поднялся со своего ложа и устремился к окну. Все его движения были выверенными, четкими, будто вызванными сторонней необходимостью. Не было похоже, чтобы коллега маялся бессонницей или страдал лунатизмом. Матвей остановился возле подоконника и, распрямившись, уставился в крошечную темноту. Он стоял неподвижно, а я неожиданно подумал, что горящая свеча органично завершила бы очевидный образ дворцового Берримора. Матвей обошелся без горячей свечи. Постояв так длительное время, он так же уверенно двинулся обратно и снова улегся в койку.

Наутро он снова был занудным радостным Матвеем, спешащим начать новый день.

«Ну вот скажи мне, Гурий, — посмеивался он, — чем тут заниматься чертову прорву времени? Я деятельный человек и на праздное прозябание не способен!»

Смелые заявления Матвея немного расходились с фактами. Я еще неплохо помнил то время, когда мой студенческий сосед валялся целыми днями, изнывая от безделья, что, впрочем, продолжилось и после его безвременной кончины. Несколько дней подряд мы с Матвеем прилежно сидели в комнате, обсуждая текущий момент. Вообще-то я не слишком нуждался в подобных беседах, и скорее делал это для Матвея, который наконец-то осознал реальность.

«Вот удивительно, — размеренно повторял он, поглядывая на меня, — мне всегда казалось, что, покинув грешный мир, я окажусь в светящемся тоннеле, на выходе из которого меня встретят высокие фигуры в белых одеждах. Никак не думал, что вместо парящего полета, изображающего переход в иной мир, просто открою глаза в полутемной клетушке и стану любоваться на отвратительных уродов»

Нечто подобное мне уже озвучивал Гошка, не желая мириться с новыми веяниями. При мысли о приятеле, я не сдержал тягостного вздоха и, пробормотав слова участия и поддержки, направился к двери. Мне необходимо было отыскать те лаборатории, в которые приводил меня круглый тип, а также и самого круглого типа, однако эгоистичный психиатр, заметив мои движения, тут же загундосил.

«Но это же все как-то неправильно, Гурий. Я много читал статей и хорошо знаю, что...»

Далее последовала еще одна нудная лекция, на время отодвинувшая мои планы. Я терпеливо выслушал коллегу и, не находя более поддерживающих слов, решительно распахнул дверь. Лестница, ведущая к выходу, выглядела вполне обычной, целой и крепкой. Однако, когда я шагнул на первую ступеньку, мне почудилось, что она завибрировала и немного просела под моим весом. Возможно, это сказывалось не в меру разыгравшееся воображение. Я в замешательстве обернулся и поймал на себе совершенно отрешенный взгляд моего излишне разговорчивого приятеля. Матвей неподвижно застыл в проеме двери

и внимательно наблюдал за мной, все еще не решаясь составить мне компанию. От его присутствия мне стало откровенно не по себе, и я, наплевав на осторожность, рванул вниз, перепрыгивая ступеньки. Преодолев большую часть лестницы, я был уверен, что от выхода меня отделяет пара пролетов, однако сколько бы я не спускался, лестница послушно тянулась передо мной, добавляя ступеней и вгоняя меня в панику.

Глава 19.

«Чертова подсобка! — моталась в голове нецензурная мысль, — с виду собачья конура, как вообще в нее можно впихнуть такую прорву ступенек!»

Наконец, признав бесплодность идеи покинуть свою ночлежку, я остановился и устало привалился к стене. Мне все еще хотелось есть, от нехватки энергии перед глазами мелькали тени, а ноги отказывались выполнять привычные функции. Я решил подняться обратно, впрочем, больше не особенно надеясь на счастливое завершение проекта. Оказаться перед знакомой дверью у меня вышло гораздо быстрее, чем от нее свалить. Прошагав с десятков степеней, я уже распахивал непрочную створку, устало вваливаясь внутрь.

«О, нагулялся?» — поприветствовал меня Матвей, радушно улыбаясь. Вообще-то его улыбки здорово смахивали на шакалий оскал, но так было всегда и тревоги не вызывало.

Я не пожелал раскрывать ему секреты моих прогулок, вместо этого предложил где-нибудь подхарчиться.

«Ты чего, приятель? — весьма натурально удивился он, — вся прелесть нашего нынешнего существования в том, что теперь не нужно тратиться на харчи. Ну, мне во всяком случае так кажется. Чудесное чувство свободы, Гурий. Помнишь, как в универе я вечно таскался в ларек за шавермой? Мне казалось, что тетка в том ларьке просто не успевает ее готовить, чтобы подстроиться под мой неумный аппетит!»

Матвей радостно заржал, находя свой непрерывный земной жарч невероятным милительным. Слушая ностальгические потуги бывшего сокурсника, я приходил к пониманию, что бестолку теряю время. Я не для того полз по ледяному нутру подземки, чтобы сейчас предаваться щемящим воспоминаниям, не имеющим ко мне никакого отношения.

«Пойдем прогуляемся, Матвей, — решил схитрить я, — развеемся, поглядим на местных красоток.»

При жизни Матвей был невероятно застенчив в отношении со слабым полом, и не обладая яркими данными, вечно подбивал меня на всякие уловки. Однажды ему удалось подцепить себе одну девицу, которая, вцепившись в него уверенной хваткой, навсегда отрезала ему пути к прекрасному и удивительному. Я рассчитывал, что любвеобильный недотепа, обретя свободу, не откажется от возможности развеяться. Матвей глухо усмехнулся и пожал плечами.

«Я видел местных барышень, и вряд ли я сейчас смогу отличить их от представителей сильного пола. Гурий, они все на одно лицо, неужели не заметил?»

Уловка не сработала, и я, подключив фантазию, принялся искать новые способы сбежать из чертовой каморки. Упрямое нежелание Матвея покидать ее стены наводило на разные размышления, от самых простых — психиатр опасался встречи с безглазыми уродами, до совсем неправдоподобных и пугающих — мой коллега не имеет на то возможности. Последнее предположение казалось наиболее разумным, учитывая мои собственные попытки.

Однако все в поведении и настроении Матвея говорило за то, что последнее

обстоятельство мало его тревожит. Он оставался таким же разговорчивым и невозмутимым, как и в нашу первую потустороннюю встречу. По ночам он так же зависал возле окна, вглядываясь во тьму, а днем строил из себя доброго приятеля, во всем стараясь мне угодить. Во всем, кроме моих просьб оставить эти чертовы стены хотя бы на некоторое время. Матвею почему-то было необходимо мое присутствие в камерке, и он уже не скрывал этого странного желания.

«Ну скажи, чего ты забыл среди этого сброда? — добродушно повторял он, дружески укладывая на мое плечо раскрытую ладонь, — грязные вонючие уродцы!»

Больше никаких аргументов в защиту моего затворничества не звучало, а те, что становились достоянием гласности, рождали во мне глухое раздражение. Перспектива провести вечность в компании занудного Матвея вынуждала меня принимать решительные меры, однако до них дело так и не дошло, поскольку объект моего оправданного гнева однажды утром исчез, без затей растворившись во времени и пространстве.

Глава 20.

Гошка, просидев в чужой квартире до самой темноты и так и не дождавшись ее призрачного хозяина, ощутил нарастающее беспокойство. Не то, чтобы он так сильно переживал за безопасность своего ученого соседа, учитывая его и без того весьма специфическое состояние, просто Гурий был единственным в этом мире человеком, с кем общительный Волков мог вести душевные беседы. Гошка некоторое время покружился по опустевшим комнатам, придумывая себе занятия, и, посетовав на свою ограниченную фантазию, направился в свою прежнюю контору. Там, во всяком случае, он мог видеть живых людей, слушать их разговоры и ощущать себя обычным.

В конторе по грузовым перевозкам за неполный месяц Гошкиного отсутствия произошли едва уловимые изменения. Суровая тетка-администратор, оформляющая командировки, выглядела отрешенно и больше не орала на водителей, срывая глотку. Да и сами водители вызвали у Гошки много вопросов. За неполную неделю работы в конторе, Гошка не успел познакомиться с каждым лично, но большинство сотрудников запомнил в лицо. Сейчас из пятнадцати суровых мужиков знакомыми Гошке показались всего трое, остальных он видел впервые. Все они отличались весьма уверенным видом и совершенным отсутствием любой мысли на стандартных незапоминающихся физиономиях. Гошка покрутился среди неторопливых работяг и снова проскользнул в кабинет к администратору. Тетка любила почесать языком и частенько приглашала в свой кабинет коллегу, выполняющую в конторе неясные функции. Сейчас между ними шел весьма оживленный диалог, из которого любопытный Гошка узнал, что мужики, толпящиеся во дворе, не чета тем, кто трудился тут раньше.

«Они хоть и пьяницы были, да все заказы в срок исполняли и товар не теряли, — охала тетка, обращаясь к собеседнице, — а эти охламоны то адреса перепутают, то груз испортят. Как будто нарочно. Штрафы замучались выплачивать, ну а что делать? Выгоню этих, так на их место придут еще дурее»

На весьма заинтересованный вопрос о месте пребывания прежних сотрудников, тетка только вздохнула.

«А вот кто их знает. Как-то утром сразу пятеро не явились без предупреждения. Даже за расчетными не пришли. Просто сбежали. А после остальные возвращаться не желали. И все без выходного пособия. Да и то, вон пишут, в городах люди пропадают, прямо эпидемия!»

Гошка, прислушиваясь к эмоциональной бывшей начальнице, машинально вытащил из кармана полуразрядившийся телефон и с изумлением прочитал, что случаи пропажи населения приобрели поистине угрожающие масштабы. Теперь ежедневно пропадали по сотне граждан почти в каждом городе и найти грамотного объяснения событию не могли ни власти, ни ученые, ни силовые структуры. Покрутившись по двору и послушав местные новости, Гошка снова почувствовал необходимость поделиться тревогами с доктором Гурием, которого он не видел почти сутки. Волков попытался проанализировать ситуацию, используя приемы доктора Грошика, однако все, что мог исторгнуть его незамысловатый разум, сводилось к прямой зависимости появления безглазых теней и исчезновения обычных граждан. Но об этом ему уже говорил доктор Гурий, поэтому собственные выводы были признаны Гошкой несостоятельными.

Волков бесцельно побродил по улицам и проспектам, ломая глаза и отыскивая призрачные субстанции. Но то ли сезон охоты окончился, то ли сообщение между мирами было временно приостановлено, но за целую неделю Гошка не обнаружил ни одного прозрачного безглазого уродца.

Его визиты в контору были единственным развлечением, которое мог позволить себе невидимый дальнбойщик. Во-первых, потому что другие предприятия интереса у него не вызвали, а навещать родных и друзей желания не возникало. Его следующий визит в грузоперевозки разнообразился любопытным событием. Возле дверей офиса толпились водители, своей численностью превышающие штатный лимит. Растерянная администратор только взмахивала руками, пытаясь купировать назревающий бунт.

«Машины простаивают, как я должна деньги отбивать? — привычно вопила она, обращаясь к гомонящей толпе, — а вы обязаны были поставить меня в известность, господа водители!»

Гошка протолкался поближе и с изумлением увидел среди толпы знакомые рожи. Весь действующий состав работяг сейчас громко возмущался несправедливостью мира и грозился набить морду конкурирующей братии, тоже вскрикивающей что-то в высшей степени нецензурное. Как понял из всего этого растерявшийся Гошка, водители чудесным образом решили возобновить деятельность, невзирая на недельные прогулы. Их речи звучали убедительно, однако Гошку не покидала мысль, что во всем этом отчетливо прослеживалось что-то ненастоящее. Так, как будто бы Волков присутствовал на репетиции постановочного бунта, насколько нехарактерно звучали обычные фразы. Необразованный Волков не мог сказать, что именно насторожило его в этом фарсе, но то, что это был именно фарс, сомнений не вызывало.

Гошка не был психологом, аналитиком, да и просто наблюдательным его назвать было сложно, поэтому любое отклонение от нормы рождало в нем настороженность, соседствующую с первобытным страхом. Гошке настоятельно требовался доктор Гурий. Волков с трудом мог представить, что непоседливый доктор вторую неделю пугает своим призрачным видом пациентов поликлиники, но других идей у Гошки не возникло, и он направился туда.

Гурий на территории клиники отсутствовал, о чем сказал везунчику-дальнбойщику тщательный чес по всем этажам и кабинетам. Утомившись поисками, Гошка спустился к кабинету терапевта и смело просочился внутрь, надеясь разузнать что-нибудь полезное. В кресле Маргариты Антоновны сидела подруга доктора Гурия, Ульяна, которая так трогательно оповещала стены в квартире своего любимого о переменах в своей жизни.

Гошка отчаянно пожалел о своих новых сверх способностях, не позволяющих завести непринужденную беседу ни с кем, кроме пропавшего доктора. Девушка не выглядела расстроенной, подавленной и в целом демонстрировала миру весьма равнодушное выражение милостивого личика. Гошка при жизни считался тонким ценителем женской красоты, в деталях замечая особенности внешности, поэтому сейчас немного удивился непохожести нынешней Ульяны на ту, которую видел месяцем раньше. Ее лицо оставалось правильным, рельефным, но пугающе напомнило впечатлительному Гошке красиво выполненную маску. От тягостных наблюдений Гошку отвлек шум у двери.

«Уленька, — раздался знакомый голос медсестры Маргариты, — ну вот и хорошо, что ты вернулась, милая. Главный не стал поднимать скандал, учитывая твою трагедию и внутренний разлад. Но впредь, красавица, хотя бы звони, прежде чем исчезнуть на целую неделю!»

Уленька медленно повернула голову в сторону собеседницы и кивнула, решив больше никак не реагировать на чрезмерно слезливое приветствие.

«Я вернулась, да, давайте работать, Маргарита Антоновна,» — механически произнесла она и принялась разбирать бумаги.

Маргарита Антоновна снова сочувственно кивнула и осторожно поинтересовалась, не проявляет ли себя доктор Гурий как-нибудь еще. Ульяна вопросительно уставилась на Маргариту, и на ее лице отобразилась работа мысли. Гошка мог бы поклясться, что милая Уленька отчаянно пытается вспомнить доктора Гурия, который мог бы как-нибудь себя проявить. Не придя к очевидному заключению, Ульяна неопределенно улыбнулась и уточнила:

«Доктор Гурий? Не поняла, о ком вы говорите, Маргарита Антоновна.»

Гошка только хмыкнул в ответ на столь сырую игру и весело заржал.

«Подумать только, «мне очень тебя не хватает, любимый!», — не стесняясь, продекламировал он, — стоило кривляться!»

После чего, почувствовав неожиданную симпатию к доктору, замешанную на несправедливом забвении, шумно выскользнул из кабинета.

«Вот интересно, — думал Гошка, все еще придерживая в памяти недавнюю сцену, — насколько хватило бы моей бывшей, если бы наши с ней отношения дотянулись бы до прошлого месяца?»

И мысленно порадовавшись, что особо грустить и жалеть о нем некому, Гошка отправился к дому своей бабки, ныне тоже покойной. Возможно этот порыв был вызван неосознанным желанием быть необходимым, но Гошка не был психологом, поэтому об этом не знал. В бабкиной квартире проживала его мать, отношения с которой никак не хотели налаживаться, начиная с Гошкиного трехлетнего возраста.

Матушка проживала ныне одна, растеряв всех своих бесчисленных кавалеров по причине чрезмерно обидчивого характера, и поэтому Гошка был немало удивлен, когда, протиснувшись в прихожую, услышал негромкие голоса. Один голос был узнаваем и принадлежал его ветреной родительнице, а второй, густой и грубый, Гошка слышал впервые.

«Думаю, что именно сейчас, дорогая, когда в мире творится черт знает, что, этот участок необходимо продать, — вещал огромного строения нескладный мужик, занявший своей фигурой две трети свободного пространства кухни, — у нас с тобой, к сожалению, некому передать по наследству этот клочок земли, но согласись, мотаться раз в два месяца на край света, чтобы проверить целостность пустых стен, с моей точки зрения,

экономически невыгодно!»

Матушка только вздохнула и на удивление покладисто возразила:

«В том, что этот, как ты говоришь, клочок, нам некому передать, целиком твоя заслуга, дорогой! Я никогда не отказывалась от возможности, но твое нежелание слушать вечный писк, визг и вытирать сопли мелочевке, навсегда поставило крест на моих мечтах. Но ты прав, дом нужно продать.»

Гошка незаметно ущипнул себя за руку и взвизгнул от боли. Сцена, развернувшаяся перед ним, не была продуктом его воображения, не виделась ему во сне, его мать выглядела обычной, самой настоящей, незнакомый мужик выглядел пугающе, но тоже сомнений не вызывал. Однако у Гошкиной матери никогда не было ничего, кроме долгов, а про недвижимость она могла только мечтать. Но, возможно, за последние полгода, что он не общался с родительницей, в ее жизни много изменилось. И даже возник явно законный муж, не позволяющей ей на склоне лет обзаводиться потомством. Пара еще немного пообсуждала экономические вопросы семьи и перешла к другим новостям. С момента Гошкиной смерти не прошло и тридцати дней, и Волков ожидал, что убитая горем мать все же упомянет эту сторону своей никчемной жизни. Однако их диалоги весело крутились вокруг какой-то отложенной поездки, в перерывах между обсуждением бронирования номеров, разбавляемых информацией о неаккуратных партнерах по бизнесу.

«Да что это с ними? — с досадой воскликнул Гошка, — похоже, только шкафоподобная тетя Надя способна выражать грусть по племяннику, динамично обчищая при этом его небогатое жилище. Но это все же лучше, чем ничего!»

Показательно утянув с тумбочки навороченный телефон своего новоиспеченного отчима, Гошка двинулся на лестницу, мысленно посылая в адрес мамыши отборные нецензурные пожелания.

В парадном на Гошку налетел какой-то чрезмерно деловой тип, фонтанирующий по телефону разными экономическими терминами — маржа, инвестиционный капитал, сроки реализации и финансовое удержание, — сыпалось на Волкова звенящим потоком. Это были некоторые понятия, знакомые дальнбойщику из новостей и частных разговоров, все остальные понятия были умело вплетены в контекст необычайно важного разговора. Гошка отлетел к стене, и в изумлении уставился на экономически подкованного гражданина, в котором узнал местного маргинала, некогда окончившего гуманитарный ВУЗ. Последний раз Гошка видел его непрезентабельную тушку возле популярного торгового центра, где гуманитарий собирал на билет до далекой провинции, обходя с шапкой питерцев и гостей города.

«Чудны дела твои, Господи,» — пробормотал Волков, тоже вытаскивая приобретенный телефон и привычно открывая новостную ленту. Новости все еще не радовали отсутствием сообщений о новых пропажах, а те, что случались с завидной периодичностью, до сих пор оставались загадкой для науки. В одном из источников Гошка отыскал строчку о возвращении пары граждан после почти двухнедельного отсутствия. Как заявляли их близкие, возвращенцы выглядели растерянно, своих не узнавали и постоянно твердили о вещах, с которыми раньше не сталкивались. Так, один из вернувшихся, будучи преподавателем в одном из колледжей, упрямо заявлял, что ему необходимо завершить какие-то сделки, говорил о поставках медоборудования и в целом выглядел странно. Специалисты, к которым родные запихали упрямого «бизнесмена», склонялись к мысли, что несчастный подвергся медицинским вмешательствам, отсюда и навязчивое упоминание об

оборудовании. Преподаватель отправлен на лечение в диспансер, ученые по-прежнему в замешательстве.

Скептически настроенный Волков новостям о возвращенцах не поверил, предположив, что препод попросту загулял, а перед обеспокоенными близкими валяет дурака. Гошка не привык глубоко проникаться научными идеями, стремительно избавляясь от их навязчивого присутствия, если они не имеют к нему прямого отношения. Однако следующей ночью, валяясь без сна на голом полу в квартире доктора, Гошка настойчиво перемалывал события прошлого дня, выстраивающиеся в стройную цепочку, пугающую и настораживающую. Свара среди водителей в конторе, не в меру отрешенная Уленька, матушка-домовладелица, и в завершение стройного ряда, гуманитарий-экономист, грамотно жонглирующий всякими терминами. Плюс новости с похожим сюжетом наводили Волкова на совсем уже нехорошие размышления. Призрачные уродцы, перемещаясь среди толпы, каким-то образом воздействовали на людское сознание, это было первой и пока единственной мыслью, возникшей в пылающих призрачных мозгах дальнбойщика. Мысль была жиденская и основы под собой не имела.

«Где этот чертов Гурий, когда он так нужен? — воскликнул, не сдержавшись, Гошка, и снова его обожгло нехарактерной жалостью к исчезнувшему доктору.

«Я же так ничего и не узнал про него, — с сожалением подумал Гошка, вглядываясь в темнеющий потолок, — при всей своей занудной высокомерности, Гурий неплохой мужик, щедрый и добрый. Надо бы его отыскать...»

После чего Волков погрузился в беспокойный сон, наполненный кошмарами.

Наутро Гошка снова отправился в поликлинику. Пока он накануне размышлял о докторе Грошике и его роли в мировой истории, в голову пришла простенькая, но настойчивая идея, воплощать которую Волков решил с наступлением нового дня.

Глава 21.

Смело просочившись на территорию районного заведения, Гошка подивился непривычной тишине и размеренности, царившей в его стенах. По лестнице стекали неторопливые посетители, нехотя обводя пустым взглядом все вокруг. Гошка снова вспомнил наблюдения доктора Грошика и не сдержал тяжелого вздоха. Уж Гурий наверняка бы сделал из всего этого какие-нибудь правильные выводы. В кабинет к терапевту привычно толпилась очередь, однако не выражала обычного нетерпения, равнодушно разглядывая стены. Гошка вломился в кабинет без очереди и демонстративно выложил перед отрешенной Ульяной тот самый браслет, который она оставила Гурию на память о себе. Гошкина идея заключалась в вызове эмоций на лице забывчивой Уленьки, однако медсестра только удивленно повернула голову, утыкаясь взглядом в появившееся из ниоткуда украшение.

«Маргарита Антоновна, — не меняя интонации проговорила она, — тут пациентка бижутерию забыла. Надо бы вернуть.»

Гошка во все глаза пялился на непредсказуемую реакцию, и в его призрачной душе закипал гнев. Он, гнев, забурлил еще веселей, когда на пороге кабинета возник молодой парень, одних лет с доктором Гурием и, приветливо поздоровавшись с Маргаритой, обернулся к Ульяне.

«Приветствую, милая, — улыбнулся он и протянул просиявшей барышне какую-то бумагу, — сегодня как обычно, да? Я сегодня до восьми, жду у входа.»

Ульяна тоже улыбнулась и даже немного ожила, проделав невероятно длинный путь к подоконнику. Там, покопавшись в сумке, она уже более оживленно присела в рабочее кресло

и зарылась в принесенные парнем документы.

Гошка, не сумев выдержать подобного коварства, ловко опрокинул на пол кипу бумаг и отчетливо выругавшись, покинул изменницу.

Волков всегда считал себя суровым, brutальным мужиком, не способным на глубокие душевные переживания, однако прямо сейчас его душила обида за Гурия и злость на ветреную Ульяну, и что сделать с этими весьма сильными эмоциями, Гошка не знал. Он несся по проспектам и улицам, не обращая внимания на то, что твориться вокруг. А обратить на это внимание ему бы не помешало. Потому что мимо него беззвучно проплывали знакомые уже тени, причудливо рассредоточиваясь среди обывателей. Безглазые уродцы кружились возле ничего не подозревающих граждан и так же, как и во все предыдущие разы, бесшумно растворялись в воздухе. Гошке не было знакомо понятие наблюдение и анализа, а также создатель не наградил его элементарной внимательностью, поэтому интересное зрелище осталось не охваченным. Когда эмоции немного поутихли, Волков обнаружил себя возле знакомого дома, где жил его интернатский приятель. Тот не был другом незаметному Гошке в период детских лет, однако после выпуска их частенько сталкивала судьба, и они понемногу нашли общий язык. Волков некоторое время постоял в раздумьях, взвешивая необходимость визита, но в конце концов, махнул рукой на политесы и вошел в парадное.

«Все равно Тарас даже и не догадается о моем присутствии,» — с долей некоторого сожаления пробормотал Гошка себе под нос и уверенно нажал на звонок. Они виделись с Тарасом в начале прошлого месяца, когда Гошка еще находился на вольных хлебах и обращался к любому, кто мог бы ему помочь с работой. Тарас после интерната высоко не поднялся, так же перебиваясь случайными заработками, жил один и постепенно втягивался в мир алкоголиков и тунеядцев. Однако тип, появившейся на пороге прямо сейчас, мало напоминал того Тараса, к которому привык Волков. В целом это был он, в том Гошка поклялся бы на последнем пятаке, та же фигура, лицо, голос, но все же это был не Тарас. Бывший воспитанник был облачен в длинный пафосный халат и был на удивление тщательно выбрит. К тому же в его манере излагать мысли виделась Гошке некая гротесковость.

«Кого судьба послала мне на мой порог? Что надобно слепому случаю от скромного его слуги?» — провозгласил некогда маргинальный Тарас, пару месяцев назад с трудом выражавший нехитрую просьбу продать ему пачку сигарет. Гошка в смятении попятился и, не дожидаясь следующей рулады, со всех ног рванул на улицу. Все, с кем сводил Гошку тот самый случай всю последнюю неделю, вызывали у Волкова много вопросов. Все эти люди были ему хорошо знакомы, но тем не менее были не они. Совсем не они. Перед Волковым возникали другие граждане, обладающие внешностью тех, кого Гошка хорошо знал, да и с этим растерявшийся дальнбойщик готов был поспорить. «Как они все могли так измениться? — думал Гошка, устало облачиваясь на прохладную стену дома, — не может быть, чтобы они вот так вот взяли и разыграли меня, нет, этого не может быть.»

От долгих непривычных раздумий заболела голова, требуя передышки. Гошка, в который раз вспомнил доктора Грошика и устало побрел к метро, не в состоянии добираться до докторской квартиры на своих двоих.

Глава 22.

«Скучал?» — заботливо оповестил о своем прибытии мой занудный сосед. Я дорого бы дал, чтобы навсегда избавиться от Матвея, однако все известные способы были мне недоступны, а идти на преступление я готов не был. К тому же это вряд ли бы решило проблему кардинально.

«Нет,» — честно ответил я и показательно замолчал, надеясь, что Матвей отлепится от меня до следующего утра. Надежды оправдались частично, поскольку не в меру оживленный психиатр продержался только до наступления темноты.

«А я гулял, — поделился он ценной информацией и замер, в ожидании моей реакции. — я мог бы пригласить тебя с собой, но ты слишком крепко спал, и я не стал тебя будить.»

Матвей, при всем своем многоречии, не умел врать, а уличать его в явных нестыковках мне было лень. Вместо следственных опытов я предложил ему прогуляться снова, пока я не заснул, на что Матвей раскатисто засмеялся и звонко хлопнул в ладоши.

«Завтра, дружище, все завтра,» — довольно пробормотал он и тяжело рухнул на неразобранную кровать. Я подождал, когда до меня донесется характерный храп, и резво рванул к двери, опасаясь новых фокусов. На этот раз мне легко удалось преодолеть все ступеньки и даже выскользнуть на улицу, сохранив при этом видимую целостность постройки. За время моего вынужденного затворничества город снова претерпел изменения теперь уже в ландшафтном отношении. Разноцветные скучные дома волшебным образом исчезли, сменившись приземистыми домиками, со всех сторон заросшими густыми деревьями. Возможно, я просто свернул не в ту сторону и оставил цветастые строения позади, но в первую минуту такая резкая смена пейзажей выглядела пугающе. Немного отдышавшись и погасив в себе радость от вновь обретенной свободы, я обратил свои мысли к насущному.

Лаборатории, куда приводил меня круглый тип, располагались в массивном внушительном здании, украшенном тяжелыми колоннами, однако ни в свой прошлый визит, ни неделю назад, ни прямо сейчас ничего не напоминало мне о присутствии в городе вообще каких-нибудь массивных сооружений. Не считая, разумеется, кирпичной башни, из которой я только что смылся. К тому же я отчаянно боялся опять попасться на прицел безглазым уродам, патрулирующих ночами бескрайнюю территорию.

«Придется искать наугад, — вздохнул я, оглядываясь по сторонам, — все мои ориентиры весьма ненадежны»

Видимо место, куда я попал, считалось тут пригородом, поскольку кроме живописной природы, меня окружала первозданная тишина. Никаких лязгающих и шлепающих звуков не нарушало безмолвие ночи, а только рождало леденящий страх. Все же это место немного отличалось от тех загородных поселений, где мне приходилось быть в той, живой и теплой, реальности. Я по наитию шагнул прямо к одному из домиков, почему-то ожидая расслышать скрип колодезного ворота, приглушенное рычание собаки, еще какие-нибудь звуки, но вспомнив, где нахожусь, только тяжело вздохнул. Все же эзотерики были в корне не правы, утверждая, что после смерти нас ждет райское спокойствие и безмятежность. Мое призрачное сердце, так некстати остановившееся месяц назад в другом мире, гулко

колотилось под горлом, добавляя моему разыгравшемуся воображению больше оттенков, а ноги сами волокли мою несопротивляющуюся тушку подальше от призрачных поселений.

Перемещаясь по извилистой грунтовке, я не раз ловил себя на мысли, что бродить по аллеям среди до отвращения одинаковых зданий было куда безопасней, и даже встреча с безглазыми не рождала столько ужаса, сколько жути нагоняла эта милая зеленая местность. Миновав большую часть призрачного поселения, я выхватил из непроглядной темноты неясные очертания чего-то огромного и монументального. Безлунная ночь мешала рассмотреть детали, однако я весьма четко различил огромные колонны, тянущиеся по обеим сторонам широкой лестницы. Возможно, я на правильном пути, мелькнула мысль, и я уверенно шагнул вперед, опережая догнавшее сомнение в правильности решения. Несмотря на свою призрачность, я был чужой в этом мире, мне не были знакомы законы потусторонней реальности, и что ждало меня под этими колоннами, я сказать не мог. Тот круглый тип, что являлся ко мне на прием, выглядел щедро и безбидно, просачиваясь в живой мир и играя там определенную роль. Каким мне предстанет старичок-лесовичок, будучи на своей территории, мне оставалось только догадываться. Тем более я не имел представления о рычагах управления этим типом, а рассчитывать на то, что на мою грозную просьбу прекратить командировать в наш мир призрачных уродов, тип легко взмахнет палочкой и закроет портал, не приходилось вовсе. Колонны, нависшие надо мной, были погружены во тьму, а лестница, ведущая наверх, крошилась от одного взгляда на нее. Я осторожно наступил на первую ступеньку, потом на вторую, потом более уверенно преодолел весь пролет и оказался на широкой открытой площадке, ведущей к невысокому постаменту, расположенному впереди. Мне ничего не напоминало о присутствии здесь обитателей призрачного царства, все было безмолвно и тихо, как это может быть только за гранью глубокой ночью. Сделав еще несколько шагов, я уперся во что-то очень массивное и жесткое, изрядно ободрившее мои призрачные ноги. Присмотревшись, я различил неясные очертания некоего предмета, выполненного из цельного куска камня и аккуратно обточенного со всех сторон. Неясное сооружение имело пару метров длины и напоминало каменное ложе, суровое и беспощадное. По трем сторонам от него располагались глухие стены, защищающие ложе от ветров и непогоды, если такая вообще случается в загробном мире. Не сумев рассмотреть ничего более занимательного, я развернулся и опрометью бросился обратно, не различая дороги. Мне почему-то отчетливо казалось, что мне в спину усмехается некое безглазое чудовище и требует моего немедленного возвращения. Промчавшись, не останавливаясь, больше километра, я наконец, притормозил и позволил себе осмотреться. Строение, которое я только что покинул, не могло быть таинственными лабораториями, но ужаса и страха оно внушало ничуть не меньше. О его практическом назначении я предпочитал не задумываться, однако мыслями раз за разом возвращался к пугающим колоннам и каменному ложу. «Что еще ожидает меня в этом мире? — думал я, едва держась на ногах, — и почему моя призрачная память до сих пор никак не оставит меня.»

Последнее обстоятельство здорово отвлекало, воскрешая перед глазами картины моего земного бытия. Я вспоминал Ульяну, Гошку, своих родителей и даже тетку Надю и отчаянно желал увидеть их снова.

Рассвет застал меня на одной из скамеек бесчисленных парков. При свете дня мне больше не казались пугающими мои ночные приключения и я, прибодрившись, решил снова наведаться к величественным колоннам. По моим внутренним ощущениям, мое

бегство заняло у меня не больше пары-тройки минут, однако, сколько бы я не кружился по территории, никаких колонн увидеть не смог. К моему несказанному удивлению, приземистые домики, через которые я брел добрую половину ночи, тоже куда-то исчезли, сменившись все теми же ненавистными разноцветными домами.

«Что за чертовщина твориться с этим местом? — забывая о приличиях и манерах, озвучил я наболевшее, — где я был прошлой ночью и как мне попасть туда при солнечном свете?»

«Тут всегда так, — неожиданно раздался рядом со мной скрипучий голос, показавшийся мне смутно знакомым, — неужели не заметил?»

На моей скамейке сидела девочка-собирательница и равнодушно пинала ногой обломанный сучок. В какой именно момент она решила составить мне компанию, я точно сказать не мог, но откровенно обрадовался ее появлению. С момента нашей последней встречи девушка мало изменилась, по-прежнему демонстрируя мне пугающе обвисшую кожу и некогда аккуратный рот.

«Ты кто такая?»- не слишком вежливо поинтересовался я, но девушка только хмыкнула и охотно представилась.

«Меня всегда называли змееныш, там, в том мире, — звеняще отозвалась она, — а так меня Аня зовут. Звали...»

Смешное прозвище вызвало в моей памяти нескладную девчушку, ворующую мои ручки и ластики, и я, не сдержав откровенного изумления, уточнил:

«А фамилия твоя Змеева, а еще ты училась в сто первой школе и была убежденной троечницей.»

Девушка звонко расхохоталась, вновь напомнив мне о ржавом ведре, и согласно кивнула.

«Я узнала тебя, Гурий, еще в тот раз, когда ты появился на пороге моего магазинчика. Ты вполне узнаваем, Грошик, к тому же твою неповторимую манеру выражать свои глубинные мысли не спутаешь ни с чем. Так расскажи мне, Грошик, как тебе удалось сохранить свою блистательную рожу в этом чудовищном месте так долго? Многие уже на третьи сутки начинают «плыть», хотя я знаю одного тут, который так же, как и ты, почти два месяца бродил по окрестностям, отрываясь от коллектива.»

Аня немного помолчала, скривив и без того несимпатичную физиономию в подобие улыбки и продолжила, добавив в голос максимум убежденности.

«А вообще, тут все неправильно, не по закону, — с апломбом заявила она, а я только хмыкнул. С ее первым постулатом я готов был согласиться и так, но вот то, что за гранью тоже следует придерживаться каких-то законов, стало для меня неприятным сюрпризом. Аня уловила мою реакцию и в нетерпении взмахнула руками.

«Представь, Грошик, тут тоже свои законы. Ну, возможно я не так выразилась. Можно назвать это правилами или чем угодно, вот только, когда сюда впервые попадает только что преставившийся гражданин, он некоторое время ходит со своей привычной рожой и даже иногда встречает своих знакомых, которых ненавидел при жизни. Эти встречи здорово поднимают настроение. Да вот только ты видел тут хоть одного с привычным лицом? Так было до начала прошлого года, хотя здесь никаких дат указывать не принято, я по привычке первое время считала дни, потом перестала. Так вот, знаешь, что я заметила? Последнее время новеньких появляется все больше, и это тоже неправильно. Таких миров, как этот, множество, здешние обитатели по старой памяти называют его городом, на самом деле это

как перевалочная база. Пробыв здесь какое-то время, обитатели получают возможность двигаться дальше. Я в этом не слишком понимаю, здесь нет источников информации, все приходится додумывать самим. Но с недавнего времени тут все поменялось. Вновь прибывшие покидают это место не дожидаясь очереди, а некоторым приходится торчать тут вечность. Грошик, — внезапно переключилась Аня на более актуальную тему, — как ты попал сюда?»

«Как же ты поняла, что они покидают эту, как ты говоришь, базу вне очереди? — проигнорировав ее интерес, тут же оживился я, — сама же говоришь, тут все на одно лицо»

Аня едва уловимо напряглась, почуяв подвох, но тут же махнув рукой, пробормотала:

«Я вообще, как бы не имею права распространяться об этих тонкостях, но ты мой старинный знакомый, да и вообще... Тот магазинчик, помнишь, ловушка, как ты правильно догадался. Это я отлавливала прибывших и отправляла их на доработку. Так, во всяком случае, мне внушалось, и взамен я получала полную неприкосновенность, избавляющую меня от операции. Если помнишь, моя семья никак не попадала в категорию обеспеченных, так было всегда, так осталось и после того, как я свалила из семьи, переехав к одному неудачнику. Тот обещал золотые горы и все такое, а на деле... ну и однажды мне предложили работенку. Пообещав все те же золотые горы. Я не поверила, но решила попробовать, чем черт ни шутит. Он и не шутил. За непыльную обязанность разговором удержать любых посетителей у прилавка, я получила сказочную сумму, равную моей годовой зарплате в гнилом ларьке на вокзале. Я тогда купила маленькое подселение в коммуналке и свалила навсегда от того придурка. Представляешь, сколько было денег? Тип, что нанял меня, долго не появлялся, заверив, что сам найдет меня, когда придет время. Время пришло, да вот обратно вернуться у меня уже не получилось. Так и стояла за прилавком, получая барыши и не зная, куда их потратить. Я ведь не сразу поняла, что дороги назад нет. Дура, и всегда ей была.»

Я оживился еще больше и уже мысленно представил, как скручиваю в ладонях заплывшую шею невнятного типа, вербующего глупых и жадных граждан, но Змееныш продолжила пересказывать уже известный сюжет, и в мои планы вкрались корректировки.

«А ведь с виду приличный мужчина, — вздохнула она, погружаясь в бездну людского коварства, — высокий, симпатичный. Был бы белобрысый, я могла бы подумать, что это ты, Грошик. Я ведь часто думала о тебе в старших классах, да, представь себе, этот гад легко втирался в доверие, но таких проходимцев пруд пруди, удивляться не приходится. Хотя вот ты не такой, Гурий, если бы ты предложил мне работу даже с большим заработком, я свято поверила бы в самые чистые помыслы.»

Аня замолчала, оставляя меня перемалывать новые факты. Выходит, вербовщиков несколько и вовсе не круглый тип стоит за всей этой затеей?

«Ты говорила про операции, Аня, — решил пойти ва-банк я, придавая голосу все очарование, отпущенное природой, — где именно они проводятся и с какой целью?»

На мои приложенные старания Аня звонко расхохоталась, испытывая мои нервы на прочность, и, уловив мою очевидную реакцию, тут же оборвала невеселый смех.

«Не трудись, Грошик, — усмехнувшись, объявила она, — то, что я упомянула о своей давней влюбленности, не является рычагом воздействия, да и поздновато пушить хвост, не находишь? А про лаборатории мне не известно, да и не такая я важная птица, чтобы посвящать меня в тонкости. Того красавчика я больше никогда не видела, а больше на эти темы ни с кем говорить не приходилось»

Аня пыталась говорить убедительно, но она никогда не была талантливой актрисой, к тому же она знала слишком много для невеликой птицы. Ну а во-вторых, обычная продавщица на вокзале скорее всего упомянула бы какие-нибудь больницы или операционные, Аня назвала место проведения операций лабораториями, чем только упрочила мое недоверие. Я сговорчиво покивал и сделал вид, что собираюсь уходить. Змеева равнодушно пожала плечами и отвернулась, потеряв ко мне интерес.

Парк, в котором мы с бывшей одноклассницей вели душевные диалоги, был совершенно лишен растительности. Вся его территория была выложена плиткой и уставлена скамейками, поэтому мне пришлось здорово постараться отыскать некое подобие укрытия. Им я посчитал небольшой ларек, украшенный яркой вывеской, призывающей к безразмерному поглощению свежих вкусных блинчиков. Я от души надеялся, что псевдожральня не станет очередной ловушкой. Аня еще немного посидела на скамейке, уставясь в одну точку, после чего медленно поднялась и побрела вдоль аллеек. Не было похоже, чтобы милая барышня ринется сдавать меня правосудию сию минуту, однако я на всякий случай решил понаблюдать за ее маршрутом.

Двигаясь за ее невысокой фигуркой и стараясь не попадаться на глаза, я с изумлением узнавал пейзажи, которые нехотя возникали на нашем пути. Именно тут мы с Гошкой рвали когти от штопаных преследователей, спасаясь в доме культуры. Впрочем, тогда у меня еще оставался шанс придержать своего попутчика и, сдав его безглазым, вернуться в мир, обретя материальное обличье. Пройдя еще немного, я разглядел то самое здание, куда нас загнали аборигены. Оно ничем не напоминало те строения, где мне приходилось зарабатывать сказочные гонорары, да, оно им и не было. Аня уверенно двигалась дальше, уходя все дальше от ровных дорожек. Когда ее путь пересек небольшой перелесок, я почувствовал внутреннее беспокойство. Оно появилось ниоткуда и основы не имело, поскольку все вокруг выглядело слишком пасторально и мило, чтобы вызывать тревогу. Безглазых обитателей, что время от времени появлялись на нашем секретном пути, становилось все меньше, и мне все труднее приходилось сохранять инкогнито. За перелеском тянулось бескрайнее поле, на просторах которого моя невнимательная проводница превратилась в непонятную группу, движущуюся мне навстречу. На самом деле, Аня просто шарахнулась в сторону, уступая дорогу странному шествию, возникшему из ниоткуда. Что-то подобное я видел там, в своем настоящем мире, когда полупрозрачные безглазые уроды прогуливались по улицам и проспектам Питера. В этот раз участники движения немного отличались от ранее виденных хотя бы тем, что имели лица. Обычные человеческие лица, с едва уловимой мыслью в остекленевших глазах. Я тоже посторонился, просто из вежливости, поскольку таинственное шествие проигнорировало мое присутствие. «Возможно, это новенькие, — мелькнула в голове очевидная мысль, — про них мне говорила Аня, рассказывая о порядках и правилах. Все сходится, они все еще сохранили внешний облик, но живыми уже не выглядят»

Я, похоже, начинал привыкать к призрачному существованию, раз так легко принял одну из потусторонних реалий. Фигуры двигались медленно, но уверенно, позволяя мне в деталях рассмотреть каждую. В основном это были мужики разного возраста и сословия, которых я насчитал человек пять. Замыкала шествие одинокая фигура, показавшаяся мне знакомой, и по мере ее приближения ко мне, мое призрачное сердце, опережая сознание, готовилось проломить грудную клетку. В этой замыкающей я узнал свою Ульяну, отрешенно и безучастно взирающую на мир.

«Уля! — не удержался я, не особенно рассчитывая на результат, — какого черта? Что ты

тут делаешь?»

Уля ожидаемо не ответила, равнодушно прошелестев мимо меня. Я несколько шагов прошел рядом, сопровождая странных пешеходов, ровно до того момента, пока все они в одночасье не растворились прямо в воздухе. От неожиданности я замер, глупо хлопая глазами, и больше не находя объяснения увиденному. В том, что я видел именно Ульяну, я не сомневался ни минуты. У меня была довольно цепкая память, а не признать того, с кем прожил бок о бок почти пять лет, мог только клинический идиот. В замешательстве я огляделся, высматривая свою бывшую одноклассницу, однако, все, что открывалось моему взору, было только пустое поле, чистое и бескрайнее. Оставаться в одиночестве на совершенно неизученной местности я посчитал нецелесообразным и медленно побрел обратно, прокручивая в голове увиденные сюжеты. Из моих размышлений и воспоминаний меня выдернул заунывный скрипящий звук ржавых качелей. Подняв голову, я с изумлением уставился на знакомую конструкцию, встретившую меня в потустороннем мире неясное количество времени назад. Сейчас качели были пусты, но плавно качались сами по себе, издавая отнюдь не райские звуки. Я скривился и смело уселся на их неровную поверхность, обдумывая свои дальнейшие шаги. Круглый тип, которого я так страстно искал в этом мире, становился неактуальным, судя по рассказам Ани Змеевой. А кого мне искать тут еще, я не знал. Возможно было бы неплохо выжать из той же Ани более подробную информацию, до того, как ее непрочные мозги превратятся в совершенную кашу, но этот способ решения моих задач не виделся мне продуктивным. Просидев в неподвижности до самого рассвета, я принял решение придумать что-нибудь позже. Я не сильно оттолкнулся ногами от земли, вспоминая детство, и тут же был сброшен вниз уверенным пинком. От внезапности событий я зажмурился, а когда открыл глаза увидел прямо перед собой знакомую рожу, почти живую и настоящую.

Глава 23.

«Ох, Гурий, — донеслось до меня, — как же я рад тебя увидеть, ты не представляешь, что творится сейчас в большом мире, Гурий, ты обязан что-то предпринять!»

Первое, что я предпринял прямо сейчас, было прерывание торопливого заполошного потока, исходящего неведь откуда взявшемся Волковым. Я столкнул с себя его изрядно похудевшую тушку и резво поднялся на ноги, принимая вертикальное положение.

«Гоша? — только и смог проговорить я, внимательно рассматривая бледную рожицу своего недавнего знакомца, — как ты тут оказался, дружище?»

Волков, не обращая внимания на неласковую встречу, принялся тарыхтеть мне о совершенно невозможных событиях, по его словам, творящихся в реальном мире.

«Ты не представляешь, Гурий, мой приятель, излагающий все свои мысли при помощи трех нецензурных слов, принялся декламировать стихи, а моя мать обзавелась недвижимостью, это так же нереально, как если бы меня вдруг прямо сейчас назначили королем какой-нибудь там Франции. — Гошка притормозил и в замешательстве добавил, — а твоя Ульяна...»

«Я знаю, Гошка, — делано равнодушно заметил я, — я видел ее вчера, вероятно, так распорядилась судьба, ничего не поделаешь. Уленька всегда была чувствительной и эмоциональной дамочкой, возможно она просто не вынесла моей безвременной смерти»

Волков слушал меня, широко распахнув глаза и не слишком широко — рот. Когда до него дошел смысл моего щемящего пассажа, он взял себя в руки и возразил:

«Но я тоже видел Ульяну пару часов назад, она была вполне здорова и счастлива.

Правда немного заторможена. — Волков в замешательстве уставился на меня. — ты точно видел именно ее? Я собственно, только за тем и пришел тогда к тебе, чтобы выяснить, что происходит с людьми, Гурий. Все те, кого я знал, стали другими и мне кажется, это связано с появлением штопаных призраков. Я решил, что будет правильно отыскать тебя, ну и вообще...»

Я внимательно прослушал Гошкино выступление и оглушительно заржал, представив себе, как храбрый дальнбойщик прорывается сквозь пелену времени, чтобы рассказать мне о такой ерунде. То, что маргинальный приятель неожиданно выучил русский язык, удивительным не казалось, так случается. То, что несостоятельная дамочка обзавелась недвижимостью, тоже не выглядело чудом, единственно, что вызывало вопросы, это свидание с Ульяной в реальном мире. Тут рождалось два объяснения — либо ошибся я, приняв образ чужого мне человека за свою милую, либо ошибся Гошка. Волков оказался неубедительным рассказчиком, то и дело принимаясь украшать свои повествования разными мало литературными вкраплениями.

«Гоша, как ты понял, что меня нужно искать именно тут? — наконец успокоившись, поинтересовался я, — я мог оказаться где угодно.»

«Я и не искал, — признался Гошка, — все вышло случайно. Нет, я понятное дело искал тебя, поэтому и пришел в твою поликлинику, но там тебя не было. Я хотел поехать домой, ну то есть к тебе в квартиру, но вагон остановился возле какой-то станции и дальше получилось так, как ты мне рассказывал. Ну и потом, думаю, я все же не зря проделал весь этот путь. Люди продолжают исчезать, теперь это приобрело масштабы катастрофы, а те, кто возвращаются, имеют очень неузнаваемый вид.»

Новости с Большой земли позитива не несли, Гошка был плохим рассказчиком, и много в его заполошном бормотании мне было непонятно, но все услышанное еще раз убеждало меня в безошибочности моего выбора. Я решил не проводить время в пустых раздумьях и начать поиски с осмотра территории, где прошлым вечером появилась группа обычных людей.

«Пойдем, Гоша, — поднялся я на ноги, — раз уж мне от тебя все равно не избавиться, будем решать задачи вместе»

«Какие задачи? — оживился мой неугомонный приятель, — ты что-нибудь узнал тут? И вообще, что все это значит?»

По дороге до того перелеска я поделился с Гошкой некоторыми историями, которым стал свидетель за последние несколько обычных дней. Особенно удивило Гошку сообщение о моей встрече со своим бывшим коллегой, Матвеем.

«Ого! — вполне искренне воскликнул Гошка, с трудом подстраиваясь под мой шаг, — выходит, это правда и здесь можно встретить любого, кто однажды покинул грешный мир? Мне бы хотелось повидать своего отца, не то, чтобы я сильно был привязан к нему и все такое, я даже его и не видел толком. Просто знаю, что он умер, едва мне исполнилось десять. Как думаешь, я смогу его узнать? Ну родственные чувства и все такое. И еще моя бабка, хоть и свихнулась под занавес жизни, все же она моя родня...»

В подобном ключе Гошка делился со мной планами, пока впереди не показались знакомые очертания. Я был вынужден прервать его восторги, напомнив о неминуемом изменении, происходящим с каждым, кто однажды сумел пересечь границы миров. Гошка потерянно примолк, оглядываясь по сторонам. Тогда я поведал ему вторую часть истории, услышанную от Ани Змеевой.

«Выходит, после того, как они полностью превращаются в болванки, их наделяют новой внешностью и отправляют в большой мир?» — рассудительно пробормотал Гошка, уловив самую суть. В чем-то он был несомненно прав, если бы не одно. Болванками они становятся гораздо раньше, минуя стадии перевоплощения и кому-то очень важно, чтобы этот процесс проходил как можно скорее.

За перелеском расстилалось все то же бескрайнее поле, без малейших признаков построек и присутствия местных обитателей. Мы в компании совершенно обалдевшего дальнобойщика обошли довольно значительную территорию, так и не увидев ничего интересного и собирались уже возвращаться к цивилизации, когда до моего слуха донесся приглушенный лязг.

Он шел как будто бы отовсюду, не имея точного источника. Гошка напряженно замер, порываясь спастись бегством, однако пересилил свою природную осторожность и негромко выругался. Подбодрив себя таким нехитрым способом, Волков огляделся и вдруг ошутимо толкнул меня в плечо.

«Гурий, то, что я вижу впереди, это мираж? — испуганно прошептал он, протягивая вперед руку, — или это такой фигурный туман? Гурий, не молчи, отвечай!»

У Гошки была своеобразная манера побуждать к действию мои речевые способности, однако прямо сейчас я мог его понять. Прямо перед нами колыхалось неясное марево, с виду, действительно, напоминавшее белый густой туман. Однако это был очень странный туман, с колоннами и массивной крышей. Он густел, темнел и скоро я мог уже рассмотреть широкую крошащуюся лестницу, обрамленную высокими тяжелыми колоннами. Такое сооружение я видел совсем недавно, бродя по пригородным улицам, и ошибиться не мог. Постепенно, обретая материальные формы, строение продемонстрировало нам и знакомый постамент, выполненный из камня, и стены, защищающие площадку от ветра. На Гошку массивное сооружение произвело неизгладимое впечатление, он стоял, приоткрыв рот и настороженно молчал. Даже мои вербальные навыки остались вне сферы его интересов. Тогда, во мраке ночи, страшная площадка показалась мне заброшенной и необитаемой, однако сейчас что-то подсказывало мне, что где-то неподалеку теплится жизнь. Ну или как назвать существование местных в условиях потусторонних реалий?

Я шагнул на раскрошенные ступени, поднялся до пугающего постамента и невольно вздрогнул, узнав в сооружении древний муртuary, возводимый на кладбищах в эпоху атеизма и безверия. От сделанных выводов меня передернуло, но не остановило, и я, верный своим решениям, упрямо зашагал к едва заметному проему в одной из стен. По моим предположениям, за этим проемом должно было продолжиться то самое поле, на котором вырос этот таинственный склеп. Однако сразу за стенами моему взору открылась весьма занимательная картина. Там, за его стенами, было зеркальное отражение той площадки, на которой минуту назад стоял я и мой верный Гошка.

«Что это такое? — напомнил о себе мой мало начитанный друг, — что за нагромождение колонн?»

Я мог бы в целом познакомить несведущего во многих вопросах Волкова о целевом назначении данной конструкции, однако, какую именно роль она играла здесь и сейчас, оставалось для меня загадкой. Металлический лязг, сопроводивший ее появление усилился и откуда-то сбоку показалась неясная тень. То, что я принял за постамент, неожиданно разъехалось в стороны и продемонстрировало совершенно полную внутренность. Тень метнулась в сторону и прикатила к развезшейся бетонной коробке металлический стол, в

котором я узнал тот, на котором сам проводил неведомые мне тогда операции в компании круглого типа. На металлической поверхности лежало тело, вполне сохранившееся и обладающее привычным отсутствием черт. Далее, тень заслонила собой весь обзор и принялась проводить над трупом неясные манипуляции, о которых я смутно догадывался. После этого тень отвернулась от стола и уверенно приблизилась к каменной стене. Стена была изъедена временем, покрыта трещинами и в целом готовилась рассыпаться от любого прикосновения, однако тень без опаски провела по ней раскрытой ладонью, являя еще одно чудо. Из морщинистой поверхности показался небольшой экранчик, размером со средний монитор, и замигал разноцветными огнями. Когда мерцание прекратилось, тень убрала экран обратно в стену и вернулась к лежащему на столе. Тот, еще пару минут назад будучи самым настоящим мертвецом, зашевелился и неловко приподнялся, пошатываясь на тонких ногах. Я мог бы поклясться, что тело принадлежало довольно крепкому мужчине преклонных лет, однако прямо сейчас передо мной качалось невнятное тело молодой женщины, стройной и довольно привлекательной. Тень весьма невежливо подтолкнула недавнего пациента к ступеням, предлагая убираться, а сама вновь загромычала железным столом.

На Гошку было жалко смотреть. Я, имея за плечами обширную медицинскую практику, был шокирован увиденным, что же говорить о человеке, далеком от подобных вопросов. Гошка, не забыв открыть рот, продолжал пялиться на продолжавшееся мероприятие. Следом за престарелым пациентом, стол занял мальчишка лет восьми, процедура повторилась в точности, но в этот раз тело не претерпело никаких изменений. Мальчишка остался мальчишкой, только немного более подвижным, чем до начала операции, и с вполне приемлемой рожицей. Тень, активно мельтешила по площадке, принимая все новых клиентов, и, помигав разноцветными огоньками, отправляла исцеленных обратно.

Я, не желая испытывать судьбу на прочность, знаком предложил Гошке уматывать, пока странная тень не подвергла таинственным процедурам и нас, обнаружив наше присутствие.

Наши приключения заняли большую часть дня и настоятельно требовали отдыха. Возможно, мой недавний коллега Матвей успел переполошиться по поводу моего незапланированного отсутствия, и я принял решение обрадовать его своим обществом, заодно познакомив со своим новым приятелем.

«Не думаю, что Матвей сильно обрадуется нашему появлению, — сомневался Гошка, пока я тянул его через весь город к пристройкам, — я бы не обрадовался, тем более, по твоим словам, места там немного, а Матвей слишком зануда, чтобы смириться с новыми постояльцами.»

На самом деле мне тоже не слишком хотелось возвращаться, я неплохо помнил препятствия, возникшие на пути моих самостоятельных прогулок. Однако большого выбора у нас не было, ночевать на улице, зная местные нравы, мне не хотелось больше.

Матвей необычайно обрадовался нашему появлению, несмотря на то, что теперь нам было необходимо потесниться.

«А! — радостно воскликнул он, распахивая дверь, — тот самый Волков! Рад, безмерно рад!»

Гошка изобразил на лице работу мысли, пытаясь вспомнить, где успел настолько пересечься с Матвеем, что вызвал у последнего такую бурю чувств. Мне же показалось, что я просто упомянул Волкова в одном из бесконечных разговоров. За прошедшие полутора суток моего отсутствия Матвей не изменился, являя своим постояльцам круглую бледноватую

физиономию без признаков искривлений и деформаций. На общем фоне мы трое смотрелись выходцами из преисподней, насколько выпадали из обвисшего ряда местных граждан. Матвея, казалось, нисколько не смущал этот факт, вероятно, он все еще наслаждался обретенной свободой.

«Где тебя носило, приятель? — по-простому поинтересовался он, дружески укладывая мне на плечо привычную ладонь. Однако в его интонации отчетливо сквозили оттенки недоверия, настороженности, которые я сравнил с допросами моей Ульяны, если мне приходилось надолго выпасть из поля зрения. Я погасил в себе желание поделиться только что полученными наблюдениями и сделал незаметно знак Волкову, предлагая ему молчать тоже.

Я отговорился пешими прогулками и привычно пожаловался на разыгравшийся аппетит, которого больше не испытывал. Матвей с явным изумлением поглядел на мою предельно честную рожу и промолчал, исчерпав желание заново озвучивать преимущество потустороннего бытия.

В тесной клетушке нашему вниманию было представлено два спальных места на троих и это вызывало бытовые неувязки. Где нам отыскать недостающую койку, а также с комфортом разместиться на ограниченном пространстве, Матвей не знал и выглядел растерянным. Гошка, воспитанный в суровых условиях государственного учреждения, предложил всем разместиться на полу, и поскорее, иначе он займет любую из двух коек и заснет так. Воспитанный Матвей только хмыкнул и послушно стащил на пол свой матрас.

Среди ночи меня разбудила невнятная возня, доносившаяся сбоку. В прозрачной темноте я отчетливо различил узнаваемую фигуру своего коллеги, склоненную над безвольно раскинувшимся Гошкой. Матвей проводил странные манипуляции у горла спящего, при этом сохраняя отрешенное выражение на круглом лице. Гошка безмятежно спал, вольготно откинув назад лохматую голову, но сколько бы я не приглядывался, я так и не мог сообразить, что именно делает мой старинный знакомец. От его рук тянулись почти невидимые в темноте трубки, которые он пытался прикрепить к Гошке. Я в замешательстве приподнялся, обнаруживая свой интерес, и тут же в моих мозгах вспыхнула обжигающая мысль. «Не суйся не в свое дело, парень, ты здесь только гость»

Мысль была здравая и я, повинуясь ей, безвольно откинулся на матрас, погружаясь в сон.

Глава 24.

Утром Матвей привычно исчез, а проснувшийся Гошка терпеливо дожидался моего пробуждения, сидя на матрасе.

«Доброе утро, — хмуро хмыкнул Волков, заметив мое внимание, — твой Матвей решил свалить, или это его обычный утренний променад? Не слишком-то вежливо заставлять гостей маяться от скуки в запертой клетушке.»

Гошка был явно недоволен и всячески демонстрировал свое настроение. Я мало знал дальнобойщика и поэтому не мог сказать с уверенностью, было ли это его обычным состоянием, либо ночные манипуляции Матвея сделали свое дело. Гошка только хмыкнул, прочитав мои мысли.

«Я не могу выспаться, лежа на полу, — доверительно сообщил он, — и это не капризы избалованной принцессы. В интернате нас иногда наказывали изгнанием в карцер, где не было даже доски, чтобы на нее присесть. Когда-то то помещение служило бытовым складом, но мудрая администрация решила отточить свое мастерство перевоспитания, превратив

бетонную коробку в спальню для провинившихся. Там по полу бегали огромные крысы, а сквозь стены выл ветер, изображая песни сатаны. Меня однажды закрыли там на неделю, не могу сказать, что это были радостные дни. И сегодня мне снились вампиры, вурдалаки и всякая нечисть. Поэтому я такой злой.»

Обстоятельный Гошкин рассказ напомнил мне Матвея и его трубки, и я, решив проверить догадки, поинтересовался, не покусали ли Гошку вампиры прошлой ночью. Волков недовольно хмыкнул и провел ладонью по горлу.

«Не покусали, Гурий, а если бы и да, то мертвее я все равно не стану. — невесело засмеялся он, — придумай лучше, Гурий, как нам выбраться из этой темницы»

Я поднялся и легко распахнул дверь, предлагая Гошке подышать воздухом. Тот искренне удивился, тут же поведав мне щемящую историю про тысячи попыток преодолеть простую преграду. Я согласно кивнул и резво покинул тесную комнатку. Волков шмыгнул за мной, озвучивая планы на день.

«Как ты думаешь, Гурий, — по-деловому начал он, прыгая по ступенькам, — то, что мы видели вчера на пустыре, не могло стать нашей общей галлюцинацией? Сложно представить, чтобы вот так просто из обычной заготовки получился новый человек, и даже другого пола. Ты врач, ты сталкивался с таким раньше?»

Я мог бы шокировать наивного Гошку, рассказав, каким образом на моем закрытом счету тухнет некоторое количество денег, наверняка вгоняющее в депрессию мою жадную тетку. Я промолчал, и неопределенно фыркнул, выражая высшую степень возмущения, недоверия и чего угодно еще, это Гошка мог решить для себя самостоятельно.

Нам без препятствий удалось пересечь половину парковых аллеек, когда мы расслышали знакомое настойчивое бормотание.

«Эй, заработок нужен?» — прошамкал невнятный абориген, уставившись на нас безглазой рожой. Я привычно обернулся, рассчитывая отыскать истинного адресата, однако в это время суток улицы были непривычно пусты. Посыл относился к нам двоим. Гошка настороженно покосился в мою сторону и медленно кивнул, явно ожидая подвоха. Невнятный тип протянул нам скомканные листочки, проворно поднялся и беззвучно ушлепал прочь, делая вид, что невероятно занят и нами не интересуется. Бумажки представляли собой некое подобие карты, изображающей неровный круг с не менее неровной стрелкой, направленной в его центр. Схема, если это была она, вызвала много вопросов, но я, имея некоторое представление о способах местного заработка, уверенно потащил Гошку к башне из красного кирпича. В этот раз желающих подлатать свой бюджет набралось штук семь, включая нас с Волковым. Этапы большого пути в точности повторяли мой предыдущий опыт знакомства с местным трудоустройством. Мы поднялись к круглой площадке, обнесенной со всех сторон высокими стенами без крыши, и уселись в круг. Один из безглазых водрузил в его центр небольшую емкость с приделанными к ней трубками и коротко лязгнул, призывая к началу процесса. Гошка с удивлением покрутил в руках гибкий шланг, не зная, какое практическое применение включал в себя сей предмет, и вопросительно обернулся ко мне.

«В чем смысл работы, Гурий? Что мы с этого будем иметь? — с долей сомнения пробормотал он. — и что за странное приспособление, как им пользоваться?»

Вопросов было слишком много, а ответов не было вовсе. Прошрое мое наблюдение за так называемой работой, закончилось изгнанием с территории, поэтому для меня все тоже было в новинку. Безглазые прижимали трубки к горлу и мерно покачивались, издавая едва

слышное дребезжание. Я на всякий случай тоже прислонил свободный край шланга к подбородку, но не ощутил ничего. Так, во всяком случае, мне показалось в первую минуту. Некоторое время я неподвижно сидел, с интересом поглядывая на коллег и ожидая продолжения. Внезапно в мою голову закралась мысль, что я зря теряю время, что пора действовать и как-нибудь проявить себя в серьезном деле. Мысль росла и крепла, и заполняла собой все полезное пространство моего сознания. Я покосился на сидящего рядом Волкова и с удивлением прочитал на его роже отголоски своих собственных эмоций. Ему тоже не сиделось на месте, это проявлялось в нетерпеливом ерзанье и попытках подняться на ноги. Охватившая меня эйфория не стала дожидаться особых распоряжений, приподняв меня с бетонного пола и потянув на лестницу. Мне хотелось немедленно совершить какой-нибудь подвиг, чтобы вызвать одобрение. Вот только чье именно одобрение я собрался вызывать, оставалось для меня за кадром, да это не имело значения. Выскочив на улицу, я крепко уцепился в Гошкину руку и поволок его вперед, следуя неясным маршрутом, который, однако, был мне откуда-то знаком. Следом за мной так же целеустремленно и уверенно двигались остальные, испытывая, по всей видимости, похожие ощущения. Дорога вела нас через городские аллеи, мимо разноцветных домов, и чем дальше она длилась, тем сильнее нарастало нетерпение. Наконец, перед нами возник знакомый холм, поросший зеленой травой. Волков, явно узнав локацию, только удовлетворенно хмыкнул, и решительно направился на склон. Я едва успевал за ним, и это казалось мне безмерно обидным, поскольку я первым хотел отметить и заслужить поощрение. Подобное состояние было для меня откровенно неизученным. Даже учась в начальной школе я не испытывал такого поглощающего желания проявить себя, сейчас же я был готов растерзать приятеля только за то, что он первым взобрался на вершину.

«Скорее, Гурий, — злобно прошипел Волков, выпадая из привычного образа рассеянного дальнбойщика, — ну же, парень, двигайся!»

Я с легкостью преодолел невысокое препятствие, мои виски сдавило ледяными тисками, заставив меня крепко зажмуриться.

Открыв глаза, я увидел перед собой стены своего Питерского дома, знакомую улицу и припаркованные машины вдоль тротуара. Гошка топтался в шаге от меня и так же нетерпеливо тянул меня дальше, выражая стремление созидать. Или разрушать. Я так до конца и не сообразил, что именно должен свершить я сам, меня вело провидение, задававшее направления и цели. Мы с Волковым двинулись в сторону широкого проспекта, наполненного неторопливо перемещающимися прохожими. Все они интереса не вызвали и только мешали достигать результата, именно так я воспринял безликую, для моего восприятия, разумеется, серую массу. Пройдя чуть дальше, я почувствовал нарастающее волнение, выразившееся в желании действия. Напротив тоже шли люди, внешне они мало чем отличались от всех встреченных ранее, но мне были необходимы именно они. Я вклинился в толпу и принялся шнырять мимо ничего не подозревающих граждан. Мне казалось то, что я делаю, глупым и непродуктивным, однако прекратить это я не мог, подчиняясь чьим-то незримым командам. Люди, которые окружали меня, виделись мне слишком самостоятельными, все они до краев были наполнены мыслями, эмоциями и нелепыми чувствами, сам факт наличия которых рождал злобу и презрение. «Какое они вообще имеют право о чем-то думать? — негодовал я, — все эти их переживания, планы, вся эта работа сознания, так отвратительно проявляющаяся на их рожах! Пора покончить с этим!»

И я с удвоенной энергией принимался кружить в толпе, одним своим присутствием

лишая ее всего этого омерзительно личного. Мой запал разрушать исчез так же внезапно, как и появился, рассыпаясь в труху. Я замер, прислушиваясь к ощущениям и безвольно потек мимо, позволяя толпе продолжать свое пугающе разнообразное существование. Мимо меня проползали граждане, на которых я даже не смотрел, поглощенный единственной мыслью — услышать слова поощрения. Гошка, который составил мне компанию в моем суперважном деянии, больше не вызывал зависти, потому что я был уверен, что выполнил задание лучше него. Мои виски знакомо сдавило ледяными тисками, я привычно зажмурился, и тяжело свалился на землю.

«Вставай, Гурий, — расслышал я над головой знакомый голос, — пойдём отсюда, пока остальные не вернулись.»

Я открыл глаза и увидел зеленый холм, истоптанный следами ботинок и кед. Мое тело казалось мне невесомым, а по венам разливалось весьма благостное чувство. Я согласно кивнул и схватился за протянутую ладонь.

«Гурий, — спустя довольно длительное молчание, произнес Гошка, — предлагаю больше не ходить на такую работу, мне не понравилось.»

Слова Волкова вызвали во мне бурю эмоций. Как может не понравиться, когда ты приносишь обществу пользу, когда тобой восхищаются и одобряют каждое твое движение? Моя эйфория утихла, но под кожей продолжал бродить знакомый огонек поощрения.

«И что же тебе не понравилось?» — с издевкой поинтересовался я, вкладывая в интонацию максимум непонимания.

«Ты чего, Грошик? — изумился мой приятель, явно заподозрив меня в чем-то предосудительном, — чего хорошего, рыскать в толпе? А я-то, дурак, поначалу решил, что предстоит что-то стоящее. И потом, где вознаграждение? Ради чего мы шлепали столько времени неизвестно где?»

Гошка не кривлялся. Он и в самом деле не понимал, насколько важно было лишить всех этих людей разных мелочных забот, тревог и волнений. А также мыслей, ввернул в мозги чей-то обезличенный голос и пропал. От проделанной работы мое тело ломило и настоятельно требовало отдыха. Я, не споря с Волковым, послушно развернулся и побрел обратно, в пристройки к Матвею. Меня охватило странное оцепенение. Я больше не хотел раскрывать тайны старого мортуария, мне была безразлична судьба моих земляков, а также пропало желание восстанавливать справедливость и возвращать Волкову материальное обличье. Я хотел спать.

Матвей был дома и встретил нас как настоящих героев. Он отечески распахнул руки перед нами и крепко обнял, предлагая присесть.

«Я слышал о вас, — проникновенно начал он, а Гошка только изумленно вылупил глаза, — слава идет впереди вас, и мне очень приятно думать, что вы мои друзья!»

Выступив, Матвей любезно предложил нам полноценные койки, а сам занял место у окна. Мне было некогда наблюдать за соседом, я воспользовался возможностью и послушно провалился в сон без кошмаров.

Следующие несколько дней я бездумно бродил по паркам и скверам призрачного города, настойчиво прислушиваясь к дребезгу зазывал. Они часто встречались мне на обочинах дорог, однако больше никто из них не делал попытки привлечь мое внимание. Однажды я рискнул присоединиться к очередной группе работяг без особого разрешения, беззвучно подкравшись к ним в башне и присев к их тесному кругу. Моя уловка не сработала, безглазые чудовища заметили меня и спешно избавились от моего навязчивого присутствия.

В целом, я их понимал, никому не хотелось делить славу и почет с кем-то еще. Гошка к моим экспедициям не присоединялся, предпочитая проводить время в тесной каморке Матвея. Тот, к слову, тоже редко покидал наше некомфортное пристанище, часто простаивая у окна. Как-то Гошка признался мне, что откровенно побаивается моего студенческого приятеля.

«Когда он так зависает, — делился он наблюдениями, — его рожа превращается в каменного истукана и это при том, что за все это время она ни капли не изменилась на предмет оболванивания. Ты говорил, что за весьма короткое время местные обзаваются ровными масками вместо лиц, Матвей же стал еще более румяным.»

Я вежливо покивал в ответ, занятый своими переживаниями. Моя сто пятидесятая вылазка снова закончилась ничем, и мне сейчас было не до психологических Гошкиных выкладок.

Вечером того же дня мне несказанно повезло нарваться на безглазого вербовщика и получить от него заветную бумажку с детскими каракулями. В башне меня уже поджидали мои коллеги, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу возле неприметной двери. Это задание я решил выполнить так, чтобы вербовщики сами искали меня, и поэтому, когда по венам заискрилась знакомая эйфория, я, не теряя времени, рванул на улицу. Мне на пути попадались редкие прохожие, бесцельно блуждающие по тропинкам, но мне казалось, что сейчас они перехватят инициативу, и я не успею свершить нечто грандиозное и значимое.

По своему наполнению эта экспедиция ничем не отличалась от первой, шаг в шаг повторяя все заученные движения, однако сейчас она виделась мне как некая миссия, исполнив которую я автоматически возвышусь в своих глазах. Такие вылазки у меня случались все чаще и чаще, стоило мне выйти на улицу, как какой-нибудь безликий эйчар впихивал мне в ладонь скомканный листок. Я рос в своих глазах, не замечая, что твориться за пределами моих интересов, пока в один из дней не обнаружил, что мы с Матвеем остались в комнате вдвоем. На мои недоуменные вопросы о Волкове, Матвей только радостно заулыбался и мотнул кудрявой башкой.

«Я не сторож брату своему, — изрек он, — твоему тем более. Откуда мне знать, куда этот недалекий полупризрак отправился нынче. Более неинтересного и ограниченного персонажа я еще не встречал, Гурий. Где ты отыскал такое сокровище?»

Я подавил в себе порыв похвастаться истинной причиной своей ценной находки и ограничился полуправдой.

«Он был одним из моих пациентов,» — озвучил я весьма двусмысленный факт и вызвал у Матвея неконтролируемый ржач.

«Гурий, — проржавшись, заявил он, — на курсе ты считался одним из лучших, и все равно умудрился залечить человека до гробовой доски. Bravo, Грошик! Не зря я всегда ставил тебя в пример самому себе!»

Видно на моей физиономии все же отразилась вселенская печаль, поскольку Матвей, натянув вдумчиво-философское выражение на круглую рожу, задумчиво произнес:

«Этот мир нам неподвластен, наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями, но так хотелось...»

Психиатр не довел мысль до финала и, бросив короткий взгляд на окно, предложил мне немного развеяться. Предложение было как нельзя кстати, поскольку на смену моему трудовому порыву пришло обычное равнодушие и отрешенность. Мое нынешнее настроение напомнило обычный отходняк, и я послушно направился к двери, не встретив со стороны

последней никакого сопротивления. Я без проблем добрался до выхода и неожиданно почувствовал нарастающее беспокойство. Мне отчетливо стало казаться, что прямо сейчас откуда-то из-за стен на меня набросятся неведомые твари и растерзают меня в клочья. Я затравленно огляделся, и ноги сами понесли меня к круглой башне из красного кирпича. По дороге я успел подумать о том, могут ли призраки лишиться рассудка, но мысль развить не успел, поскольку, едва увидев очертания неприметной двери, бросился к ней со всех ног, забыв обо всем на свете.

Глава 25.

Никакой сопроводительной бумажки у меня с собой не было, однако мне беспрепятственно удалось попасть на круглую площадку и занять единственное свободное место в тесном круге штопаных работяг. Никакие другие мысли, кроме одной, включающей в себя пункты о всеобщей пользе и поощрении, не задерживались в сознании, заставляя меня проявлять небывалую активность. Пока шла подготовительная процедура загадочного сидения вокруг емкости, в мою голову вкралось новое понимание. Теперь я должен был привести с собой «друзей», чтобы получить еще больше одобрения и стать дважды героем. Почему-то последнее обстоятельство всколыхнуло во мне волну небывалой активности, и, не дождавшись окончания ритуала, я рванулся на улицу. Ободренный очередным заданием, я несся вдоль улиц, впрочем, не привлекая к себе никакого внимания, однако я старался успеть и опередить тех недотеп, что еще покачивались вокруг цилиндрического сосуда. Взлетев на зеленый холм, я на секунду замер и почуввав знакомое холодное сдавливание, в нетерпении зажмурился.

Меня вынесло на ту же улицу напротив моего бывшего дома. Возможно еще пару недель назад эти пейзажи вызвали бы у меня трогательную ностальгию, однако теперь вид серого холодного здания рождал только неприятие. «Мне нужно привести еще больше людей, — билась в голове неотвязная мысль, — много, так много, насколько это возможно. Я должен убедить их пойти со мной.»

Мысли были правильные относительно моего нового задания, но с их реализацией возникали сложности. Я был невидим, неосязаем, безмолвен для всех тех, кого должен был увести с собой. Люди не реагировали на мои настойчивые попытки убедить их оставить глупые земные заботы и отправиться в интересное путешествие. Тем самым рождали во мне лютую злобу, которую я тоже никак не мог им продемонстрировать. Я метался в толпе от одних к другим и наталкивался на отрешенно-равнодушные взгляды. Мыслей в их голове было уже не так много, эмоции исчезли вовсе, однако это было все, что я мог понять из пристальных наблюдений.

«Поощрение!» — щелкнуло в мозгах и прогнало по венам новую порцию активности.

Внезапно перед глазами проплыло туманное облако, в котором я с неудовольствием рассмотрел своих безглазых коллег, и меня охватила злость. Они не должны опередить меня, никак не должны. Но видимо, это были очень опытные собиратели, поскольку уже через пару минут за одним из них тянулась небольшая толпа обычных граждан, молча и сговорчиво пялящихся прямо перед собой. От отчаяния я присел на асфальт и обхватил руками гудящую голову.

«Что я делаю? — пронеслось в мозгу, — какие на хрен поощрения, на кой черт они мне сдались?»

Мысль тут же сменилась обжигающей болью и заставила меня подняться на ноги. Я медленно брел вдоль тротуара, равнодушно поглядывая по сторонам. Я, разумеется, помнил

про задание, про весьма сомнительную награду, про неоценимую пользу обществу, однако больше не чувствовал приятной приподнятости. Ноги принесли меня в промышленный район города, и я несколько минут тупо пялился на серые стены какого-то предприятия. Здесь мне тоже друзей не собрать, равнодушно подумал я и наудачу двинулся вперед, к железным воротам. Те неожиданно распахнулись, выпуская на волю груженую металлом ГАЗель. Я уныло забрел на территории и пораженно остановился, увидев возле проходной знакомую тщедушную фигурку Георгия Волкова. Он о чем-то весело болтал с высоким плечистым мужиком, иллюстрируя повествование картинками в телефоне.

«Гошка! Волков! — не веря глазам, воскликнул я, устремляясь к приятелю, — что ты тут делаешь?»

Парень, названный мной Гошкой, удивленно поднял рожу и уставился куда-то мимо меня. Мужик-собеседник за компанию оглянулся и снова уткнулся в Гошкин телефон, с интересом рассматривая картинки.

«Гоша, — более сдержанно обратился я к Волкову, — как тебе удалось снова сбежать? Ты ходил на работу? В башню?»

Огромный мужик вернул Волкову телефон и направился в здание. Гошка, оставшись один, с интересом рассмотрел меня, будто видя впервые, и переспросил: «Вы у меня спрашиваете?»

Больше тут мне спрашивать было некого, и я согласно кивнул, больше не рискуя издавать любые звуки.

«Я работаю на этом перерабатывающем предприятии, — с неуловимой гордостью проговорил Гошка и для убедительности наклонил лохматую голову, — я сортирую железо.»

Речь моего недавнего приятеля была лишена привычных красок и нелитературных вкраплений, отличающих манеру Волкова излагать мысли. И в целом она звучала механически, без эмоций. То, за что я так ратовал полчаса назад, теперь вызывало настороженность и откровенно пугало.

«Что с тобой? — продолжал допрашивать я, — ты работаешь с людьми? Они тебя видят? Но почему? Так быть не должно!»

Мои вопросы любому другому могли бы показаться бредом, однако Гошка, вероятно понял, о чем я спрашиваю.

«Я уже давно работаю на перерабатывающем предприятии. — так же заторможено пояснил он, — я делаю нужную работу, я сортирую железо. Вот посмотрите.»

Гошка вне всякой связи с только что озвученным, протянул мне телефон, демонстрируя картинку. То, что с таким интересом минуту назад разглядывал огромный мужик, являло собой оранжевый кривоватый кружок на бирюзовом фоне. Я из вежливости глянул и вопросительно поглядел на Волкова.

«Она набрала пятьдесят плюсов, — с невероятной гордостью поведал мне Волков, — я выложил ее вчера утром.»

«Зачем?» — отгоняя нехорошие подозрения, уточнил я, в тайне все же надеясь, что за оранжевым кружочком скрывается глубинный философский смысл. Смысл не скрывался, поскольку Волков непонимающе уставился на меня и снисходительно объяснил:

«Это моя вторая фотка, первая набрала сотню. Не понимаю, что в этом плохого? Людям нравится, они смотрят, и это дает им надежду создавать собственные творения. Это искусство.»

Гошка, тот которого я знал, за все время нашего с ним знакомства ни разу не обернулся

на потрясающей красоте граффити, украшающие некоторые Питерские здания, он не знал фамилий ни одного известного художника, а на мои цитаты классиков только кривился. Волков был далек от настоящего искусства, как я от балета, и вот на тебе! Выкладывает творения в интернет и еще хвалится, что другие идиоты оценивают эти потуги, искренне считая, что это так же роднит их с прекрасным.

«Георгий Волков, — неожиданно протянул он мне раскрытую ладонь для приветствия, а я откровенно испугался. — я предлагаю вам посетить открытие нашего нового театра. Сегодня там премьера спектакля. Новое веяние и интерпретация. Это смело и современно!»

Гошка, что с тобой?! Хотелось заорать мне, но я боялся спугнуть ценителя и продолжал тупо кивать, делая вид, что разбираюсь в материале.

Волков, видимо уже забыв про нужную и ответственную работу по сортировке металла, убрал, наконец, руку вместе с оранжевым шедевром и потащил меня за территорию перерабатывающего предприятия.

«Где ты живешь?» — наудачу спросил я, приготовившись к любым неожиданностям.

«Я живу на Рижском, в бывшей коммуналке, неплохо, в целом. Стильно и современно.» — светским тоном отозвался бывший работяга и в свою очередь поинтересовался, где проживаю я.

«Ты совсем не помнишь меня, Гоша?» — разочарованно протянул я, в душе понимая, что вероятней всего вижу перед собой полного тезку своего приятеля.

Гошка еще раз внимательно оглядел меня с головы до ног и задумчиво проговорил, вкладывая в интонацию немного оценочности.

«Я не уверен, что видел вас раньше, но вот ваша одежда... так сейчас давно уже не одеваются.»

После этого пассажа я наконец-то обратил внимание, что на Волкове наверхено странное одеяние из разноцветных лоскутков, напоминающих птичьи перья. Я мельком оглядел свои вытершиеся джинсы и футболку с каким-то принтом и весело хмыкнул:

«Да, приятель, признаться я немного отстал от моды, но может, посоветуешь что-нибудь из новинок?»

Я рассчитывал, что прагматичный Гошка предложит мне прикупить джинсы поновее, а футболку заменить на чистую и целую, однако он с готовностью кивнул и потянул меня вдоль серых зданий. Наш путь лежал в величественное каменное здание, очевидно выполняющее роль торгового центра. Таких я не помнил, возможно, его открыли совсем недавно. Распахнув массивные двери, мы оказались в просторном светлом холле, до краев заставленном прозрачными прилавками. Мимо нас не спеша проплывали фигуры посетителей, одетых в подобие балахонов. Я попытался вспомнить, видел ли я подобные наряды на проспекте, пока выполнял задание, однако ничего вспомнить не смог. Очевидно, мое стремление поскорее получить поощрение начисто лишило меня наблюдательности и аналитических навыков. Сейчас меня немного отпустило, и я с удивлением пялился на многочисленных посетителей и не мог сообразить, кого именно я вижу перед собой. Это с равным успехом могли оказаться молодые парни и девушки, а также пожилые граждане обоих полов. От всего увиденного в моей голове зазвенело, и я предложил Гошке подыскать мне подходящую одежду, хотя на кой черт она мне была нужна, я сказать не мог. Витрины прилавков были завалены этими самыми балахонами, без намека на гендерное различие, и я, не скрывая отвращения, поинтересовался у гордого попутчика:

«Где я могу купить обычные штаны?»

Волков удивленно уставился на меня и в замешательстве покачал лохматой головой.

«Я не имею понятия, сейчас не принято открыто подчеркивать свою половую принадлежность, это может оскорбить людей другого пола.» — в Гошкиных словах звучало столько убежденности, что я не решился с ним спорить. Тем более, что меня привлекли более интересные вещи. Откуда-то из глубины зала до меня донесся отрывистый одиночный звук, напомнивший мне лязг безглазых. Однако к потусторонним уродам звук не имел никакого отношения. В нескольких метрах от нас прямо на полу сидел некто, облаченный в знакомую уже хламиду, и отрешенно ударял палкой по алюминиевому тазу, перевернутому вверх дном. Вокруг стояла небольшая толпа зевак с благоговейным трепетом внимавшая отвратительным звукам. Гошка подтянул меня к исполнителю и с придыханием произнес:

«Это известный музыкант, талантливый человек. Его произведения очень популярны и у нас, и за рубежом. Редкая удача встретить его вот так, запросто. Послушайте, какая экспрессия!»

Я на всякий случай прислушался, в надежде услышать эту самую экспрессию, но до моего слуха донесся только металлический лязг. Когда я был младенцем, то очень любил развлекать тетку подобными концертами. Тетка в благодарность орала и хлестала меня мокрым полотенцем. Когда мировая знаменитость закончила долбить в таз, слушатели гулко заурчали и разразились бурными овациями.

Рядом с нами стоял мужик, облаченный в разноцветные одежды и проникновенно цокал языком, выражая одобрение услышанному.

«Это будущее искусства,» — прошептал он тонким голоском и скрылся среди толпы.

«Гоша, что там со штанами, — рискнул я спустить приятеля на грешную землю, — может мы сможем отыскать что-то похожее»

На самом деле новая одежда мне была не нужна, я прекрасно обходился тем, в чем ходил, однако Волков воспринял мой посыл буквально и принялся убеждать меня в нецелесообразности задумки. Однако предложил выбрать что-нибудь из модного.

«Добрый день, — приветливо прошелестел он, обращаясь к заторможенной продавщице у очередного прилавка, — мы с моим другом...э...»

«Гурием,» — охотно подсказал я, пытаюсь определить пол, возраст и степень привлекательности того, кто сидел за прилавком. И не определил.

«Да, Гурием, — подхватил Гошка и продолжил, — так вот, мы хотим выбрать что-нибудь поновее из последней коллекции»

От всего происходящего в моих висках заломило, и в мозги просочилось понимание о наказании за неисполненную задачу. Я помотал головой, отгоняя наваждение и с изумлением увидел в Гошкиных руках свернутую тряпку необъятных размеров.

«Примерь, Гурий, — предложил он, — это недорого, можешь оплатить через сутки.»

Гошка так отчаянно был непохож на того дальнобойщика, которого я знал, что я сразу передумал вообще иметь с ним дело, настолько отвратительным он мне казался.

Я развернулся, отказываясь от покупки, и направился к выходу, тем более, что в моей голове снова зазвучал призыв к созиданию и последующему поощрению. Повинуясь ему, я шагнул на тротуар и невольно присмотрелся к моим потенциальным «друзьям». Мыслей и эмоций, наличие которых так пугало меня в самом начале моей миссии, я больше не чувствовал, их место надежно заняли идеи собственного благополучия. Идеи приобретали гипертрофированные формы, выползая на первый план и заслоняя собой любые стремления. Мои психологические размышления были нарушены глухим звуком, раздавшимся за спиной.

Я обернулся и увидел приземистую иномарку, ставшую участницей ДТП. От удара ее развернуло, перекрыв движение, а рядом с ней, прямо на асфальте сидела барышня и мерно покачивалась во все стороны. Со стороны все выглядело немного гротесково и не по-настоящему, однако авария оставалась аварией и требовала немедленной помощи. В то незамутненное время, когда я занимал почетную должность участкового терапевта и был связан клятвой Гиппократова, я обычно живее реагировал на подобные инциденты. И дело было вовсе не в клятве, мне реально хотелось оказать помощь и поучаствовать в процессе. Однако теперь я был призрак, к тому же передо мной стояли другие задачи, поэтому я просто молча пялился на сидящую на асфальте гражданку и ждал развития ситуации. Возле пострадавшей медленно собралась толпа и окружила место события неплотным полукругом. Граждане двигались размеренно, нехотя, и не было похоже, чтобы кто-то из присутствующих хотя бы вызовет неотложку, при этом многие довольно внятно возмущались и сочувствовали. Постояв и поснимав происшествие на телефоны, граждане неторопливо расползлись по своим делам, не желая втягиваться в чужие проблемы. На секунду мне показалось, что мне без труда удастся выполнить поставленную задачу, однако больше мне уже не хотелось наград и поощрений, мне хотелось увидеть своих прежних сограждан, активных и сострадательных, тех, которых я помнил при жизни.

«Забавный кадр, — прозвучал сбоку надменный голос моего знакомца, неизвестно откуда подтянувшегося к месту трагедии, — я часто попадаю на такие происшествия, последнее время мне феерически везет. Жаль только, что это видео не станет эксклюзивным, вы видели, сколько народу собралось?»

Слова Волкова рождали двойственные эмоции. Если бы он был журналистом, то они могли бы прозвучать вполне уместно, но Гошка был сортировщиком мусора, или металла, поэтому его жизнерадостные реплики вызвали у меня только отвращение.

«Я рад, что встретил вас именно здесь, — доверительно поведал мне Волков, — я обещал познакомить вас с премьерой спектакля, у меня как раз выдался свободный день. Пойдемте?»

Гошкино лицо радостно улыбалось, однако эта улыбка напоминала одну из масок безглазых уродов, оставленных мной за гранью. В ней так же не было ничего, что обычно таит в себе это нехитрое мимическое упражнение.

В моем распоряжении было еще несколько часов до того момента, когда мне нужно будет вернуться обратно и отчитаться за исполнение поручений. Обо всем этом я откуда-то знал без чтения договоров и трудовых соглашений. Мой альтруистический настрой сбился, и я решил потратить остатки земного времени на культурное развитие.

Храм Мельпомены, куда притащил меня навязчивый Гошка, выглядел ослепительно красиво и пафосно. Я никогда не был знатоком и ценителем театрального искусства, однако все же несколько раз наведывался под эти своды по настойчивым просьбам моей Ульяны. На этот раз огромный зал был до самых стен забит народом, по случаю культурного мероприятия, облаченного в наиболее яркие тряпки. Я все еще никак не мог разобраться в нынешней моде и очень был рад тому, что мои непрезентабельные шмотки никто не видит. Никто, кроме Волкова, но его оценочные суждения меня интересовали мало. Гошка протиснулся в центр партера и ловко опустился в бархатное глубокое кресло, предлагая мне занять соседнее. Я очень опасался, что кто-нибудь, заметив свободное место, рухнет на меня сверху, однако нам повезло, и этот ряд остался практически незанятым. Наконец, свет в зале начал меркнуть, а на сцене то тут, то там заискрились слабые отсветы, сигнализирующие о

начале представления. Тяжелый темный занавес медленно взмыл вверх, являя миру первую сцену спектакля. В качестве декорации посередине сцены была навалена огромная куча, со стороны напомнившая мне о массовой дефекации. Когда по обеим сторонам кучи вспыхнули софиты и осветили ее со всех сторон, я понял, что не ошибся в аналогиях. Потом зазвучала та самая чарующая музыка, уже однажды слышанная мной в стенах торгового центра. Под лязг железного тазика на сцену выпорхнули герои представления. Их было великое множество и в первую минуту они начисто заслонили своим мельтешением неэстетичную декорацию, но в последний момент одумались и, образовав хоровод, радостно затрепетали вокруг кучи. Момент, действительно, оказался последним, поскольку, обежав дерьмо пару раз, персонажи выстроились в линию и приветливо поклонились зрителям, после чего растворились по сцене. Занавес вздрогнул и плавно заслонил собой шедевр современного театрального искусства. Я ожидал какого-нибудь продолжения, однако благодарная публика, вскочив с мест, утопила актеров в оглушительных овациях. Мой спутник не стал отрываться от коллектива и тоже похлопал в ладоши, при этом победоносно поглядывая в мою сторону и отслеживая реакцию.

«Как вам? — с придыханием поинтересовался он, вытягивая меня из душного зала. — думаю, это достойно занять место среди ценителей»

«Хорошо, что оно такое короткое, — отыскал я подходящую случаю фразу, не зная, как реагировать на увиденное, — как назывался этот шедевр?»

Шедевр назывался «Путешествие в неизведанное с выхухолью в кармане, когда весь мир наслаждается первачом, или почему так нереально покорять обглоданную депрессию», о чем пафосно поведал мне мой продвинутый друг и неожиданно предложил отметить с ним это значимое мероприятие.

«Тоже насладимся первачом?» — наудачу предположил я и неожиданно услышал об открытии выставки модного художника декоратора. На мой взгляд, на весь следующий год я был обеспечен истоками прекрасного, и предложил Гошке просто пройтись по улице.

«Ты помнишь Кирилла, твоего интернатского приятеля?» — решил я вернуть восторженного Волкова к прозаическим темам.

Как выяснилось, Кирюха теперь стал известным поэтом и больше не желает иметь с невзрачным приятелем ничего общего.

«Я так и не научился ничему, — со вздохом признался Волков, — вы знаете, я даже пытался найти себя в музыке, но не вышло. Теперь я пробую свои силы в создании видео зарисовок. Это тоже сейчас модно, но пока у меня недостаточно материала.»

Мне хотелось приободрить Гошку и поинтересоваться, какие трудности вызывает железный таз и прилегающая к нему палка, однако, поглядев на его кислую физиономию, решил воздержаться от комментариев. То, что происходило сейчас в моем родном городе, рождало страх покруче безглазых монстров. Людям действительно нравилось то, что вызывало у меня много омерзения, а их духовные ценности приравнивались к уровню развития трехлетнего имбецила. Как могло все так измениться за неполных пару месяцев, прошедших с момента моей смерти? Мои страдания были внезапно прерваны нестерпимой болью, вызванной новой мыслью, взорвавшейся в мозгах.

«Пора возвращаться, немедленно, срочно!»

Я мгновенно выбросил из памяти недавние сожаления и зашагал в направлении закрытых дворов, ведомый чужой волей. Когда до кованых внушительных ворот оставались считанные шаги, мои виски сдавило и меня перебросило за грань.

Глава 26.

В потустороннем мире за время моего отсутствия ничего не изменилось. По улицам все так же скитались безглазые уроды, дожидаясь своего часа, а в тесной клетушке меня терпеливо дожидался Матвей. На мое появление он отреагировал привычными восторгами и неизменными объятиями, чем вызвал во мне новую волну недовольства.

«Не журишь, приятель, — дружески пробормотал он, втаскивая меня в каморку и сваливая на кровать, — ну с кем не бывает, получится в следующий раз. Ты думаешь местные после каждой вылазки притаскивают добычу? Как бы не так. Я знаю одного деятеля, который исправно выполняет первую часть миссии, а вторую неизменно запарывает. Я не сержусь на него. Все разные, вот даже ты, Гурий...»

Я сквозь полудрему слушал невнятное Матвеево бормотание, не придавая ему никакого значения, пока одна из его последних фраз не вернула мне бодрость.

«Что значит, не сердись? — переспросил я, а Матвей заметно смутился. — этот деятель твоя медсестра?»

Матвей тут же взял себя в руки и раскатисто захохотал.

«Разумеется, нет, — уже уверенней проговорил он, — я хочу сказать, я его понимаю и не осуждаю. Отдохни, приятель, убежден, твоя следующая вылазка станет твоим звездным часом!»

Мне было непонятно, откуда тихоня и домосед Матвей настолько хорошо осведомлен о текущей статистике? Я думал, что эти вылазки что-то невероятно секретное и особо важное.

«Тут все всё знают, Гурий, — приняв знакомый облик лектора-зануды забормотал психиатр, — просто они не видят в том никакого смысла, выполняя миссии, поэтому так безразличны. Но в целом, задумка жизнеспособна, как ты считаешь?»

«Какая задумка?»- сонно переспросил я, отчаянно претворяясь незаинтересованным.

Матвей некоторое время молчал, собираясь с мыслями, но наконец, взвесив все аргументы, заговорил снова.

«Ты же врач, Гурий, и наверняка в курсе, что после смерти жизнь имеет свое продолжение. Вот только ждать естественного обновления невероятно скучно и поэтому процесс немного ускоряют, наделяя уже имеющиеся формы новой программой. Человек обретает новое предназначение и возвращается в грешный мир жить дальше. Об этом тут знают все, это не секрет.»

Это-то мне было понятно, но для чего нужно втягивать в призрачный мир тех, кто еще довольно бодро перемещается в своем собственном и даже не думает умирать? Им для чего обновляться, если дело в этом?

Эти вопросы Матвей решил оставить без ответа, вероятно сам еще до конца не имея точных данных.

Несмотря на столь оптимистичные прогнозы доктора Матвея, мой звездный час наступать не торопился, меня больше не останавливали на улице агенты-зазывалы, я был лишен доступа к красной башне, однако теперь мог без ограничений покинуть каморку, даже если Матвей отсутствовал больше суток. Как-то я рискнул снова отправиться к темному мортuariю, спонтанно вырастающему в чистом поле. Я не был уверен на сто процентов, что именно сейчас величественные колонны появятся перед моим носом, но бездеятельность и пустое шатание по территории угнетали меня. Пока я брел вдоль тропинок, перед моими глазами то и дело возникали эпизоды моего последнего пребывания в большом мире. Матвей что-то говорил мне о новой программе, и эта мысль не давала мне покоя, и еще из

моей головы никак не хотел исчезать Гошка. При всей его нынешней омерзительности, я все же испытывал к нему весьма дружеские чувства и отчаянно хотел снова увидеть не жеманного ценителя псевдоискусства, а необразованного дальнобойщика, грубоватого и прозаичного. За всеми этими размышлениями я незаметно добрался до перелеска, за которым начинались чудеса. Правда в этот раз их начало несколько подзадержалось, заставив меня довольно длительное время проторчать на грунтовой пустой дороге.

Наконец я расслышал знакомый нарастающий гул и перед моими глазами заколыхалось неясное марево, постепенно обретая внятные черты. В этот раз я рискнул пробраться в так называемый операционный зал и познакомиться с принципом работы обновления. Проводить столь сложные манипуляции в старых крошащихся стенах, имея в арсенале только металлический стол, виделось мне сродни чуду, и я хотел знать, как именно работает этот процесс. На изъеденной всеми ветрами неровной стене я сумел разглядеть небольшое углубление, выполненное в виде неглубокой ниши, куда можно было вполне уместить тот самый монитор с разноцветными огоньками. Сейчас никакого монитора здесь не было, и все мои попытки вызвать его из небытия оканчивались ничем. Я проводил ладонями по шершавой поверхности, надавливал на разные неровности и выступы, культивируя в себе нарастающую злость. В отчаянии я пнул ногой по стене, и неожиданно из неглубокой ниши прямо на меня выполз небольшой экран. На его поверхности громоздилось множество файлов, представляющих собой некие программы, готовые к загрузке. Я наугад открыл некоторые из них и остолбенел, пытаюсь понять, что именно вижу перед собой. Каждый файл содержал алгоритм, включающий в себя множество данных, начиная от черт человеческого характера, заканчивая целевыми установками. В небольшой схеме была заключена целая жизнь отдельно взятого индивидуума, однако среди перечня задач и технических характеристик я не увидел ни слова о эмоциональном наполнении. В программе, кроме эмоций, отсутствовали установки на выполнение привычных жизненных задач, это была очень упрощенная программа, с минимумом запросов, стремлений и целей. «Так вот о каких программах упоминал Матвей,» — промелькнула мысль и сменилась ощущением небывалого холода, сковывающего движения. Такое состояние обычно посещало меня перед очередным заданием, но теперь мне больше не хотелось наград и поощрений. И ничего не хотелось. Об этом я сумел сообразить, только оказавшись на сырых Питерских улицах, сидя на тротуаре. Мое спонтанное перемещение не сопровождалось вручением обычных ритуальных смятых бумажек и обязательным сидением в кругу себе подобных и выглядело немного пугающе. Я осторожно поднялся на ноги, отряхнулся и неожиданно почувствовал дикое непреодолимое желание пожрать. Мне казалось, что я не видел продукты целую вечность, к тому же никаких производственных порывов я в себе больше не ощущал. Скорее всего все они были как-то связаны с теми трубками и волшебным цилиндром, но эти вопросы сейчас волновали меня не сильно. Прямо через дорогу располагался маленький частный магазинчик, смутно мне знакомый еще по моей прошлой земной жизни. Я уверенно пересек улицу и решительно распахнул дверь в подвальчик. Магазин занимал очень маленькое пространство и имел весьма ограниченный ассортимент сладостей и легких закусок. Я бессовестно потянулся к ближайшей коробке с печеньем и тут же был остановлен гневным окриком:

«Что вы себе позволяете, молодой человек? — донеслось из-за прилавка, — где вы видите надпись «самообслуживание»? Назовите, что желаете, я выдам вам товар!»

Кроме меня в зале не было ни души, и я несколько раз оглянулся, чтобы в этом

убедиться.

«Извините, — покаянно произнес я, — не знал, в следующий раз попрошу обязательно. Простите еще раз»

Мой растерянный тон продавщица приняла за высшую степень раскаяния и миролюбиво пробурчала:

«Да ладно, чего уж, с кем не бывает»

После чего, отобрав у меня печенье, водрузила товар на прежнее место. У меня напрочь отсутствовали деньги, да я уже привык пользоваться благами своей прозрачности, однако последние события подсказывали мне, что в мое призрачное существование вкрались перемены. Выскользнув на улицу, я на пробу пристал к прохожему, интересуясь количеством времени, погодой и направлением ветра. Прохожий, не меняя отрешенного выражения, прилежно перечислил мне данные и улыбнувшись, пожелал мне приятного дня. От неожиданности я не сразу сообразил, что мой нечаянный собеседник звучал как заведенная шарманка, а его улыбка напоминала шакалий оскал. Я обрел материальную оболочку, в этом больше не было сомнений, но это было единственное, о чем я мог говорить с уверенностью. Отдышавшись от обрушившихся перемен, я со всей отчетливостью осознал масштабы проблем, возникших вместе с моим неожиданным воскрешением. Единственным человеком, кто при моем появлении не грохнется в обморок и не закатит истерику, оставался все тот же Волков, поэтому я решил начать свою идентификацию с визита к сортировщику металла.

Волков был на рабочем месте, однако все его внимание было поглощено рассматриванием очередной картинки в телефоне. Сегодня это было изображение кирпича, лежащего на асфальте. Мое появление не вызвало у Гошки особенной эйфории, вместо приветствия он с гордостью протянул мне очередной свой шедевр и прокомментировал:

«Я три дня искал подходящий кадр, — поведал он, не отрывая восторженных глаз от расфокусированного творения, — мне кажется, что в этом ракурсе правильное легли тени, а сам объект выглядит более рельефно.»

С этими словами Гошка открыл мне еще с десяток картинок все того же кирпича и предложил сравнить. Я мало разбирался в кирпичах и ракурсах, но на мой дилетантский взгляд все они выглядели до отвращения одинаково. Мой приземленный отзыв вверх Волкова в продолжительное молчание, и по его окончании, он все же с обидой резюмировал:

«Вы зашоренный конформист и ретроград, не видящий красоту в простоте. Как вы считаете, стоит ее демонстрировать?» — не взирая на мои нелестные качества, поинтересовался Волков.

«Гоша, помоги мне, — вместо ответа попросил я, не слишком надеясь на отзыв, — я не могу вернуться в квартиру по некоторым причинам, можно мне переночевать у тебя, приятель?»

Неожиданное открытие, сделанное мной за гранью мира, наталкивало на разные мысли, первой из которой была мысль об искусственном замещении программ. Некто, поставивший перед собой безумную идею перезалить данные, с маниакальной навязчивостью тянет вполне живых граждан в потусторонний мир и меняет им реальность. Только этим я мог объяснить кардинальную смену имиджа моего приземленного приятеля, только этим я мог объяснить назначение всех вылазок, в которых мне приходилось участвовать. Цель этого проекта до сих пор оставалась для меня загадкой, но кое-что уже я знал, и этого было немало. На мою просьбу Волков только неопределенно хмыкнул, явно не желая копаться в моих проблемах.

«Понимаете, Гурий, — монотонно начал он, — сегодняшней день я собирался посвятить знакомству с творчеством восходящей звезды современной музыки и в мои планы не входило принимать гостей. Прошу меня извинить.»

Других способов провести ночь у меня не было, ночевать на улице я не привык, а обращаться за помощью к друзьям и родным, похоронившим меня два месяца назад, я бы не рискнул. Единственным возможным из оставшихся вариантов, было мое возвращение в квартиру, однако я не был уверен, что пронырливая тетюшка не оккупирует опустевшую территорию.

Мои опасения оправдались, тетя Надя и в самом деле в память обо мне прописалась в моей однушке, однако моему визиту не обрадовалась.

«Вам кого, молодой человек? — с вызовом произнесла она, настороженно приоткрыв дверь, — кто вы такой и какое право имеете вторгаться на чужую территорию?»

Ни на чью чужую территорию я вторгаться не собирался, до полугода эта квартира числилась за мной, однако тетя Надя решила не обращать внимания на такие мелочи. Я ожидал более эмоциональной встречи, но, припомнив Гошку с его невыразимой тягой к современному искусству, не удивился ничему.

«Мой приятель жил здесь пару месяцев назад,» — на всякий случай озвучил я, не желая провоцировать скандалы. Моя невинная фраза пробудила в тете Наде целый каскад возражений, который она тут же продемонстрировала мне.

«В этой квартире я прожила всю жизнь, молодой человек, — звеняще проговорила она, — а если у вас в том возникают какие-то сомнения, можете обратиться в жилищную компанию, там они поднимут все документы, в которых вы увидите, любезный, что там вписано только мое имя и никакое другое! Я не имею понятия о каких-то там приятелях, и если вы скажете, что тоже проживаете здесь, я применю силу, мало не покажется! Убирайтесь прочь, проходимец, иначе я вызову охрану!»

Тетя Надя, ту, которую помнил я, часто демонстрировала мне чудеса отсутствия интеллекта, но никогда не позволяла себе проявлять агрессию по отношению к посторонним. Для нее всегда существовало единственное незыблемое правило, которому она придерживалась — казаться в глазах других эталоном правильности и послушания. Она не пропускала ни одного общественного мероприятия, где главного участника могли вывалить в перьях, однако сама никогда не допускала к себе подобного отношения. Сейчас она демонстрировала крайнюю степень невоспитанности, а ведь я в ее глазах выглядел вполне посторонним. Я коротко извинился и поспешил покинуть негостеприимный дом. Ночевать под мостом решительно не хотелось, но других вариантов почему-то не придумывалось. За два месяца мир изменился настолько, что я перестал узнавать тех, кого, что называется, знал, как свои пять пальцев. На пробу я решил навестить Ульяну, больше не опасаясь обмороков и истерик.

Ульяна сидела в кабинете терапевта в ожидании пациентов и на мое появление отреагировала крайне индифферентно.

«Вам назначено? — отрешенно поинтересовалась она, равнодушно разглядывая мое лицо, — и если нет, то обратитесь в регистратуру. Или запишитесь на сайте.»

Ее голос звучал ровно так же, как голос встреченного мной прохожего, как голос возмущенной тети, как голос моего недавнего приятеля Волкова. Иными словами — никак. В их голосах отсутствовала жизнь, несмотря на то, что все они выглядели весьма бодро и румяно. Даже эстет Гошка в своем стремлении быть максимально приближенным к

прекрасному, звучал заученно и механически, как будто озвучивал готовую роль.

Я покачал головой, идя в отказ, и выскользнул на улицу.

Глава 27.

Гошка медленно брел по улице, внимательно посматривая по сторонам в поисках шедеврального кадра. Его прошлое творение набрало слишком мало положительных отзывов, поскольку не попало в жилу. Весь последний месяц, по уверениям специалистов-аналитиков, топовыми кадрами считались рожи пользователей во всевозможных ракурсах. Можно было отправить и просто свою физиономию без скандальных украшений, даже тогда она набрала бы в разы больше плюсов, чем все Гошкины творения вместе взятые. Гошка никогда не считал себя настолько привлекательным, чтобы светить рожей на уважаемых ресурсах, поэтому ограничился обычными кадрами. Сейчас, желая наверстать упущенные возможности, Волков с неудовольствием пялился по сторонам, отчаянно желая стать звездой интернета, чтобы утереть нос всем тем, кто искренне считал его неудачником. Внезапно за его спиной раздался скрип, лязг, грохот, сопровождавшийся отборнейшим матом и завершившийся глухим ударом о землю. Гошка обернулся в предвкушении скандального кадра и увидел сидящего на асфальте рабочего, не слишком удачно сверзившегося со строительных лесов. Строитель сидел пока в гордом одиночестве, не успев собрать вокруг себя толпу зевак. «Вот она, супер удача!» — мелькнуло в Гошкиной голове, и Волков помчался к месту события, на ходу вытаскивая телефон. Сделав несколько удачных, по его мнению, кадров, он, не обращая внимания на стоны и хрипы горе-работяги, включил видеозапись и принялся фиксировать эпизоды будущей нетленки. Вокруг постепенно собирались празднично шагающие граждане, от нечего делать останавливающиеся возле сидящего. Никому не было до несчастного бедолаги никакого дела, никому не хотелось взваливать на себя чужие проблемы. Гошка едва успел подумать о исторической ценности своего шедевра, как в его стройные мысли и в кадр тут же влез некий тип, принявшийся помогать пострадавшему. «Какого черта он лезет не в свое дело? — со злобой подумал Гошка, выключая запись, — неужели он рассчитывает, что этот нищелюб отплатит ему звонкой монетой за труды? Тут видно невооруженным глазом, что строитель живет от зарплаты до зарплаты и дожевывает последний кусок без соли.»

Нахальный тип осторожно приподнял беднягу и, усадив его на ближайшую скамейку, принялся названивать в спасательную службу. Толпа, потеряв интерес к происходящему, медленно разбрелась по своим делам, оставив пострадавшего работягу наедине с типом. Гошка решил досмотреть представление до конца и, если получится, заснять момент, когда вместо оплаты трудов, тип получит от ворот поворот. Приехавшая машина загрузила строителя в свое гудящее нутро и, замигав разноцветными лампочками, бодро укатила прочь. Только тут Волков наконец узнал в оставшемся гражданине того самого Гурия, что совсем недавно так бесцеремонно напрашивался на постой.

«Приветствую! — разулыбался Гошка, подходя ближе, — ничего так денек начался, согласитесь? Столько событий! Как вы думаете, это видео наберет рекордное число просмотров? Очень бы хотелось!»

Гурий как-то странно поглядел на сияющего Гошку и переспросил:

«Какое видео?»

Его интонация выдавала в нем совершенного профана в мире видео индустрии, поэтому толерантный Гошка принялся терпеливо объяснять ему принцип создания собственного имени и места под солнцем. Гурий хмурился, выслушивая основные правила публикаций и

продвижения, после чего немного испуганно переспросил:

«Вы говорите серьезно, Гоша? Не шутите, не стебетесь? Вы на самом деле считаете, что подобным шлаком вы поднимете себе рейтинг и станете знаменитым? Я помню одного парня, который не чурался любой работы, развозил товар, не взирая на усталость, мог проявить сочувствие и предложить помощь совершенно безвозмездно. Тогда я считал его немного неотесанным и быдловатым, но он был куда лучше вас, Георгий Волков!»

Гошка снисходительно выслушал сагу о лохе и неудачнике, и в его памяти возник сюжет о недавнем происшествии, очевидцем которого ему посчастливилось стать. Тогда в центральном административном здании случился пожар, и приехавшие пожарные лихо сбили пламя, вызвав у собравшейся толпы возглас одобрения. Тогда Гошка отчаянно пожалел, что сам не оказался среди этих молодцеватых ребят, облаченных в блестящие комбинезоны и выглядевших очень эффектно. Ликвидировав возгорание, они смотали брезентовую кишку и, прыгнув в машину, укатили в закат. В здании еще оставались люди, оно было полно дыма и копоти, но никому из пожарной команды и в голову не пришло оказывать им помощь. В конце концов, проблема стояла в возгорании, ее решили, а остальное были не их проблемы. Сейчас общество жило под этим девизом — нет проблем! Гошка искренне не мог понять того альтруистичного парня, который за бесплатно оказывал помощь и вообще тратил свое время на других неудачников.

«Почему вы не оказали ему помощь?» — продолжал наседать зануда Гурий, имея в виду сорвавшегося работягу. Гошка со снисходительной усмешкой поведал миротворцу, что тому криворукому платят за то, чтобы он не падал вниз слишком часто и выполнял свою работу. А если он не желает выполнять то, на что подписался, пусть сидит дома. Гурий снова уставился на Волкова, но теперь в его глазах читалось сожаление. Внимательный Волков с неудовольствием отметил про себя, что это сожаление адресовалось именно ему, Гошке, и почему-то ему захотелось как-нибудь загладить произведенное впечатление.

«Вам по-прежнему негде ночевать?» — хмуро поинтересовался он, стараясь не пересекаться глазами с Гурием.

«Негде, да, — охотно согласился тот и с усмешкой прибавил, — но у меня нет денег отплатить вам за услуги ночлега, если вы собираетесь мне предложить эти услуги»

Гошка неожиданно почувствовал дискомфорт от этого вполне разумного замечания. В мире было принято получать вознаграждение за свой труд, общество не принимало бескорыстия и всячески осуждало его, но почему-то прямо сейчас Гошка решил обойти общепринятые постулаты.

«Да ничего, — пробормотал он, — ночуйте так»

Гурий благодарно кивнул и двинулся следом за Волковым.

Квартира, в которой обитал Гошка, не предполагала проведение массовых скоплений, поскольку больше напоминала обычную комнату и размерами, и планировкой.

«Раньше тут коммуналка была, — пояснил Гошка протиснувшемуся внутрь гостю, — потом ее выкупили и переделали в отдельные квартиры. Не очень удобно, зато берут копейки за аренду. Располагайтесь!»

Гурий присел на край единственного дивана, давая понять, что уже расположился и готов включиться в процесс совместного проживания.

«Где вы работаете?» — поинтересовался практичный Гошка, приваливаясь к стене напротив. Своим вопросом он хотел намекнуть постояльцу, что даром кормить его не намерен, и что его обитание в этих стенах очень даже временное. Но Гурий, очевидно, не

понял подтекста и охотно рассказал, что некогда работал терапевтом в районной поликлинике, после чего особые обстоятельства навсегда лишили его возможности продолжать выбранную стезю. Последнее замечание вызвало у Гошки беспокойство. Все эти особые обстоятельства тащили за собой множество проблем и ничего хорошего не несли. Гурий, по-видимому, обладал особым даром прозорливости, потому что тут же пояснил напрягшемуся хозяину, что закона он не нарушал, что обстоятельства бывают разные и что беспокоиться не о чем.

«Я не планирую задерживаться здесь надолго, — с улыбкой успокоил он Гошку, — мне нужно решить одну небольшую проблему, тоже не имеющую отношения к УК, после чего, я надеюсь, вы по-другому посмотрите на мир, Гоша.»

Так Гошка обзавелся постояльцем. Гурий вызывал разные эмоции, от самых негативных, вызванных мыслями о его криминальном прошлом, до самых щемящих, рожденных неизведанным доселе чувством. Если бы Гошка мог дать ему определение, то неизменно бы нарек это чувство обычным человеческим состраданием, однако эти понятия никогда не упоминались в исторических анналах, и вместо них там фигурировали понятия о личной выгоде, о собственном благополучии и отсутствии проблем. Гошка был продуктом воспитания и старался придерживаться весьма удобных позиций, навязанных обществом, однако где-то в глубине его подсознания то и дело возникала неотступная мысль о том, что все, чему он поклоняется, омерзительно.

Гурий продолжал безвылазно сидеть в квартире уже целую неделю, чем вызывал у Гошки много вопросов. Первое время практичный и деловой хозяин наотрез отказывался вмещиваться в непонятную жизнь своего постояльца. Он заводил ничего не значащие беседы, проявляя гостеприимство, но это было все, на что хватало его прагматичной души. На третий день Гошка заметил, что его постоялец похудел и осунулся, и в Гошкином сознании заворочалось то самое неопознанное чувство. Волков списал эмоцию на нежелание создавать проблемы, вызванные возможной болезнью Гурия, и вечером Волков предложил постояльцу присоединиться к его шалашу, то есть ужину. Гурий был не из тех, кто стремится пожить за чужой счет, поэтому долго отказывался, продолжая заседать на диване. Но голод и природные потребности сделали свое дело, и спустя час показательных кривляний, Гурий активно смел со стола большую часть припасов Гошки.

«Я верну вам деньги, как только их заработаю,» — пообещал Гурий и снова уселся на диван. Как он собирался их зарабатывать, не шевелясь и не вставая с места, оставалось для Волкова загадкой.

Присутствие терапевта мешало Волкову заниматься творчеством и это обстоятельство немало смущало честолюбивого хозяина. Ему во что бы то ни стало хотелось стать знаменитым, получать сказочные гонорары и отбиваться от поклонников, но вот зануда доктор рушил все планы. Он ничего не говорил Гошке и даже иногда помогал выбирать из сонмища новых фотографий самый шедевральный шедевр, при чем делал это приветливо и без язвительных комментариев. Однако Гошке все равно казалось, что все это творчество полное херня. Однажды Гурий предложил Гошке прогуляться, видимо устав протирать единственный диван в квартире.

Волков никогда не отказывался от подобных мероприятий. Ему очень нравилось бесцельно шархаться по улицам, забредать в разноцветные искрящиеся здания и скупать там несъедобную кафешную хрень за бешеные деньги. Иногда Гошка обновлял в таких зданиях свой гардероб, заменяя истершийся балахон на другой, поновее. Это он считал

проведением культурного досуга и искренне считал, что обогащается духовно. Поэтому, когда непостижимый Гурий вместо пафосных мест предложил посетить банальную подземку, Гошка невольно скривился. Что хорошего может быть в обычном метро? Толкаться среди граждан и слушать, как завывают составы, удовольствие так себе, однако Гурий оказался настойчивым типом. Волков нехотя двинулся в сторону высоких тяжелых дверей, рассчитывая свалить от занудного доктора при первой же возможности. Гошка так загрузился собственными мыслями, что не заметил, как оказался на длинном эскалаторе. Он бессмысленно воткнулся взглядом в новое творение рекламного мастерства, предлагающего всем желающим стать счастливыми обладателями автоматического многофункционального ершика для унитаза. В Гошкином воображении тут же воскресли все возможные ершиковые функции и помешали осознать, что Гошкина нога неловко подвернулась на ступеньке, обрушивая своего обладателя на громыхающую лестницу. Гошка не удержался и бодро покатился вниз, отбивая себе бока. Пассажиры вежливо расступались перед Гошкой, расчищая ему дорогу и даже не делая попыток удержать парня от неминуемой травмы, поджидавшей его у подножия эскалатора. Когда до конца полета остались считанные секунды, Гошкину тушку кто-то ловко оттолкнул в сторону, мешая ему разбить голову о бетонную тумбу. Волков, едва сдерживая стоны и слезы, поднялся на ноги и увидел перед собой все того же доктора Гурия, с знакомой снисходительностью рассматривающего своего спасенного.

«Как себя чувствуешь, Гоша? — вполне мирно поинтересовался он, — можешь идти?»

Ходить Гошка несомненно мог, падение ободрало ему спину, ушибло ладони, но в целом он чувствовал себя в пределах нормы.

«Странный этот Гурий, — вкралась в непробитую Гошкину голову первая мысль, — стоило стараться ради постороннего. Ну да это мне только на руку, побольше бы таких альтруистов.»

Их дальнейший путь включал в себя бесцельное перемещение по подземелью на поездах всех направлений. Гошка откуда-то вспомнил, что однажды в глубоком детстве любил так кататься под землей, но сейчас это занятие вызывало в нем понимание впустую потраченного времени. Впрочем, пока они катались по станциям, Гошка тайком нащелкал с десяток кадров с изображением дверей и окон вагонов. Его фантазия уже выдала целый цикл картинок с названием «Подземная жизнь», когда Гурий подтолкнул его на выход.

Их станция имела обычный, ничем не примечательный вид одной из самых невзрачных станций питерского метро. Гошка попытался определить ее название, но их всегда было столько, что проще было пользоваться мобильным приложением для комфортного перемещения, чем запоминать их все. Волкову было любопытно знать, куда занесло их необычное путешествие и в каком районе города они очутились, но выяснить эти факты Гошке помешал все тот же непостижимый Гурий. Вместо того, чтобы двигаться в сторону эскалатора, доктор поволок Гошку к черному провалу, обнаруженному им в одной из стен станции. Провал выглядел устрашающе, однако смелого терапевта это не только не останавливало, но и наоборот, подбадривало и звало вперед.

«Включите фонарик, Гоша, — попросил он, осторожно шагая в крошечной тьме, — нам не нужно переломать тут кости.»

Гошка осветил мрачные своды и негромко выругался. В прохладном тоннеле со стен свисали провода, рождая ассоциации с гигантской паутиной, а где-то в глубине слышался приглушенный шорох, похожий на чьи-то тоскливые вздохи.

«Куда мы идем? — прошептал Гошка, и его голос весело запрыгал от стен, — что вы задумали, Гурий?»

Гошка часто смотрел ужастики про подвальных монстров, и сейчас в его воображении возникли все известные ему эпизоды по этой теме. Если они нас схватят, переполошится Волков, я никогда не смогу стать известным. Про меня никто не узнает, и я пропаду в этих катакомбах по вине чертового Гурия. От охватившего отчаяния, приправленного злобой на несправедливую судьбу, Гошка со всей силы саданул Гурия ногой и, развернувшись, бегом бросился обратно, забывая про все на свете. Гурий глухо охнул, и за спиной Гошка расслышал звук упавшего тела.

Глава 28.

Гошка вынесся на освещенную часть станции, с видимым облегчением всматриваясь в лица пассажиров, неторопливо перемещающихся по мозаичному полу. В целом, прогулка получилась запоминающаяся, думал Гошка, медленно плетясь к эскалатору. Вот если бы Гурий не валял дурака и с самого начала объяснил, какого черта он ломится в эту непроглядную тьму, приключение и вовсе могло бы стать одним из самых ярких за последние несколько лет. Гошка гнал из головы тот пугающий звук падения, что завершил эти спонтанные путешествия, прикидывая, чем ему можно заняться в оставшееся время. Перебрав все подходящие варианты, Гошка уставился на движущуюся лестницу и, внезапно развернувшись, опрометью бросился к тоннелю. Отыскав тот устрашающий провал в стене, Гошка смело двинулся вперед, подсвечивая себе фонариком и прислушиваясь к своим гулким шагам. Вполне могло стать, что непоседливый Гурий давно уже пересек экватор и теперь выполз где-нибудь на окраине города, преследуя одну ему понятную цель. Но что-то подсказывало Гошке, что доктор все еще где-то под этими сводами, и что ему срочно требуется помощь. Странное дело, но прямо сейчас Гошка даже и думать забыл о финансовой несостоятельности своего вынужденного соседа, об отсутствии собственной выгоды и о минимуме комфорта, сопровождавшего Гошку в этом подземном переходе. Наконец, спустя множество шагов и тысячу минут до Гошкиного слуха донесся едва заметный шорох, который можно было бы списать на игру воображения. Еще через пару шагов Волков выхватил из темноты скрюченную фигуру, в которой легко узнал неугомонного доктора.

«Гурий?» — прошептал Гошка, искренне боясь не услышать ответ. Однако фигура шевельнулась, вздохнула и прохрипела, странно выталкивая слова:

«Помогите мне, Гоша, кажется, я повредил связку, сам я идти не могу, хотя и пытался, разумеется.»

Гошка неловко протянул вперед руки, натываясь в темноте на Гурия, и попытался его приподнять. Доктор довольно легко встал, но на этом его возможности к самостоятельному передвижению исчерпались. Видимо, тот самый Гошкин пинок послужил причиной травмы, и от осознание этого очевидного факта Гошка откровенно смутился.

«Я прошу прощения, Гурий, — пробормотал он, радуясь, что темнота скрывает его смущенное выражение рожицы, — мне действительно очень жаль. Обопритесь на мою руку, пойдёмте, здесь недалеко.»

Гурий, охая и ругаясь вполголоса, тяжело перескакивал в крошечной тьме, рискуя вывихнуть оставшиеся конечности. Когда впереди замаячили отсветы станции, Гошка прислонил доктора к стене и бодро проговорил: «Постойте тут, Гурий, я позову помощь»

В глубине души Гошка сильно сомневался, что сумеет выполнить данное обещание. Группа спасения, узнав об отсутствии у Гурия страховки и наличных, тут же развернется обратно, таковы правила. Хочешь получить услугу — плати. На удачу Гошка обрисовал ситуацию дежурной по станции, тактично промолчав про полное отсутствие средств у пациента. На ее уточняющие вопросы про деньги, Гошка уверенно кивнул, не зная, как будет объяснять нестыковки вызванной группе. Через рекордно короткое время на место прибыли brave сотрудники спасения, вооруженные огромными чемоданами с необходимыми

препаратами. Нацепив на суровые лица героические маски, все трое в сопровождении Гошки решительно шагнули в темноту. Гошка уверенно провел их по тоннелю и, указав на пострадавшего, предложил оказать ему необходимую помощь. Гурий только хмыкнул, когда на все спасательские вопросы о наличии страховки, Гошка начал вдохновенно врать, что доктор Гурий не только обладатель полиса, но и счастливый владелец огромного банковского счета, а в свободное от финансовых сделок время занимается сталкерством и промышленным альпинизмом.

«Предъявите страховые бумаги,» — деловито потребовал спасатель, не обращая внимания на сидевшего возле стены магната Гурия.

«Но согласитесь, — тут же отозвался Гошка, — никто не станет таскать с собой кучу документов, выходя на прогулку, Гурий предъявит их позже, вколите ему хотя бы обезболивающее, а он дойдет до дома и расплатится с вами»

Эти аргументы никак не подействовали на бравую команду, и все трое, синхронно развернувшись, зашагали назад, напоследок озвучив ставшую всеобщим девизом фразу «Каждый труд должен быть оплачен». Гошка негромко выругался, и обернувшись к Гурию, обнадеживающе пробормотал:

«Скажите спасибо, что они не вкатили штраф за ложный вызов, дружище. Пойдемте, по дороге я видел аптеку»

Пока они выбирались из метро, Гошка то и дело ловил на себе снисходительные взгляды прохожих, в которых явно читалось презрение к недалевидному лоху, исполняющему чужие обязанности. Правда некоторые из прохожих все же равнодушно кивали головой, якобы выражая сочувствие, но даже в том, как они это делали, читалась откровенная жалость.

«Что не так с этими людьми? — пробормотал доктор, когда они выползли наконец, на поверхность, — откуда столько равнодушия? Ведь подобное может вполне случиться с каждым из них?»

Гошке было странно слышать такие вопросы из уст взрослого человека. Так было принято в этом мире — каждый сам за себя. Проявление сострадания — проявление слабости, так внушалось всем, начиная со школьной скамьи и никто не видел в подобном утверждении ничего предосудительного.

Дома Гурий сам наложил фиксирующую повязку, закинул в рот пару таблеток анальгетиков и растянулся на диване, лишая Гошку возможности даже присесть. Каждый сам за себя, так кажется звучал местный девиз.

Гошка смущенно топтался рядом, ощущая странную неловкость от присутствия Гурия. Почему-то, когда он был рядом, Волкову начинало казаться, что мир, окружающий его, ненастоящий, что люди, ежедневно виденные им повсюду, играют какие-то навязанные роли, настолько неестественно теперь выглядело в Гошкиных глазах их поведение. А спустя некоторое количество времени Гурий начал задавать вопросы, от которых Гошке становилось откровенно не по себе. Как-то, сидя на все том же диване и баюкая покалеченную ногу, доктор задал Гошке первый такой вопрос.

«Гоша, вы помните свое детство? Как оно прошло?» — интонация и сама тема беседы звучала располагающе, уютно и по-домашнему, однако простой вопрос заставил Гошкино сердце колотиться у горла.

«Обычно, — пожал он плечами, — как у всех.»

И неожиданно понял, что больше ничего не может добавить к сказанному. Картинки,

рисующиеся в его памяти, напоминали обрывки рекламных буклетов про детские санатории и базы отдыха. До нынешнего дня Гошка считал это вполне обычным, и не придавал никакого значения тому, что не может вспомнить имена своих друзей, с которыми он проводил свое детское время.

«Чем вы занимались, когда вам было пять лет, Гоша? — продолжал интервьюировать доктор, — вот когда мне было шесть, я полез с пацанами на гаражные крыши и сорвавшись, разрезал ногу. Было очень больно, а главное, очень обидно, потому что из-за этого меня не взяли на рыбалку с ночевкой. Вы когда-нибудь ездили на рыбалку?»

Гошка ни разу не слышал такого понятия, поэтому с сожалением пожал плечами, отчаянно вспоминая, о чем он мог бы рассказать любопытному Гурию.

«Однажды я ездил на какую-то экскурсию, — неуверенно начал Гошка, ворочая в памяти непослушные обрывки, — хотя, это я кажется видел в каком-то фильме. Нет, Гурий, я ничего не могу вспомнить из своего детства. Не знаю, почему, не спрашивайте»

От подобных упражнений у Гошки разболелась голова и потемнело в глазах. На краткий миг перед внутренним взором промелькнула широкая мраморная лестница с покрашенными в коричневый цвет деревянными перилами и исчезла, оставляя странные сожаления.

«Как звали вашу первую девушку? — не отставал Гурий. — эти знания навсегда остаются в голове, даже если и имеют негативные оттенки. Моя первая девчонка училась со мной в одном классе, нам было пятнадцать, и я пригласил ее в гости. Лиля страшно смущалась, и до самого главного у нас так и не дошло, однако эти воспоминания живы во мне до сих пор. А вы, Гоша, каким был ваш первый раз?»

Какой странный доктор, в который раз подумал обескураженный Волков, слушая столь интимные откровения. Ему хотелось тоже рассказать Гурию что-нибудь шокирующее, однако, кроме понимания необязательности создания семьи и воспитания детей, в голову ничего не лезло. В современном обществе не пропагандировалось семейное счастье, как таковое, удачно заменяясь на постулаты об удобном одиноком существовании. Отсутствие ответственности, избавление от обязанностей, а также низкие моральные планки делали современных людей свободными, а значит, счастливыми. Это все, что мог отыскать Гошка в своей гудящей голове. До этой минуты Волков воспринимал себя абсолютно самодостаточным и счастливым, поскольку жил один, детей не имел, ответственности не нес, а насчет морали предпочитал не задумываться надолго. Но именно в эту минуту он остро позавидовал сидящему на его диване безработному, неизвестному и нищему бродяге, неизвестно откуда свалившемуся на его голову. У Гурия были воспоминания его собственной жизни, ни обезличенные и усредненные, а лично его, и это делало самого Гошку необычайно пустым. Мимолетные знакомства, легкие и приятные, поощряемые всеми, теперь воспринимались Гошкой как что-то в высшей степени омерзительное и тоже пустое.

«Расскажите мне что-нибудь о ваших друзьях, — неожиданно для себя попросил Гошка и присел прямо на пол. — пожалуйста, я хочу знать.»

«Я не могу назвать того человека своим лучшим другом, — тут же с готовностью отозвался Гурий, — я даже сомневаюсь, что он успел мне стать просто хорошим приятелем, однако я хорошо его запомнил. Он воспитывался в интернате, куда привела его собственная мамаша, наигравшись со своим бойфрендом в дочери-матери. Но несмотря на суровые казенные условия, он вырос вполне отзывчивым человеком, хоть и не слишком грамотным. Мне запомнилась его вечная готовность поддержать, прийти на помощь, весьма редкие

качества в современном мире, согласитесь? Он очень хотел казаться брутальным, незэмоциональным, однако его широкая душа никак не позволяла долго таскать эту маску. Он был очень сострадательным. Ну и смелым, само собой. Я не отказался бы снова увидеться с ним.»

Гошка слушал весьма обрывочные и размытые сведения и больше не испытывал неприязни к тому неизвестному. В нем рождалась зависть, но это была здоровая зависть, замешанная на уважении.

«У вашего недоприятеля было какое-нибудь имя? — проговорил Гошка, когда Гурий примолк, — и почему вы все время говорите о нем в прошедшем времени, что с ним случилось?»

«Он умер пару месяцев назад, от сердечного приступа, так сказали врачи, но я склоняюсь к мысли, что сам я немало поспособствовал его уходу. А звали его, по странному стечению обстоятельств, так же, как и вас, Георгий. Однажды он рассказал мне весьма забавный случай, произошедший на школьной линейке. Это был самый первый день, проведенный Гошей в городской школе.»

Пока Гурий излагал свои мемуары о почившем приятеле, перед Гошкиными глазами промелькнула та самая мраморная лестница с крашеными перилами и ощущение весьма болезненного полета, позволившего пересчитать те самые ступени собственной задницей. Еще до того, как Гурий решил продолжить повествование, Гошка знал, чем оно окончится.

«Тот ваш приятель свалился с лестницы, под хохот всей школы, а после еще долго не мог сидеть на отбитой заднице,» — торопливо пробормотал Гошка и испуганно примолк, поразившись выражению лица своего постояльца. Оно выражало откровенное торжество.

«Да, Гоша, так и было, — улыбнулся доктор, — я же говорю вам, тот человек оказался невероятно сильным и упрямым. А сейчас, я предлагаю немного поспать, моя нога немного поутихла и может мне предоставить небольшой отдых.»

До самого рассвета Гошка вертелся на полу, вспоминая не сколько рассказы загадочного Гурия, сколько те ощущения, что возникали следом за ними. Гурий ясно сказал, что его приятель умер пару месяцев назад, но в этих весьма конкретных словах все равно слышалась недосказанность. Желая немного отвлечься, Гошка вытянул из кармана свой телефон и открыл сделанные вчера фотки. На всех десяти изображениях фигурировали темные окна и двери с надписями «не прислоняться». По Гошкиной творческой задумке, эти фото могли бы стать частью коллекции, способной поразить воображение пользователей. Так было вчера днем, пока замысел зрел и креп, сейчас же все это выглядело белой мутью, без смысла и подтекста. Гошка без сожаления удалил весь бред, приготовленный к публикации и на пробу открыл предыдущие свои работы. За последние сутки они все набрали по паре сотни плюсов, а под некоторыми висели весьма обнадеживающие комментарии на тему «так держать». Гошка еще раз внимательно рассмотрел шедевры и тоже без сожаления выкинул их с публикации. Валяющейся на земле кирпич и смятая салфетка на полу кафе, возможно, и выглядела эстетическим апофеозом в чьих-то глазах, но теперь Гошка видел в них просто салфетку и кирпич. «Какой ерундой я занимаюсь? — пронеслось в голове, — Гурий тысячу раз прав, тупой интернатский воспитанник куда умнее, чем я.»

После этого в голову полезли мысли о собственном образовании, о котором Гошка тоже имел весьма смутное понимание, потом он еще пару раз обратился к рассказам постояльца, а потом крепко заснул.

Среди ночи Гошку подбросило над полом, и в его безмятежные сны ворвался оглушительный треск, от которого Волков распахнул глаза и уставился во тьму. На долю секунды Гошка оставался в уверенности, что все это ему привиделось, однако реальность говорила о другом. Откуда-то с улицы неся нарастающий гул, сменяющейся загроможденными криками и сиренами. Гошка кое-как замотался в свой безразмерный балахон и, пробормотав проснувшемуся соседу что-то о своем скором возвращении, понесся по ступенькам. На сонные улицы неторопливо выползал разбуженный народ, в любопытстве оглядывающийся по сторонам в поисках источника шума. Источник оказался через перекресток и был вызван обрушившимся жилым многоэтажным домом, жильцы которого в панике толпились на улице. По одной из версий, подслушанных Гошкой, причиной обрушения стало его аварийное состояние, поскольку ни возгорания, ни влияния внешних факторов на первый взгляд не наблюдалось. Просел целый подъезд, и наверняка под завалами прямо сейчас находились живые люди, которым требовалась помощь, но никто из толпы зевак не делал даже шага в направлении к пострадавшему зданию. Гошка ожидал, что, хотя бы спасательная команда, приехавшая на место трагедии, примется за выполнение своих обязанностей. Но команда что-то долго выясняла у какой-то заспанной тетки, замотанной в очень домашнее одеяние, после чего погрузилась в машину и отчалила в неизвестном направлении. Гошка, привыкший к установленному правилу «заплати и получи», сразу же подумал, что жильцы не оплатили какую-нибудь очередную страховку и поэтому сейчас вынуждены выкарабкиваться из-под завалов собственными силами. Вчера Гошка посчитал бы данные решения законными и справедливыми, однако чертов Гурий внес в его мозги небывалую сумятицу и вынудил рвануть к обломкам. Гошка имел очень смутное представление о правилах спасения в подобных случаях, однако понимание того, что возможно, кого-нибудь ему удастся спасти, придало ему сил и уверенности. Любопытствующие граждане проводили его ободряющим гулом и продолжили вполголоса обсуждать случившееся. Гошка осторожно поднялся по обвалившимся частям здания до самого пролома и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука, если исключить едва слышное бормотание, в котором Гошка с изумлением узнал работающий приемник. Бестолково покружившись на одном месте и осознав бесполезность затеи по причине полного незнания правил спасения, Гошка спрыгнул обратно, и отправился домой, не в силах вынести явный сюрреализм ситуации.

«Ну неужели так бывает? — возмущался он, рассказывая Гурию подробности трагедии, — целая бригада спасателей, да они за один рейд смогли бы вытащить всех разом, там, как я понял, половину расселили, а та, что дожидалась очереди, жила на нижних этажах, они пострадали не слишком. Но каковы граждане, Гурий! Неужели так сложно было сообща проверить развалины?»

Гурий с интересом прислушивался к рассказу и казалось и вовсе не удивлялся тому, что слышал. Вместо уточняющих вопросов по теме, он попросил Гошку рассказать ему про выпускной в его интернате. Гошка осекся на полуслове и нехотя пробормотал:

«Да что там рассказывать, интернат не слишком заморачивался, вручили аттестаты, малышня спела песенки и всех выгнали под трогательное напутствие, что за интерес, Гурий? Кстати, давно хотел у тебя спросить, почему ты Грошик? Что за странная фамилия?»

Гурий многозначительно хмыкнул и сделал попытку подняться на ноги.

«Я так понял, что память к тебе вернулась, Георгий Волков? Под влиянием трагических событий? Или после моих наводящих вопросов? А может там, за гранью, никто и не собирался менять твою программу, а, Гошка, а просто на скорую руку набросал примерный

алгоритм, первый, что попался под руку? — бормотал он, обращаясь к самому себе, — но в любом случае, этого наглого типа, что так беспардонно вламывается в чужие жизни, нужно остановить, Гошка, иначе, эти завалы станут самым безобидным событием за последующие месяцы.»

Слова Гурия, по началу звучащие странно и непонятно, неожиданно стали складываться в стройную цепочку, возвращающую Гошке те самые потерянные воспоминания и пугающие приключения.

Он глупо хлопал глазами, заново узнавая Гурия Грошика, доктора-терапевта из районной поликлиники, а также припоминая безглазых уродов и таинственную башню, и собственную смерть от сердечного приступа.

«Но я же настоящий, — озвучил Гошка первую здравую мысль, — я работаю на каком-то там заводе, я все это время был уверен, что там работаю, почему я ни разу не вспомнил свою грузовую контору, и вообще, Гурий, что происходит?»

Невероятный Гурий поведал растерявшемуся Волкову удивительные факты, сломавшие воскресшему Гошке мозги. Как оказалось, там, за гранью, некто проводит весьма увлекательные операции, создавая новых людей, без проблем и потребностей, воруя их из этой реальности и наделяя новой программой. Новые люди не имеют чувств, эмоций, забот и проблем, они исполняют некий заученный ритуал, очень напоминающий настоящую жизнь, но ей не являющуюся. Это болваны, марионетки, имеющие привычную внешность и непривычное мышление.

«Я почти выяснил принцип этого процесса, я видел те самые готовые программы, примитивные и куцые, — убежденно рассказывал Гурий то, чему, очевидно, явился свидетелем, — таинственному типу нужны реальные персонажи, поскольку ждать появления естественных форм у него, вероятно, нет времени. Чтобы сознание, память, а также внешность, полностью исчезли, подготовив тем самым почву для создания нового образа, на это требуется годы, а он явно, не желает этого ждать. Поэтому и штопает болванки искусственно, чтобы потом использовать готовые образцы уже живущих людей, просто копируя их внешность. В болванки заливается программа, украшается привычной рожицей, и, вуаля, новый человек готов. Топорно, быстро и незаметно. Никто не заподозрит подвоха, потому что уже привыкли к своим друзьям и соседям, а то, что они стали немного другими, то это понимание придет не сразу. К этому времени большинство из них тоже подвергнется замене. Тип очень торопится и поэтому создал себе целую армию помощников, которые выполняют грязную работу, просто получая поощрение. Некоторым живым людям этого вполне достаточно, чего уж говорить о покинувших этот мир, с наполовину растворившимся сознанием. Мне непонятна цель этого проекта, а также я хотел бы знать, кто стоит за всем этим. Я был близок к разгадке, но почему-то оказался в нашем мире, живой и настоящий. Вероятно, тут тоже не обошлось без вмешательства этого типа. Но знаешь, Гоша, что самое неприятное в этих переменах?»

Гошка медленно качнул головой, видимо, все еще никак не осознав всю реальность услышанного.

«То, что теперь мы лишены возможности видеть безглазых уродов,» — со вздохом поделился Гурий, а Гошка подавил в себе порыв успокоить чувствительного доктора, напомнив ему о полной непривлекательности штопаных красавцев.

«А значит, мы теперь не узнаем, насколько долго затянется этот проект, и вряд ли сумеем ему помешать. Наше воскрешение несет нам множество неудобств.» — добавил

Гурий и, наконец, замолчал.

Глава 29.

Наше воскрешение в самом деле несло за собой множество проблем, одной из которых стал вопрос моего трудоустройства. Восстанавливать документы, возвращаться в районную поликлинику и как-нибудь по-другому заявлять о себе грозило мне долгими разбирательствами и черт знает, чем еще, учитывая нынешнюю нестабильную обстановку, поэтому я с легкостью принял Гошкино предложение занять скромный кабинет медицинской помощи на территории его завода. Я не рассчитывал на самом деле получить там место, поскольку ничем не мог доказать свою причастность к врачебному ремеслу, но, как выяснилось, этого и не требовалось. Возле железных ворот меня поджидала суровая дама, выполняющая на предприятии неясные функции, и без лишних вопросов проводила меня к медпункту, расположенному на первом этаже. Она так же молча распахнула передо мной дверь и, ткнув пальцем в одинокий стол, гордо удалилась. Весь первый рабочий день я терпеливо ожидал какого-нибудь подвоха в лице охраны или конной полиции с требованием предъявить документы. Однако прошел день, закончился второй, начался третий, а на моем пороге так никто и не возник. Я не обнаружил в кабинете ничего, что говорило бы о его медицинской роли в жизни завода. Его вполне можно было бы использовать под склад бытовой техники, гардеробную, кабинет директора, или общественные душевые. Покрутившись на почти пустой территории, я присел на край стола и принялся ожидать начала трудовой деятельности. На третий день в обед ко мне заглянул Гошка и, оглядываясь, потерянно оповестил меня, что больше не согласен работать в этом дурдоме.

«Гурий, то, что казалось мне важной и нужной работой еще неделю назад, можно вообще не выполнять. Я потратил два дня на сортировку мало габаритного лома, собрав из него тридцать три кучи, но сегодня приехал погрузчик и свалил все эти кучи в кузов самосвала. Для чего я старался, Гурий? А нынешним утром мне сказали выкрутить сто сорок четыре гайки из какой-то жлыги, предназначенной на переплавку, после чего собрали и гайки, и жлыги и закинули в печь. Мне платят за это деньги, Гурий, но я не вижу в своей деятельности практической пользы.»

Я вполуха слушал Гошку и жонглировал одной единственной мыслью о еще вполне адекватных заводских работах. Те хотя бы умеют работать с погрузчиком.

Моя заводская медицинская деятельность долгое время продолжала оставаться чисто номинальной, поскольку ко мне никто из сотрудников не заходил, на здоровье не жаловался, травмы не получал. Последний озвученный факт был вполне объясним полным, совершенным бездельем, в котором дюжие мужики проводили все свое рабочее время. Я изредка покидал свою каморку и праздно шатался по единственному цеху, погруженному в пугающую тишину. Пугающей тут была не только тишина. Картины общего запустения наводили тоску, рабочие, вместо того, чтобы как-то разнообразить свое ничего неделанье, молча стояли возле стен и пялились в пространство. Когда я увидел это в первый раз, в мою голову пришла очевидная мысль о случившемся несчастье, и я даже машинально поискал глазами пострадавшего, из-за которого встала вся работа. Однако пострадавших не было, люди просто ждали окончания рабочего дня. Вечером я поинтересовался у своего соседа, чем вызвана такая забастовка, на что получил неуверенный ответ:

«Я и сам ничего не понял, Гурий. Сначала тот, кто отвечает за работу плавильной печи, погасил все приборы и никому ничего не объясняя, отошел к стене. Остальные, осторожно уложив на пол то, что в тот момент держали в руках, сделали тоже самое, и с той поры эти

люди приходят в цех, просто, чтобы постоять у стен. Они не разговаривают, не ругают начальство, не делают ничего. Гурий, я в эти моменты сбегая на улицу и выкуривая по целой пачке, пока набираюсь смелости снова наблюдать эту картину.»

Гошка помолчал немного и добавил:

«Правда, у нас кончился металл и перерабатывать стало нечего, но Гурий, я совсем не так представлял рабочие перерывы. В пору моей погрузочно-водительской деятельности мои коллеги в период затишья неизменно уходили покурить или вытаскивали съестные запасы, а если дело катилось к закату, то особо смелые доставали пузырек. Ну или просто трепались ни о чем.»

Возможно, я и сам немногим отличался от заторможенных работяг, бродя по территории в поисках впечатлений, но об этом я не стал рассказывать непривычно эмоциональному приятелю. На следующий день после нашего разговора мне нашлась работа по специальности. Рано утром ко мне на порог ввалилась необъятная туша, в которой я не сразу признал одного из грузчиков цеха, высокого сильного мужика спортивного сложения. Кажется, его звали Анатолий, но в том я уверен не был, а сам мужик мне не представился. Вместо приветствия он уселся на край моего рабочего стола и равнодушно протянул ко мне раздутую ладонь. Я видел его однажды в компании Гошки, когда тот демонстрировал ему свои картинки, но за это время Анатолий невероятно потолстел, превратившись в некое подобие шара, однако эти изменения, казалось,нисколько не тревожили заводчанина. На его ладони отчетливо был заметен неровный шрам, давно затянувшийся и беспокойства не вызывающий, однако я на всякий случай поинтересовался:

«Вас тревожит этот шрам? В чем это проявляется?»

Анатолий помотал головой, опровергая мои предположения, и глухо пробормотал:

«Я не знаю, доктор. Я не помню, откуда у меня этот шрам.»

Наш полудиалог имел оттенки полного неадекватности, поскольку странный тип убрал распухшую руку в карман и, соскочив со стола, покинул мой кабинет. Спустя пару минут я отчетливо расслышал глухой удар, и в щели моего кабинета поползла удушливая сладковатая вонь. Распахнув дверь, я натолкнулся на моего недавнего посетителя, вольготно расположившегося в тесном коридоре. Его внушительная раздутая туша странным образом осела и теперь источала миазмы, грозившие неизбежным уничтожением всего сущего. Я, сдерживая рвотные позывы, наклонился над Анатолием и с суеверным ужасом увидел, что тот мертв. Его пухлые руки безвольно вытянулись вдоль тела, а сдвнувшаяся рожа выражала крайнюю степень безразличия.

Мне казалось, что феерическая вонь накрыла завод вместе с крышей, и сейчас сюда сбегутся все, кто умеет бегать, однако спустя полчаса по моему вызову приехала только команда медиков и погрузила тело в машину, не задав мне ни одного вопроса. Я собирался излагать обстоятельства так, как они мне запомнились, подписывать бумаги и отвечать на вопросы, однако ничего этого мне не пригодилось. Команда уехала, оставив меня проветривать помещение. Распахнув окна, я вышел на улицу и с наслаждением втянул относительно свежий воздух.

«Что тут произошло? — прозвучал рядом Гошкин голос, заставивший меня вздрогнуть от неожиданности. — я видел, как отъезжала машина»

Я рассказал ему в двух словах о визите Анатолия и неожиданно понял, что именно напомнила мне источаемая Анатолием вонь. Это был запах тления, такой, какой обычно бывает у разложившихся останков. Грузчик не мог так стремительно разложиться, будучи

живым всего пару минут назад, такое происходит значительно позже и все, что произошло сейчас в моем кабинете рождало во мне суеверный страх.

«Я мало с ним общался, — тихо отозвался Гошка на мои расспросы о несчастном сотруднике, — он всегда выглядел огромным, а в последнее время его просто невероятно разнесло. Пару недель назад я видел в нем только человека, который не следил за собой, и он вызывал во мне жалостливое снисхождение, но дня три назад я вдруг подумал, что у него явные проблемы со здоровьем. Впрочем, так и оказалось. Почему он умер, Гурий?»

О причинах смерти, как я надеялся, нам расскажут специалисты, проведя необходимые процедуры, но прошел день, потом неделя, а с анатомички не раздалось ни звука. Все напоминало откровенный сюр, разбираться в котором у меня не оставалось желания. Меня самого затягивало это болото вселенского равнодушия, и я, обычно будучи человеком довольно сострадательным, просто выкинул событие из головы.

Глава 30.

Наша размеренная производственная жизнь больше не выбивалась за привычные рамки, в которых каждый новый день с точностью до жеста напоминал предыдущий. По выходным Гошка таскал меня культурно обогащаться, правда теперь в его интонации звучало значительно меньше восторгов и придыханий.

«Что за херня привлекает людей? — грубовато сокрушался он, рассматривая горожан, — неужели сидеть в куче мусора настолько почетно?»

Последнее высказывание относилось к городским пейзажам, за последние недели претерпевших значительные перемены. Некогда чистый ухоженный город тонул в обрывках оберток, пластиковых бутылок, другого бытового мусора, беззастенчиво раскиданного гуляющими по заросшим сорняком газонам. Сами же горожане имели крайне запущенный вид, но при этом каждый из них старался продемонстрировать остальным высшую степень эстетической культуры. То тут, то там прямо на асфальте сидели уличные музыканты, не имеющие никакого отношения к тем исполнителям, к которым я привык. Сейчас все они были снабжены алюминиевыми тазами и внушительного вида палками, при помощи которых извлекались чудовищные звуки. Эти звуки заставляли прохожих останавливаться и трепетно внимать прекрасному, закатывая глаза и роняя мелочь в перевернутые шляпы. От всего этого меня душило омерзение, однако остальные, кажется, были довольны, ну, кроме Гошки, который в ответ на все это, только виртуозно матерился.

Меня все реже тянуло покидать тесную Гошкину квартиру, и я старался ограничивать свои вылазки скучными походами в магазины. Как-то в одном из магазинов я натолкнулся на одного типа, проживающего в соседнем доме. Его я часто видел на улице, бесцельно слоняющегося вдоль тротуара. Первое время после своего полноценного возвращения в мир живых, я настороженно рассматривал улицы и проспекты, ожидая встретить безглазых чудищ. Эти упражнения продолжались до того момента, пока я не сообразил, что больше не обладаю подобными способностями. Именно тогда я обратил внимание на странного типа с лихвой заменившего мне всех безглазых уродов вместе взятых. В его внешности не было ничего примечательного, он был довольно тощ и высок, но его манера гулять обращала на себя внимание. Он перемещался мелкими шажками, останавливался, делал пару-тройку широких шагов и снова семенял десяток метров. После чего разворачивался и возвращался обратно, иногда увеличивая дистанцию. Я хорошо его запомнил, поэтому немало удивился, когда увидел, что из стройного подтянутого человека он превратился в толстого увальня с откровенно разожравшейся рожей. Он купил что-то крайне низкокалорийное и протиснулся

на выход, не забывая применять свою чрезвычайно любопытную технику ходьбы. Я успел подумать о том, что замысловатая походка мало помогла сохранить фигуру, когда тип резко замер и беззвучно рухнул на землю. Его раздувшиеся формы медленно осели, а до меня донеслось знакомое зловоние. Подходя к пострадавшему, я уже понимал, что ничем не смогу ему помочь, но чувствуя за собой врачебную ответственность, все же проверил ему пульс. Его ожидаемо не оказалось, и я снова звонил санитарной команде. Вокруг стала стекаться толпа зевак, безразлично рассматривая лежащего на земле человека и нисколько не смущаясь удушливой вони, окутавшей все в радиусе ста метров. Приехавшие медики погрузили тело в машину и, привычно не задав ни одного вопроса, укатились прочь. Это был уже второй случай за последние десять дней, произошедший на моих глазах, и он вызывал у меня много сомнений. Возможно, оба несчастных страдали каким-нибудь похожим заболеванием, однако я впервые наблюдал подобные симптомы. Машинально я достал телефон и открыл новостную ленту. Там на все лады обсуждались проблемы гендерной самоидентификации и о трагических случаях не упоминалось. Возможно, они были настолько единичны, что на них просто никто не обратил внимания.

По понятным причинам, есть мне расхотелось вовсе, и я решил вместо ужина немного побродить по улицам. Помимо воли во время прогулки я то и дело высматривал в толпе разъевшихся толстяков и с нездоровым интересом искал в их внешности симптомы смертельных заболеваний. Ничего похожего в глаза не бросалось, тем более, что и подобных персонажей встретилось мне крайне мало. Вечером я рискнул вернуться к Гошке и застал приятеля сидящем на единственном диване с абсолютно потерянной рожей.

«Гурий, — едва увидев меня, начал он без всякого предисловия, — сегодня я проторчал в цеху до окончания работы, а после пошел домой, и знаешь, что я увидел по дороге?»

Еще до того, как Гошка начал свое повествование, я уже знал, какова будет его концовка. А еще через день в новостной ленте появились первая информация о похожих случаях. Правда в интерпретации журналистов, смертельные финалы подстерегли несчастных граждан, не желавших вести здоровый образ жизни, не следивших за питанием, не занимающихся спортом и завершался анамнез длинным перечнем тому подобных грехов. О зловонии не было упомянуто ни слова, так же умалчивалось о резком изменении внешних форм пострадавших. Под этими знаменами сайты развернули целую кампанию по рекламе здорового бытия и тут же разослали приглашения всем желающим в самые известные фитнес клубы. На Гошкин телефон приходили сообщения об открытии центров правильного питания, от чего мой скептический друг только кривился.

«Гурий, — задумчиво повторял он, листая новости, — описанные случаи похожи один на другой как две капли воды, тут даже упоминалась та история на перерабатывающем заводе, вот только почему никто из них ни слова не скажет об отвратительной вони, источаемой сторонниками жирного и мучного? Тогда, на улице, я стал свидетелем идентичного случая, правда в этот раз пострадавшей оказалась толстая тетка.»

Каждый день приносил все новые и новые упоминания о массовой гибели горожан, и ученые, наконец-то, заговорили об эпидемии. Великие умы с пеной у рта вещали о необходимости подвергнуть изучению каждый отдельно взятый случай, однако на том их бурная деятельность заканчивалась. Звонкие фразы, и широкие жесты не подкреплялись действием, а в качестве решительных мер озвучивались призывы совершать долгие пешие прогулки. Когда число случаев перевалило за сотню, силовые структуры ввели запрет на продажу мучных изделий, а многочисленные кафешки и дешевые забегаловки подвергли

остракизму. У меня голова шла кругом от озвученных решений, однако я никуда не мог обратиться с предложением увидеть, наконец, в ситуации медицинскую проблему, не связанную с питанием. Мои попытки восстановить документы закончились на требовании заполнить анкету-запрос и с тех пор ни на шаг не продвинулись, поэтому я только следил за статистикой и негромко матерился. Похожие случаи стали фиксироваться по всему миру, но и это не стало решающим фактором, ученые по-прежнему ратовали за активный отдых и малокалорийную пищу, о чем не уставали трещать со всех углов. По причине строгих ограничений в еде, магазины перешли на урезанный график работы, и гражданам приходилось одалживать друг у друга продукты, при этом не озвучивая ни слова недовольства. Со стороны казалось, что люди приняли какую-то очередную игру и теперь просто развлекаются, подсчитывая калории и обмениваясь втихаря кусками. Как-то на нашем пороге возникла тощая длинная тетка средних лет с просьбой отсыпать ей немного муки. Этот продукт занял лидирующие строчки из перечня запрещенных и с тех пор владение мукой каралось законом. Гошка смело протянул соседке полный стакан, поскольку мука у нас была, а печь мы с Гошкой обучены не были. Тетка молча выдернула гостинец из руки и так же беззвучно скрылась с глаз. Старания силовиков в деле учета и контроля за продуктами нельзя было назвать чрезмерными, поскольку с недавнего времени на улицах царил отвратительная тошнотворная вонь, мешающая развитию здорового аппетита. Гошка больше не покидал стен квартиры, справедливо рассудив, что его присутствие на заводе вовсе необязательно.

«Что толку таскаться туда ежедневно? — задумчиво вещал он, проверяя баланс карты, — вот посмотри, Гурий. Я не был там в прошлом месяце три дня, но никто и не заметил моего отсутствия. сегодня пришла зарплата без вычетов и штрафов.»

Моя же деятельность и вовсе не оплачивалась, как выяснилось спустя месяц моей так называемой работы, по причине отсутствия документов.

«Ладно, тебе, Groшик, — миролюбиво протянул Гошка, когда я весьма эмоционально поделился с ним своей бедой, — сейчас можно подхарчиться и так. Я был утром в местном магазине, помнишь, где мы с тобой воровали колбасу, когда были призраками? Так вот сейчас там нет никого, кто мог бы помешать вандализму. Люди набирают себе продукты просто так, но при этом даже не дерутся. Просто приходят, берут и уматывают прочь. Я тоже прихватил немного сарделек и булку белого, но пока шел обратно, меня пару раз чуть не вывернуло наизнанку, до чего на улице воняет тухлятиной.»

Гошка по-деловому выгрузил на стол запасенные харчи и грустно уставился на выключенный холодильник. Три дня назад в городе вырубил электричество, и теперь мы были лишены привычных благ цивилизации. Сотрудники многих предприятий остановили свою деятельность еще раньше, просто однажды не явившись на работу, поэтому отсутствие электричества не стало шокирующей новостью. Если такое всеохватывающее разгильдяйство продолжится еще пару недель, то очень скоро нам неоткуда будет взять колбасу, думал я, рассматривая пейзажи за окном. Новости были единственной сферой услуг, не только не прекратившей свою работу, но и в десятки раз усилившей свои старания. На мои предложения сбежать из сошедшего с ума города, Гошка только грустно вздохнул и протянул мне телефон. Судя по информационным источникам, на земле больше не оставалось места, где общая картина не выглядела бы еще более устрашающей. Ближе к югу процент гибели от неизвестной болезни опасно превысил все допустимые нормы и грозил перерасти в массовую катастрофу. Страшнее всего во всем этом было понимание полного бездействия

силовых ведомств и управленческих структур. Казалось, никому не было дела до развернувшихся событий, никто не сделал даже шага, чтобы разобраться в ситуации и купировать ее. Мировое сообщество только массово истерило, требовало неизвестно чего и тоже бездействовало. Иногда мы с Гошкой покидали свое жилище и просто ради интереса бродили по улицам, наблюдая, как мир катиться в пропасть. Моя бывшая поликлиника и Гошкин перерабатывающий завод давно стояли без дела, позволяя посторонним бесцельно бродить в полумраке своих стен. Думаю, что и остальные предприятия и организации являли миру похожую картину. За последние несколько дней улицы превратились в совершенную свалку, жители вываливали мусор из окон домов, поскольку городские помойки были битком забиты отходами, однако это ни у кого не вызывало ни тени негодования. С тротуаров исчезли уличные музыканты, поскольку все свободное пространство улиц было заставлено замершими автомобилями. Некоторые из них стояли с распахнутыми настежь дверями, но никому и в голову не приходило воспользоваться халявой. Возможно потому, что граждане потеряли ко всему интерес. В залах некогда ярких торговых центров теперь царил полумрак, а по полу были раскиданы последние модели модных коллекций. И над всем этим хаосом парила жестокая вонь от валяющихся повсюду раздутых туш. Мы с Гошкой, казалось, были единственными, кто сохранял остатки здравого смысла и не поддавался общему помешательству. Волков только вполголоса матерился, бормоча себе под нос что-то о преимуществах потустороннего города.

«Ты знаешь, когда я снова оказался в живом мире, я воспринял это как само собой разумеющееся, даже ни разу не вспомнив про свои приключения среди безглазых. Однако, когда ты своими рассказами и вопросами выдернул меня из этого анабиоза, я все чаще задумываюсь над тем, что безглазые приложили немало стараний, создавая этот хаос. Помнишь, ту работенку в потустороннем мире? Как думаешь, что мы там такого делали, скитаясь среди горожан? Ты говорил про потустороннюю жратву, так я думаю, что она тут совсем не при чем, Гурий, безглазые ставили другие цели.»

Мы были лишены возможности видеть безглазых, однако их присутствие ощущалось и так, в том Гошка не ошибался. Однако из всех ныне живущих никто не стал бы слушать наши сказки о привидениях, прежде всего потому, что никому до всего не было никакого дела. Граждане бездумно перемещались по дорогам, так же бездумно наступая в горы мусора и спотыкаясь о лежащие на земле туши, при этом практически не издавая никаких звуков. Никто и не думал избавляться от останков, все спасательные службы и прочие организации будто растворились в воздухе, сложив с себя всю ответственность. В самом начале этого хаоса, когда трагические случаи еще насчитывали единицы, я в компании неизменного Волкова несколько раз наведывался в родительскую квартиру, однако там меня встречала только пугающая тишина и темнота. Во время очередного моего визита к распахнутой двери родительской квартиры меня окликнул негромкий и, как мне показалось, рассудительный, голос.

«Не ищи, парень, — обращался ко мне высокий кряжистый мужик, выглянувший из соседней двери, — хозяйка давно не появлялась, кто знает, где она сейчас, а вот Трофим отправился с научной экспедицией, вот только куда, не скажу»

От громадного мужика веяло невероятным здравомыслием, и я, обрадованный новостями, решил спросить о его соседях немного подробнее.

«А ты кто таков будешь-то? — тут же насторожился мужик, — Трофим мне про какого-то Гурия говорил, да только это давно уже было. А больше к ним никто не приходил, ну

кроме налоговиков и журналюг.»

Я никак не мог припомнить, чтобы мой отец позволял себе проблемы с налоговой, а уж про журналистов и вовсе слышать ничего не хотел, считая их пустозвонами и врунами. Да и не такая уж он был важная птица, чтобы к нему навевались столь пафосные гости. Я едва не представился тем самым Гурием, о котором Трофим рассказывал своему соседу, но вовремя припомнил особые обстоятельства.

«Я их родственник, дальний,» — нейтрально отозвался я, на что мужик весело рассмеялся.

«Да ты не бойся, — добродушно протянул он, — и журналистом быть почетно. Я вот недавно совсем сделал невероятное открытие. Вот ты знал, парень, что если разбитое стекло наклонить под определенным углом к ультрафиолетовому излучению, то оно отразит разноцветные огоньки? Знал? Нет? Вот, а я выяснил и подал заявку на интервью. Хотел миру поведать о своем открытии, вот и подумал, если ты из той братии, может черкнешь пару строк, а? чего тебе стоит? А Трофим, как вернется, новых журналистов пригласит. А то чего тебе бестолку ноги бить?»

Сосед важно вытянулся, очевидно ожидая моего согласия, а я внезапно понял, что очень ошибся, посчитав его за надежный источник информации.

«Я пойду, — не скрывая сожаления, проговорил я, — а вам я пришлю других репортеров, более компетентных»

Сообщение о научной экспедиции теперь приобрело иные оттенки, и я искренне и малодушно понадеялся, что мои родители уже никогда не увидят весь этот кошмар.

Глава 31.

Запустение и хаос, в одночасье охватившие мир, прогрессировали, не оставляя шансов на принятие решительных мер. Новостные ленты пестрели пугающей статистикой и предложениями приобретать супер сжигатель жира по баснословно низкой цене. Гошка разбил уже три телефона, натываясь на подобный бред и не справляясь с эмоциями.

«Неужели эти тупорылые идиоты не понимают, что дело вовсе не в обожравшихся болванах! — орал он, разбавляя сообщения забористыми выражениями, — ну как можно писать всякую хрень, не видя главного! У меня школьное троечное образование, но даже мне понятно, что за этим бардаком кроется проблема куда серьезней!»

Я больше не пытался напоминать Волкову, что месяц назад тот восхищенно фоткал кирпичи и выкладывал творения в сеть, в надежде на толпы поклонников.

«Гоша, — как можно доходчивее говорил я, внутренне холодея от собственных слов, — в этом мире не осталось никого, кто вообще видит в этом проблему, а уж на способы ее решения не хватит даже коллективного разума. Мы с тобой, похоже, единственные, кто понимает, о чем идет речь, но и мы не знаем, как остановить это безумие.»

На утро в ленту просочилась первая позитивная новость, о чем радостно сообщили все информационные каналы. Как выяснилось, проблема валяющихся повсюду жирных туш решила сама собой.

«Послушай, Гурий, — пробормотал Гошка, первым наткнувшийся на это сообщение, — ты врач, ты наверняка можешь объяснить это явление. Те, кому не повезло расстаться с этим миром прямо на улицах, теперь постепенно превращаются в труху, рассыпаясь на глазах, так пишут СМИ. Гражданам предлагается проявить сознательность и самостоятельно смести веником то, что осталось. Гурий, вот скажи мне, нафига ты возвращал мне память и рассказывал всякие трогательные байки про любимого друга, способного перевозить грузы и

приходить на помощь? Если бы ты не лез со своими психологическими трюками, я сейчас бродил бы по территории и фотографировал палки и камни, и не съезжал бы с вернувшегося рассудка от подобных фактов!»

Я решил оставить Гошкины выступления без комментариев и решительно шагнул за порог. Мне необходимо было увидеть то, что так эмоционально донес до меня Гошка. Вопреки красочным картинам, рожденным моим воображением, уличные пейзажи не претерпели значительных перемен. Ну, возможно, сейчас к массовым скоплениям бытовых отходов прибавлялись невнятные серые кучи, небрежно накрытые разорванными пестрыми тряпками. Я решительно подошел к одной из таких куч и с удивлением увидел, что тряпки совсем недавно играли роль одежды, а неровные бугорки некогда были вполне живыми людьми. Население не вняло призыву и от серых куч избавляться не спешило. Я тупо пялился на вонючую массу, а перед моими глазами весело прыгали строчки статистики, ежедневно обновляемой информационными каналами. Пока я проводил бесполезные сравнительные анализы и размышлял о насущном, моя скромная персона тоже стала объектом для пристального наблюдения. Занятый собственными мыслями, я не сразу обратил внимание на невысокого обросшего господина, не сводящего с меня пристального взгляда. Подобный интерес в условиях повального равнодушия и массовой отрешенности невольно бросался в глаза и требовал подтверждений. Я прошел вдоль улицы некоторое количество метров, не отпуская из вида странного типа. Тот, сделав несколько решительных шагов следом, замер в сомнениях и растворился в толпе, не выдержав проверки.

«Очередной сумасшедший,» — решил я и направился к Гошке.

Тот с нетерпением ожидал моего вердикта относительно новых веяний, вычитанных в новостях, однако мне нечем было его порадовать, поскольку вместо огромных вонючих куч, улицы украшали вонючие кучи поменьше, но общая картина от этого не сильно изменилась.

«Пока тебя не было, — поделился Гошка своими фактами, — под окнами крутился странный тип, но мне показалось, он выглядел вполне разумным и даже, я бы сказал, заинтересованным. Он то и дело поглядывал на окна моей квартиры, потом исчез. Гурий, я становлюсь параноиком, и мне нужна помощь психолога.»

С издевкой добавил Гошка и выжидательно уставился на меня, явно желая продолжить свои рассказы.

«А спустя полчаса тот тип стоял на моем пороге, — в самом деле продолжил Гошка, — и знаешь, что ему было нужно? Ну сначала я и сам ничего не понял, насколько загадочно и таинственно звучало каждое его слово. Он то и дело оглядывался, проверяя, не подслушивают ли его, как будто сейчас кто-нибудь может проявить к чему-то интерес! И спустя целую гамму разных ужимок, он поинтересовался, не здесь ли проживает господин Гурий Грошик. Я на всякий случай напомнил ему, что господин Гурий Грошик умер пару месяцев назад, на что мой гость раскатисто захохотал и отрицательно замотал нечесаной башкой.

«Да бросьте, — заявил он, проржавшись, — мы-то с вами знаем, насколько он мертв. Где я могу его видеть?»

Тогда я поинтересовался, с какой целью тот ищет тебя, Гурий, и не думает ли он, что господин доктор прямо сейчас бродит по улицам, пуская слюни? Так вот, Гурий, тот невнятный господин сказал мне, что такого представить себе невозможно по многим причинам, и что только ты сможешь решить ту проблему, в которую медленно, но верно погружается целый мир. Я решил, что он сумасшедший и выкинул его с лестницы. Я прав,

Грошик?»

«Этот тип был невысокий и круглый?» — пораженно прошептал я и узнал, что визитер действительно невысокий, но вполне тощий и невероятно лохматый. А вечером я смог лично увидеть того самого таинственного гостя. С наступлением сумерек во входную дверь раздался неуверенный звонок, возвестивший нас о неожиданных визитерах. Тип, являвшийся к Гошке днем и выслеживающий меня на улицах, в самом деле оказался невероятно худым, низким и неприлично лохматым, чем-то напоявшим мне моего не в меру осторожного приятеля. Вот только в отличие от уверенного и самодостаточного Волкова, незнакомец просто лучился замешательством и сомнениями. Он долго топтался в дверях, не желая начать разговор, но при этом с явным любопытством изучая мое лицо и фигуру. Вдоволь налюбовавшись на предмет своего интереса, тощий тип втиснулся в прихожую и едва слышно уточнил:

«Я действительно имею честь видеть перед собой господина Грошика, Гурия Трофимовича?»

«Действительно,» — невежливо отозвался я и потребовал конкретики.

Наш гость робко опустился на край дивана и начал обстоятельный рассказ, в результате которого мы выяснили, что зовут его Антон, что он имеет медицинское образование, и что он смертельно напуган.

«Когда я учился в институте, — бляял он, не сводя с меня глаз, — одному из нашей студенческой компании попала на глаза книжка про всякие оккультные науки, про возможность общения с призраками, про вызов духов и прочую ересь, и там же были способы добровольного пересечения границ призрачных миров. Мне эта писанина показалась слишком наивной, к тому же ни один из описанных там способов, не сработал, и я выкинул эти забавы из головы. А вот мой приятель всерьез увлекся всем этим и время от времени даже приглашал меня на демонстрацию освоенных умений. У него здорово получалось болтать с привидениями, которых он вызывал к себе в комнату. Первое время я видел в том ловкий розыгрыш, с зеркалами и проекциями, пока однажды не попросил ради прикола призвать в наш мир свою соседку, молодую девушку, пару дней назад погибшую в аварии. Про нее из нашей компании знал только я, поэтому был уверен, что мистически настроенный приятель расскажет мне про закрытые каналы, про разрыв информационных потоков и закончит сеанс. Однако девушка появилась и даже сообщила мне, что через полгода я с треском вылечу с курса, если не возьмусь за ум. Так в итоге и случилось бы, но суть не в этом. Однажды мой приятель исчез. Сначала я не придавал этому значения, но, когда его родители обратились ко мне с вопросом, где я последний раз видел их сына, я мигом вспомнил его потусторонние увлечения. К этому времени он стал обладателем весьма внушительной коллекции всякого рода мистической атрибутики, которую сгружал в моей съемной квартире и брал с меня клятвы держать его увлечения в строгом секрете. Я кое-как отговорился перед его родителями, а еще через пару дней он вернулся и рассказал мне совсем невероятные вещи. Как выяснилось, он научился пересекать границы между мирами и возвращаться обратно без видимых для себя последствий. Он рассказывал мне про так называемую загробную жизнь, в описании которой не было и сотой доли того, о чем мы привыкли знать. Он рассказывал мне про постепенное изменение внешности тех, кто покинул этот мир, про поэтапное стирание жизненной программы, и последующее обновление. Он рассказывал мне о таких вещах тоном, каким говорят о погоде за окном, нисколько не волнуясь и видя в том нечто обыденное. Когда, рассказывал он, проходит

довольно длительное время, внешность пересекшего границу стирается, превращаясь в подобие гладкой маски, жизненная программа исчезает навсегда, и тело уходит на обновление, то есть обретение новых форм и программ. Он рассказывал мне о чудовищной информационной базе, в которую занесены сведения о ныне живущих, а потом предложил то, от чего мне надо бы было рвать когти в ту же секунду.»

Антон замолчал, потерянно уставившись в окно, а Гошка вопросительно уставился на меня. По его побледневшей физиономии было отчетливо понятно, что рассказ Антона и наше потустороннее путешествие Волков связал в единую цепочку.

«Что вам предложил ваш приятель?» — рискнул я нарушить затянувшееся молчание.

Гость вздрогнул и, покачав головой, поведал нам о создании искусственной жизненной программы.

«Он предложил мне придумать алгоритм, который бы подошел обычному индивидууму для комфортной жизни, — прошептал Антон, выныривая из воспоминаний, — я не знал тогда, что задумал приятель, да и в целом, рассматривал это как новый прикол. Я неплохо шарил в программировании и поэтому без труда набросал приблизительную схему, не прикладывая особых стараний. Он снова исчез, а после возвращения, пригласил меня посетить призрачный мир. К тому времени мы оба закончили учебу, практику, получили специальность и засели в скучных муниципальных заведениях строить карьеру. Я и в этот раз не увидел в предложении приятеля ничего предосудительного и легко согласился. Как мы добирались до неведомого мира, я, сколько ни пытался, вспомнить не мог, но отчетливо помню высокие разноцветные здания, мимо которых мы шли. На этом можно было бы остановиться, но мой друг решил поиграться подольше и привел меня в некое подобие лаборатории, от одного вида которого кровь стыла в жилах. Там на столе лежало тело, мертвое тело, без лица, в которое мне предлагалось залить составленную программу. Тело принадлежало пожилому мужчине, очень пожилому, а та программа была составлена с учетом жизни женщины, однако этот нюанс только позабавил моего приятеля, заявившего, что так даже интереснее. Друг взял у меня флешку и, поколдовав перед небольшим монитором, посоветовал мне внимательно наблюдать за нашим пациентом. По мере того, как программа загружалась, ровное, как мяч, лицо начало приобретать привычные формы, становясь женским лицом, однако, несмотря на явные мягкие черты, в нем не было индивидуальности, оно по-прежнему напоминало пустую маску. Вместе с ним изменялись и пропорции лежащего тела, обретая отчетливые женские формы, но и фигура казалась мне безжизненной. Мой приятель только посмеивался, наблюдая одновременно и за процессом, и за выражением моей откровенно офигевшей физиономии. Когда программа загрузилась, друг снова обернулся к монитору и пошаманив там еще пару минут, снова пригласил к наблюдениям. Представьте себе мой ужас, когда в обезличенной мертвой кукле, лежащей передо мной, я стал узнавать черты своей недавно умершей соседки, той девушки, что приходила к нам во время сеансов. Ее черты выглядели нечеткими, размытыми, как будто по ним провели мокрой губкой, но тем не менее, я узнал ее. Алена поднялась, мерно пошатываясь из стороны в сторону, и тяжело рухнула на пол, не подавая более признаков жизни. Приятель задумчиво поглядел на валяющееся у его ног тело и глухо, и недовольно пробормотал:

«Что ж, главное, я понял принцип.»

Антон снова замолчал, отслеживая нашу реакцию. Его рассказ не вызвал во мне много замешательства, поскольку однажды я уже был свидетелем нечто подобного, а вот на Гошку

было жалко смотреть. Его громадные глаза стали еще больше, а неизменно открытый рот в период особых волнений, распахнулся еще шире.

«О чем вы говорите? — пробормотал Гошка, — где сейчас этот тип? И как все то, что происходит в мире, связано с вашими опытами?»

Глава 32.

Антон медленно повернул голову в сторону Волкова и так же размеренно протянул:

«А потом Матвей сошел с ума. Он возомнил себя Богом и решил вмешаться в ход истории. Прodelав несколько десятков подобных операций, он пришел к выводу, что готов создать суперчеловека.»

Антон снова нерешительно замолчал, а я только присвистнул и негромко выругался. Подобное откровение стало для меня полной неожиданностью, учитывая всегдашнюю готовность Матвея угодить всем и его стремление быть необходимым.

«Вы говорите о Матвее, ведущем психиатре районной поликлиники, ныне почившем?» — на всякий случай уточнил я, а Антон только молча кивнул и почему-то усмехнулся.

«Матвей всегда утверждал, что люди слишком эгоистичны и требовательны, что всегда пытаются переплюнуть самих себя в стремлении улучшить свое собственное никчемное существование. — тем временем продолжал Антон свое обличительное повествование, — мой приятель решил исправить это досадное недоразумение и предложил мне составить еще одну программу, состоящую из пары-тройки пунктов, куда вмещалось бы самое необходимое для жизни. Я бы сказал, для бесполезного существования, но не в этом суть. Я снова повелся на его амбиции. Матвей умел убеждать и убедил меня, что мы с ним вдвоем делаем весьма достойное дело. Впрочем, нас было куда больше, чем двое. Матвей исподволь набирал себе команду, играя на людском самолюбии и основном людском пороке — бесконечной жадности. Ему нужны были верные соратники, но эти люди не должны были знать итоговую цель сего проекта. Я считался самым лучшим другом Матвея и поэтому могу сказать, что приятеля задушили собственные комплексы, но, я пришел не для того, чтобы обсуждать его. Гурий, вы должны мне помочь. Матвей заигрался, его нужно остановить. Его суперлюди обычные мертвецы, искусственно избавленные от жизненной программы, а значит, еще не готовые к обновлению. Их нынешние оболочки, по сути, трупы, поэтому, когда стали появляться случаи массовой гибели толстяков, я сразу подумал о безумном Матвее, а последующие события только подтвердили мои опасения. Пожалуйста, Гурий, пойдемте со мной!»

Антон резво поднялся на ноги, и, мигом преобразившись в деятельного и активного человека, направился к двери, уверенный в моем решении. Похоже, других способов избавиться от атакующей напасти у нас не было, и, если, Антон говорит нам всю правду, в чем я не сомневался, он наш единственный шанс.

«Как вы нашли меня? — поинтересовался я, догоняя Антона на лестнице, — и откуда знаете про меня, если учесть полную конфиденциальность проекта?»

«Матвей видел в вас верного соратника, зная ваше отношение к деньгам и, потом, он психиатр, а значит весьма неплохо разбирается в человеческой психологии, — проговорил Антон нехотя и будто извиняясь, — вы подвели его трижды, Гурий. Один раз, когда так не вовремя завершили свое земное существование, он дал вам шанс, который вы не использовали и тем самым нарушили его планы, ну и в третий раз, когда вы почти раскрыли его секреты. Тогда он вернул вам материальный вид и выбросил вас обратно в мир живых, посчитав, что так вы нанесете ему меньший урон, ну и после разогнал оставшуюся свою

команду, оставив в ее составе одну неприметную девчущку, охочую до наживы. Он избавился и от меня тоже, но в том я не вижу большой потери. Я никак не ожидал, что Матвей продолжит свои опыты, поскольку был уверен в его здравомыслии. И нет, Гурий, он не умирал в привычном понимании, он просто пересек границу по доброй воле.»

Добавил Антон, уловив мой интерес к этому невысказанному вопросу. Вообще-то вопросов у меня было множество, но их я планировал задать самому Матвею, если мне посчастливится еще разок встретить его в одном из миров. Антон уверенно вел нас по захлавленным улицам, аккуратно обходя валяющиеся на земле туши, по дороге сохраняя напряженное молчание. Наш путь лежал к хорошо знакомому дому психиатра, но как нам мог помочь визит в опустевшую обитель моего бывшего сокурсника, все еще было вне моего понимания.

Антон решительно распахнул дверь квартиры, и на нас со всех сторон навалилось сонмище книг, записей и обрывков листков, до краев исписанных формулами и знаками. Антон, не обращая внимание на мой ошарашенный вид, ловко отыскал среди завалов какую-то тетрадку и горестно покачал головой.

«Матвей говорил мне, что при переходе через границу мира, человек впадает в некое состояние полусна, которое наступает исключительно в момент смерти, но он научился искусственно создавать этот анабиоз путем составления целого ряда препаратов.» — бормотал Антон, оборачиваясь на звучащие на лестнице шаги. Шаги принадлежали моему верному приятелю, который тоже хотел бы задать лично негодяю несколько вопросов, именно так он объяснил свое спонтанное решение присоединиться к нашей спасательной группе. Я искренне обрадовался его появлению, поскольку находиться в компании одержимого Антона было откровенно неуютно.

«Что он делает?» — прошептал мне в ухо запыхавшийся Гошка, неотрывно следя глазами за странными манипуляциями нашего недавнего гостя. Тот один за другим выдвигал ящики письменного стола, без сожаления вываливая на пол их содержимое. Когда ящики опустели, Антон ринулся к одежному шкафу, стоящему у стены. Вскоре на полу громоздились невероятные горы Матвеевых вещей, в которые тут же зарылся непостижимый его соратник, обшаривая каждый карман. Наконец вместе с победным хрюком на свет был извлечен маленький пузырек, наполненный прозрачной жидкостью. Антон, наконец, принял вертикальное положение и очень серьезно проговорил.

«Нам повезло, перед своим уходом, Матвей приготовил тот самый состав, и я очень боялся, что он забрал его с собой. Мы должны остановить его, пока не стало слишком поздно!»

Эта напутственная речь мысленно перенесла меня в скаутские лагеря, куда на время летних каникул меня пихали родители. Я не сдержал короткий смешок, а Гошка наигранно серьезно приложил кулак к груди, демонстрируя полное и безоговорочное согласие. Несмотря на всю комичность обряда, по моим венам полз ледяной страх, напомнивший мне, что я, скорее всего, больше не вернусь обратно, я уже не призрак и не могу шагать через прозрачные границы. К тому же пройдоха Антон не выглядел как человек, которому можно было бы доверять. Но в любом случае, выбора у нас не было, приходилось довериться провидению. Судя по выражению Гошкиной рожицы, его терзали те же сомнения, а когда мы, по-очереди глотнув из волшебного пузырька волшебное зелье, выбрались на улицу, он негромко проговорил:

«Прощай, брат Гурий, я прожил яркую жизнь и ни о чем не жалею!»

В Гошкином голосе звучало явное кривляние, но за ним ясно слышался откровенный страх. Я согласно кивнул в знак одобрения и рванул следом за Антоном.

Вопреки моим ожиданиям, наш путь лежал вовсе не к Питерскому метро, а куда-то значительно дальше. Мы уже успели преодолеть пару жилых кварталов, когда прямо перед нами появилось высокое здание неясной этимологии. Будучи коренным питерцем и изучив большую часть заброшек и недостроев, с этим зданием я столкнулся впервые. Оно выглядело откровенно старым, я бы даже сказал ветхим, и было непонятно, что за функции оно выполняло в свои молодые годы. Антон шмыгнул за полуразрушенную стену и жестом пригласил нас следовать за ним. Я на всякий случай огляделся, пытаюсь запомнить локацию, и провалился в кромешную темноту. Потеряв ориентиры и направления, я слепо тыкался по сторонам, пытаюсь отыскать опору, однако только наталкивался руками на вязкое марево, очень похожее на переваренный кисель, до тех пор, пока впереди не замаячил неясный серый овал, постепенно разрастающийся и приобретающий очертания окна. Когда мои глаза немного привыкли к столь скудному освещению, я обнаружил, что и в самом деле совсем неподалеку от меня находится некий проем, сквозь который мне необходимо перелезть.

«Гурий? — услышал я знакомый Гошкин голос, и, обернувшись, разглядел в шаге от себя смешную рожицу приятеля. — Гурий, до чего же я рад тебя видеть, дружище! Никогда бы не подумал, что однажды скажу тебе это искренне!»

Поведал мне сокровенное грубиян Волков и тут же поинтересовался местоположением Антона. Повсюду, куда дотягивался взгляд, расстилалось бескрайнее поле, поросшее невысокой ослепительно зеленой травкой, но это было единственное, что нам посчастливилось видеть. Нашего проводника не было ни в поле, ни в неясном здании, возле которого завершилось наше пересечение миров. Гошка недовольно хмыкнул, резюмируя очевидное:

«Развел, как лохов, но тут хотя бы нет вонючих туш. Сказать по правде, Гурий, я даже рад немного передохнуть от этой невыносимой вони, пропитавшей меня насквозь. Мне кажется, что я сам уже разложившаяся туша.»

Я только успел открыть рот, чтобы ответить что-то в высшей степени познавательное, но тут же был сбит с ног неизвестно откуда появившемся Антоном.

«Прошу меня извинить, — прощобетал он, поднимаясь на ноги, — никак не могу привыкнуть к этим пересечениям. Надеюсь, я не слишком...»

«Не слишком,» — оборвал я страдания, и поинтересовался, куда нам нужно идти и что делать, чтобы покончить с этими смелыми экспериментами.

Антон суетливо отряхнулся и бодро повел нас по бескрайнему полю, что-то непрерывно и неразборчиво бормоча. Когда мы прошли по мягкой молодой травке пару десятков шагов, я наконец-то узнал это поле. Это здесь я впервые столкнулся с таинственной каменной лабораторией, где господин психиатр ставил свои нечеловеческие опыты. С каждым сделанным шагом решительный настрой Антона медленно угасал, а в его интонации явно слышалось замешательство.

«В чем дело, приятель?» — поинтересовался я, глядя, как бледнеет наш проводник. Некоторое время он пытался бодриться, рассказывая нам о чудесном житье в потустороннем мире, но на мой простой вопрос у Антона не нашлось слов.

«Вы знаете, Гурий, — не в меру интеллигентно затянул он, — все-таки немного необычно находиться в таком пугающем месте по доброй воле. Это напрягает и наводит на разные размышления.»

Мне почему-то отчетливо казалось, что напрягает Антона вовсе не пугающее место, куда, судя по всему, он недавно наведывался как на работу.

«Давай, Антон, веди нас уже к Матвею, да смотри не передумай, мы люди простые, долго церемониться не будем, — подал голос Волков, озвучив мою невысказанную мысль. — а если задумал нас обмануть, пожалеешь, приятель. К тому же может статься, что скоро безглазые уроды объявятся не только в пределах границ призрачного мира.»

Последнее обстоятельство немного взбодрило горе-ученого и заставило его двигаться активнее. Миновав знакомые посадки, я заметил неясные очертания густого тумана, являющегося предвестником появления страшной лаборатории.

Глава 33.

По словам смельчака Антона, нам было достаточно только удалить установленные программы и обновить данные, чтобы сумасшедший ученый не имел возможности моделировать общество, реализуя свои гигантские психологические комплексы. Как я понял из того, что стало достоянием гласности, Матвей стряпал ущербных недолюдей, чтобы на их фоне выглядеть более значимым и гениальным. Возможно, я ошибался в выводах, но это первое, что пришло ко мне в голову, когда я прослушал откровения его верного подельника. Почему все эти несложные манипуляции не мог выполнить сам Антон, я выяснить не успел, поскольку тот уже довольно резво метался по площадке проявившегося мортуария, нащупывая заветный монитор.

«Ничего не понимаю, — бормотал он, шаря ладонями по стенам, — здесь ничего не должно измениться, база никогда не покидала этих стен. Точнее, этой стены, но вот ее тут нет. Действительно, непонятно...»

Антон растерянно обернулся, словно желая вызвать у нас сочувствие и понимание, однако своей растерянной рожей вызвал только отвращение. Гошка, никогда не отличающийся утонченной изысканностью, тут же озвучил все свои соображения относительно текущей ситуации, вызвав на интеллигентном ученом личике Антона стыдливое замешательство.

«Завязывай, Антон, — поддержал я приятеля, — пора решить вопрос кардинально, ищи доступ к базе и по дороге объясни, для чего я так был необходим человеку, который не глядя штампует программы для всего человечества? Я всего лишь терапевт и умею только здорово мерить давление.»

«Будет скромничать, дружище! — донеслось до меня из-за спины, — ты круто делаешь пластические операции, не менее круто получаешь за это гонорары и суешь свой нос не в свое дело. Я здорово ошибся, отправляя тебя обратно в живой мир. Я был уверен, что ты никак не сможешь повлиять на процесс из вне. Но я не учел одного. Я нарушил единственное свое правило, которому никогда не изменял, и теперь расплачиваюсь за грехи.»

Матвей, неизвестно откуда возникший на пороге мортуария, выглядел бы очень эффектно, если бы не съехавшие в сторону неизменные очки, с которыми тот не расставался еще со студенческих времен.

«Я всегда придерживался принципа не доверять никому, рассчитывая только на собственные силы, однако иногда обстоятельства выше нас. Я доверился двум самым близким друзьям, и теперь они легко предали меня. К тому же, Гурий, я все еще надеюсь воззвать к твоему разуму и готов даже снова расстаться с тобой в ответ на одно простое обещание, ты больше никогда не пересечешь эти границы и никогда не всунешься в мои

дела. Кроме тебя и Антона у меня больше нет тех, кто мог быть лучше осведомлен о моих делах. Но Антон знает больше, поэтому избавимся сначала от него. Ну как, избавимся? Я не привык оставлять после себя пустоту, мы создадим копию излишне разговорчивого Антона и отпустим его с миром. Пусть пускает слюни и восхищается мусорными кучами. Мне осталось совсем немного, и я смогу вернуться обратно, Гурий!»

Матвей кривлялся, но в его речах отчетливо просвечивало откровенное безумие.

«Врач, исцели себя сам,» — мелькнула быстрая мысль, но развиться не успела, поскольку стоявший рядом Антон самым мистическим образом оказался на железном столе, прикованный за руки.

Он только молча вращал глазами, понимая, что его сумасшедший приятель не пойдет на уступки и очень скоро верный соратник пополнит ряды суперлюдей.

«Остановись, приятель, — как можно сдержаннее и дружелюбнее проговорил я, надеясь достучаться до рассудка свихнувшегося психиатра, — то, что ты делаешь, давно перешло границы гениальности. Признай ошибки и верни мир в прежнее русло. Ты наверняка в курсе, к чему привела твоя жажда власти, значимости или какие еще цели преследовал ты, штампуя обезличенных уродцев.»

Матвей внимательно выслушал меня и согласно улыбнулся, делая вид, что готов прислушаться к моим словам. После чего повернулся к столу и принялся колдовать над Антоном. Мне не был виден весь процесс, однако я еще хорошо помнил то, о чем нам поведал предатель-подельник, преследуя благородные цели. Спустя довольно непродолжительное время Матвей горделиво развернулся и продемонстрировал благодарным зрителям результат своих усилий. На столе лежал все тот же Антон, выглядевший ровно так же, как сорок минут назад, вот только его некогда откровенно испуганный взгляд теперь отражал полное безразличие и отрешенность. Пациент механически поднялся со своего ложа, натянул цветастый балахон и, не глядя на присутствующих, побрел прочь. Миновав раскрошенные ступени, Антон скрылся с глаз, а я потрясенно смотрел ему вслед, ожидая своей очереди. Ее, однако, не последовало, Матвей привел в порядок рабочее место и гостеприимно пригласил нас покинуть операционный зал. Нам с Гошкой показалось здравым решением прислушаться к словам психиатра, и мы послушно стекли со ступенек.

«Наверняка ты спросишь, как я докатился до жизни такой? — насмешливо протянул Матвей, когда зловещий мортуарий остался далеко позади, — или дурак Антон уже рассказал тебе про мои увлечения? Если это так, то мне не придется напрасно тратить время и усилия. Скажу только, я очень завистлив, Гурий. Я завидовал всем и всегда, мне было ненавистно осознание чьих-то успехов, я ненавидел тех, кто был привлекательнее меня, это значит, всех. Если Антон говорил тебе о моих мега комплексах, то он прав, называя меня сумасшедшим, но теперь я знаю, как управлять всем этим сбродом. Я наслаждаюсь, Гурий, когда вижу, куда катиться мир, и мне не важно, что станет с ним через месяц, через год или столетие. Теперь я по-настоящему счастлив, дружище и предлагаю это событие как-нибудь отметить!»

За разговорами мы незаметно подошли к знакомой пристройке, которую, как я надеялся, я больше никогда не увижу. В комнатухе Матвея все так же громоздились пара кроватей и широкое окно.

Хозяин клетушки, трескающийся от собственного величия, любезно пригласил нас присаживаться, а сам прислонился к подоконнику.

«Я рад, что мы снова вместе! — провозгласил он, сияя и лучась, — жаль только угостить мне вас нечем, в этом загробном чертовом мире отсутствует все, что так радовало взор тогда, за гранью. Но могу предложить кое-что еще. Не скажу, что замена достойна, но я иногда балуюсь этим, когда мне становится слишком скучно.»

С этими словами Матвей вытянул из кармана очередной пузырек и, встряхнув, протянул сначала Гошке. Тот, сдерживая нахлынувшие эмоции, вежливо отказался.

«Я стараюсь избегать крепких напитков и веществ,» — светским тоном соврал он, видимо отлично помня о Матвеевых способностях. Психиатр с сомнением поглядел на своего несговорчивого гостя, и в его глазах мелькнул опасный блеск.

«Вы?! Избегаете крепких напитков?! Вы, обычный, никому не нужный, необразованный дальнобойщик? Который умеет читать по слогам, а считает только зарплату и то, потому что она никогда не пересекает пределы первого десятка?» — Матвей несся на волнах своего безумия, рождая на Гошкиной роже калейдоскоп эмоций. Я незаметно сжал Гошкину руку, призывая к полному согласию и молчанию, а Матвей, не замечая моих жестов, только распалялся, перечисляя всю мало значимость несчастного дальнобойщика.

«А может вы боитесь испортить свою чарующую внешность? — никак не мог успокоиться мой студенческий приятель, — так тут вы можете не переживать, ни ваше, так называемое лицо, ни ваша тощая фигурка не станут предметом зависти даже у меня, а я в этом понимаю кое-что!»

Наконец, вершителя мира и судеб отпустило, и он, приветливо улыбнувшись, присел напротив, решив завести отвлеченную беседу.

«Что ты намерен делать дальше, Гурий? — как ни в чем не бывало поинтересовался он, ловко перебрасывая ногу на ногу, — не желаешь ли вернуться в грешный мир, к блистательным тугодумам и имбецилам? Может ты хочешь подышать там свежим воздухом? И еще, скажи-ка мне, Гурий, что такого ты нашел в этом человеке, что рискнул своим земным существованием? А, Гурий Грошик?»

Гошка, уже дважды услышав про небывалую жертву, решил все же уточнить все факты, и бросив на меня заинтересованный взгляд, рискнул обратиться к Матвею за объяснением.

«Вы ничего не знаете? — тут же отреагировал тот, — серьезно, ничего не знаете? И Гурий не слова не сказал о своем Поступке? Ну, хорошо, поведаю в двух словах. Гурий, умирая, был поставлен мной перед выбором, вернуться обратно, оставив себе недостойную замену, или умереть насовсем. Испугавшись, Гурий сделал свой выбор, но, когда увидел вас, решительно передумал, и вместо замены, попросту сбежал от меня и от своих обещаний. И вот сейчас я хочу знать, что стало ключевым решением? Ну, Грошик, смелее, расскажи нам, тут все свои. Пожалел?»

Мне откровенно надоел этот фарс и я, резко поднявшись, коротко бросил:

«Пожалел да, Матвей, мне знакомо чувство сострадания, но скажи и ты, кто такой этот круглый тип, что под видом пациента заявлялся ко мне в поликлинику? Не поверю, что это был ты, при всех своих талантах, ты бы не смог так разожраться на пару дней.»

Матвей оглушительно заржал и, показательно хлопнув себя по коленям, тут же согласился:

«Конечно, это был не я, как ты мог подумать? Я набрал себе огромный штат помощников, готовых за определенную сумму выполнять любые капризы. Люди, знаешь ли, весьма предсказуемы, но сейчас я могу обходиться без них. Я всему научился сам и легко продемонстрирую тебе снова свои умения. Кого мы бросим на алтарь науки? Твоего

невероятно важного Гошку? А может, ты сам готов пожертвовать собой ради приятеля? Ну, Гурий, давай еще разок?»

Я никак не отреагировал на откровенно безумные реплики откровенно безумного Матвея и, незаметно сделав знак Волкову, вышел за дверь. На призрачный мир катилась ночь, но я был готов ночевать даже в обнимку с безглазыми уродами, чем под одной крышей с безумным гением. Гошка целиком разделял мои желания и только был рад наконец-то избавиться от пугающего общества.

«Что будем делать, Гурий? — проговорил Гошка, как только мы оказались на улице, — этот ненормальный теперь наверняка сторожит свою лабораторию, да и в целом, я не имею даже гипотез, как нам спасти мир от его амбиций.»

Я тоже не имел гипотез, зато я теперь знал за кем стоит идеи усовершенствования мира, правда это знание многих преимуществ не несло, а я никогда не был сторонником насилия.

«Ну чего ему не жилось спокойно? — вполголоса бормотал Гошка, шлепая рядом со мной, — он занимал весьма неплохую должность, ну всяко мог открыть какую-нибудь частную клинику. А как ты думаешь, что теперь стало с этим Антоном?»

Откровения и открытия нынешнего вечера заставляли меня безбожно тормозить в попытках до конца осознать пугающие факты. Я до сих пор никак не мог уложить в голове, что за всем этим кошмаром, разрушающим целый мир, стоит невзрачный серенький человечек, изо всех сил пытавшийся принести всем пользу в свою бытность посредственным студентом. В памяти неотвязно крутился эпизод, когда, желая угодить мне, Матвей до утра шатался под дождем по слякоти, пока я кувыркался в общажной комнате с очередной подружкой. На мои справедливые вопросы о возможной ночевке у приятелей, Матвей стыдливо потупясь, долго бормотал что-то о вечном нежелании создавать другим проблемы и неудобства. Однако несмотря на стремление казаться положительным во всех отношениях, ничего кроме омерзения, Матвей не рождал, и вероятно это понимание не могло укрыться от наблюдательного психиатра.

«Гурий, посмотри! — выдернул меня к действительности верный Гошка, — негодяй принялся за свое, очевидно нам все же следует что-нибудь предпринять.»

Глава 34.

То, к чему привлек мое внимание Гошка, ясно говорило о возобновлении преступной деятельности неутомимого душевного доктора. Наши ночные блуждания незаметно привели к страшному мортуарию, выполняющему в потустороннем мире функцию операционного зала, откуда прямо сейчас до нас доносился лязг и скрежет. Тяжелое внушительное здание искрилось и мигало, создавая полоумных уродцев, имеющих отдаленное сходство с некогда живыми людьми.

Я, еще не до конца придумав план своих дальнейших действий, осторожно поднялся по раскрошившимся ступенькам и в замешательстве замер. До этого времени мне не доводилось быть полноправным свидетелем чудовищных операций, поэтому то, что открылось моим глазам, вызвало волну животного ужаса.

Передо мной мелькал хоровод обычных людей, наделенных стандартным анатомическим набором, который в мгновение сменялся шгопанными коричневыми рожами, а на их месте возникали готовые к обновлению безликие болванки, тут же обретавшие привычную глазу форму. Все это двигалось, кружилось и исчезало из поля видимости под монотонный металлический лязг и хрипы, имеющие неясную природу. Когда мои мозги приготовились отказаться выполнять свои прямые обязанности, среди адской

какофонии прозвучал гулкий густой голос, сравнимый с голосом высших сил.

«Я ждал тебя, Гурий и рад, что ты не подвел меня на этот раз!»

Я машинально обернулся и воткнулся взглядом в глумливую усмешку своего недавнего коллеги, явно отражающую невыразимое довольство произведенным впечатлением.

«Я был уверен, что ты наведишь меня в моей скромной обители, — продолжал изгаляться Матвей, не останавливая процесс производства, — проходи, Гурий, насладись моими достижениями.»

Психиатр размашисто взмахнул рукой, подкрепляя приглашение жестом, и, не дожидаясь моего согласия, шагнул к монитору. Гошка, про которого я совсем забыл, непонятно фыркнул и одним прыжком догнал изобретателя, отвешивая ему душевный удар кулаком в челюсть.

«Прекрати немедленно,» — прошипел он, и от его интонации мне стало не по себе. Столько злобы в скромном дальнобойщике сложно было себе даже представить. Это была квинтэссенция ненависти. Однако свихнувшегося психиатра, поднаторевшего в разного рода ужасах, сложно было испугать подобным трюком. Матвей без труда отшвырнул смельчака и устоялся на меня блестящими очечками.

«Уймись, господа, — холодно проговорил он, — неужели вы еще не поняли, мне нет дела до ваших угроз, я их не боюсь, но, если вы желаете присутствовать при заключительном этапе производства, милости прошу, но только без рук, это главное условие.»

Матвей визгливо хохотнул, очевидно выражая этим высшую степень презрения к недалеким зрителям, и снисходительно добавил:

«Сейчас я скопирую последнюю партию, так сказать, расходного материала, и на этом первая часть моего проекта может считаться завершенной. Итак!»

Матвей, очевидно собрался и дальше развивать свою могущественную мысль, однако неугомонный Волков решил снова вмешаться в историю. Выхватив откуда-то обломок кирпича, Гошка со всей силы запустил им в голову психиатра, вероятно, рассчитывая вывести его из строя, но добился тем самым нового витка ироничных нетленок. Матвей недовольно встряхнулся и тоном, каким говорят с недоразвитыми малолетками, объяснил зарвавшемуся зрителю о своей полной неуязвимости.

«Любезный, — снисходительно прогундосил он, даже не оборачиваясь к надоедливому обидчику, — зарубите себе на носу, пока он у вас есть, мы, находясь в мире мертвых, теоретически мертвы и так, не стоит пытаться тратить силы.»

После чего вернулся к завершающемуся процессу.

Обновленные граждане внешне выглядели совершенно так же, как и до операции, несведущий в нюансах ни за что бы не догадался о внесенных корректировках. Все они стройными рядами покидали пугающий зал, очевидно готовясь заполнить собой улицы населенных пунктов, находящихся по ту сторону загробного мира. Я отрешенно наблюдал за их четко выверенными движениями, и по моим венам катились звонкие искры.

«Матвей, — негромко озвучил я то, что рождалось в моей голове в результате наблюдений — это действительно гениально. Если бы ты сразу рассказал мне о своем плане, я возможно, проявлял бы меньше строптивости и алчности. Да за возможность просто присутствовать при подобном обновлении можно было отказаться от всех гонораров, вместе взятых!»

Матвей снисходительно усмехнулся, принимая мои запоздалые восторги, а Гошка

открыл рот.

«Если ты позволишь, — продолжал я доносить до Матвея главную мысль, — я мог бы стать твоим ассистентом. Я говорю серьезно, приятель, я искренне восхищен!»

По отъездившейся роже властителя судеб было сложно понять полную реакцию, вызванную моими словами, но то, что ему польстило мое внимание, было вполне заметно. Так же было заметно, что присутствующий при этом разговоре Гошка готов был запустить кирпичом и в меня тоже, насколько сильно было разочарование, написанное на его рожице.

Матвей, явно приободренный моим искренним вниманием, завершил процесс обновления, запланированный на сегодня, и потирая руки, выключил монитор. Железный стол укатился за стену, а хранилище с заготовками с грохотом захлопнулось.

«Довольно! — глухо провозгласил он, потирая руки и выпроваживая нас с операционного зала, — прошу, господа, скоро рассвет, я не желал бы, чтобы местные обитатели видели меня. Ну, видеть им особо нечем, но я уверен, эти проходимцы все знают и так. Прошу вас, идемте, я рад, что в тебе заговорил здравый смысл, Гурий. Ты всегда вызывал во мне восхищение, ну, чисто эстетически, а сегодня... Впрочем, я рад, что обрел в твоём лице подражателя и соратника. Ты был умным во все времена и тем мне нравился.»

Воспев мне оду, Матвей направился в свою каморку, больше не делая попыток проявить гостеприимство, и оставляя нас с Гошкой решать свою судьбу самостоятельно.

«Ты чего это, Гурий? — потерянно прошептал Гошка, — мы же только для того и вернулись сюда, чтобы образумить этого негодяя, а выходит, ты мне врал?»

Я коротко усмехнулся, наблюдая, как вытягивается Гошкина физиономия.

«Выходит, врал, Гошка, — покаянно признался я, — у нас нет выбора, ты видел сам. Лучше подумай, где нам перекантоваться в этом призрачном мире, пока не представится возможность вернуться обратно.»

«Ты уверен, что нам будет, куда возвращаться, Гурий? — пробормотал разочарованный Волков и длинно сплюнул в траву. — а что касается местного пристанища, ночуй, где хочешь, Гурий.»

Ночевать в призрачном мире было откровенно неуютно, зная о потусторонних обитателях и их возможностях видеть сквозь стены. К тому же местные пейзажи не были украшены подходящими строениями в виде заброшек и открытых подвалов. Гошка, выбрав между собственными принципами и здравым смыслом, остался со мной, но всем своим видом при каждом удобном случае демонстрировал мне свое полное презрение. Я не винил его за это, по сути предав во второй раз, и старался по возможности сглаживать углы.

«Гоша, — разумно начинал я просветительскую беседу, — в том мире, который мы с тобой добровольно покинули, не осталось ничего, что могло бы позвать нас обратно. Наши друзья похоронили нас и давно забыли о нашем существовании, а то, что сейчас твориться в пределах той реальности, вряд ли вызывает много восторгов. Смирись, Гоша, я думаю, замена достойна.»

Волков молчал и на все мои попытки завести с ним дружескую беседу, только злобно огрызнулся.

Мы несколько дней обитали в некоем подобие подвала, похожего на тот, где мы провели с ним первую совместную ночь в этом мире. Штопаные уродцы никогда не тревожили нас своим вниманием, вероятно потому, что не получали на то особых распоряжений. Теперь я точно знал, кто руководит их перемещениями и был совершенно спокоен за свое благополучие. Матвей изредка звал меня в свои лаборатории, демонстрируя

мастерство и постепенно обучая процессу, а Гошка таскался со мной за компанию, не зная, чем занять себя. Матвей снабжал нас какими-то суррогатами, способными поддержать в нас физическую бодрость и страшно гордился своим новым учеником.

Однажды великий и ужасный позвал меня на очередную операцию, доверительно поведав мне о начале нового этапа.

«Совсем скоро мы вернемся с тобой к привычной жизни, — заявил мне Матвей, довольно потирая руки, — ты только представь, целый мир идиотов, выполняющих несложные функции и преклоняющихся перед могуществом сильных! О таком я только мечтал в юности, когда богатенькие красавчики свысока поглядывали на серых и невзрачных, заставляя тех исполнять маленькие услуги.»

Я хотел было напомнить Матвею, что тот сам первый лез со своими этими маленькими услугами, желая обрести почет и уважение, а обретая только презрение и снисходительные усмешки, но решил не портить отношения с великим мира сего. Пока мы шли до лаборатории, я невзначай поинтересовался у Матвея, помнит ли он алгоритм возвращения в большой мир, на что тот только презрительно фыркнул.

«Разумеется, для этого требуется немного. Дурак Антон наверняка растрепал тебе об этом способе, но я не в обиде, ты достоин знать мои секреты, Гурий!»

С этими словами Матвей вытянул из кармана прозрачный пузырек и покрутил его перед моим носом, с удовлетворением замечая на моем лице гримасу почтения.

«Ловко, — пробормотал я в замешательстве, — нет, приятель, серьезно, я восхищен!»

Гошка только фыркнул, но в этот раз промолчал.

То, что Матвей называл заключительным этапом, включало в себя очередное обновление очередных особей. Теперь мне уже были знакомы шаги по сути несложного процесса. Самым сложным можно было назвать подготовку болванки под закачивание программы. Этой подготовкой я занимался пять лет назад по настойчивой просьбе круглого типа, поэтому ничего нового для себя в том не находил. Потом болванка уходила на доработку по окончательному уничтожению программы, а ей на смену приходила готовая, выдержанная и полностью пустая, которую мы наполняли упрощенным вариантом. Гошка вызывающе подпирал стены на протяжении всей нашей деятельности и не желал иметь с нами ничего общего. Когда все было готово, Матвей нажал на стену, вызывая к жизни монитор и сделал мне знак к началу работы. Я согласно кивнул, выражая полную готовность, проверил содержимое бетонного ящика, после чего ловко скрутил внушительную тушу Матвея, укладывая того на металлический стол и запуская программу скачивания. Пока его данные заливались в информационную базу, психиатр только вращал глазами, не в силах произнести ни звука. Когда процесс был завершен, я привычными движениями избавил великого властителя от его надоевшей рожи, превращая того в готовый шаблон, и по окончании процедуры, выставил его вон, заменяя его непрезентабельную тушку на готовый образец. Выбрав из всех имеющихся жизненных программ наиболее примитивную, я залил в нее данные о внешних параметрах и запустил устройство. Несчастный Гошка, наконец-то разгадав мой хитрый план, только хлопал глазами, силясь осознать увиденное. Пока пустая болванка наполнялась, Волков, обретя вербальные способности, глухо пробормотал:

«Неужели нельзя было сказать сразу, Гурий? Чего ты дурака валял столько времени? Я уже начал тебя ненавидеть так-то.»

«Не мог, — отозвался я, не отводя глаз от проявляющейся знакомой рожи на штопанной

заготовке, — ты не сумел бы так искренне продемонстрировать мне свое фи, зная мой замысел. Но для начала я должен был научиться всему этому без помех, а для такого надутого закомплексованного дурня нет ничего слаще, как сказанные несколько восхищенных эпитетов в адрес его гениальности.»

Пока я озвучивал Гошке очевидные вещи, процесс обновления завершился и перед нами предстал психиатр Матвей с придурковатым видом и полной отрешенностью во взгляде. Это было то, к чему я стремился, это был так сказать, первый этап моего эксперимента. Я искренне надеялся, что он удался, и безумец оставит теперь свои идеи навсегда.

Я был уверен, что вся эта лаборатория была порождением безумного Матвея, и что где-то еще существует настоящая информационная база, содержащая подлинные данные. Поэтому я без затей выдернул мигающий экран из стены и со всех ног бросился прочь от страшного мортуария. Возможно позже, когда эйфория от удачно проведенного опыта немного поутихнет, я соображу, что в моих действиях большей частью присутствовало непродуманное желание поскорее покончить со всем этим. При всей расположенности безумца к моей любознательно-почтительной персоне, тот так и не сказал мне, откуда у него появилась эта суперсекретная информационная база, и почему ему с такой легкостью удавалось без потерь для себя вмешиваться в ход истории.

Покинув лаборатории, преодолев большую часть поля и очутившись на знакомой грунтовой дороге, мы с Гошкой наконец-то притормозили и уставились друг на друга.

«Что дальше? — немного вызывающе поинтересовался Волков, — отправляемся к таким же безумных согражданам или все же попытаемся найти способ вернуть им здравый смысл?»

Как это сделать я еще не придумал, поэтому принял решение вернуться обратно.

«Пока чудо-зелье не потеряло свои волшебные свойства, предлагаю покинуть потусторонний мир, — пробормотал я, вытягивая из кармана честно свистнутый у Матвея пузырек. — не думаю, что этот придурок оставил после себя грамотных последователей»

Гошка с почти научным интересом слушал мои доводы, но неожиданно его заинтересованная рожица приобрела весьма шокирующее выражение.

«Обернись, Гурий...» — прошипел он, глядя куда-то за мою спину.

Я послушно обернулся и негромко выругался. Со всех сторон к призрачному мортуарию стягивались местные обитатели. В сумраке их штопаные рожи выглядели угрожающе и источали ненависть. Я никогда не подумал бы, что в загробном мире существует столько особей. Они плавно окружали внушительные контуры древнего мортуария и текли внутрь, наполняя собой все полезное пространство. Гошка только молча хлопал глазищами, не в силах подобрать определения увиденному. Наконец в его голове родилась весьма здравая идея и он прошептал мне одними губами:

«Бежим, Гурий, ради всего святого. Мне почему-то эти придурки больше не кажутся такими уж безобидными»

Я был склонен согласиться с предложением и наудачу отхлебнул из волшебного пузырька, протягивая остатки Волкову. Я не имел ни малейшего представления, как вообще работает этот состав, Антон не рассказал нам обо всех его полезных свойствах и теперь нам предстояло выяснить их опытным путем. Безглазые тем временем, заполнив собой площадки и ступени, продолжали наводнять прилегающую территорию, превращая ее в несметное колышущееся море. Уродцы не произносили при этом ни единого звука, но в каждом их жесте читалась злоба. Гошка нетерпеливо подергал меня за руку, приглашая к более

решительным действиям, но я мог только замороженно пялиться на коричневую толпу. Не обнаружив в стенах лаборатории своего предводителя, штопанные плавно вытекли обратно и направили свои стопы в нашу сторону. Мое оцепенение прошло, и я опрометью бросился куда глядят глаза. Волшебное снадобье не торопилось являть свои свойства, удерживая нас в призрачном мире, и становилось все очевиднее, что пройдоха Матвей наврал нам напоследок. Гошка нырнул куда-то в сторону, увлекая меня за собой, и втокнул меня в то самое здание, что стало нашей точкой прибытия в последнем перемещении.

«Гурий, если оно нам не поможет, то моя фантазия решительно отказывается предположить, что сделают с нами штопанные уродцы, — как-то безразлично поведал мне Гошка, рассматривая коричневую братию, уверенно приближающуюся к полуразрушенным стенам. — прощай, на всякий случай, Гурий, возможно таким красавцем я вижу тебя последний раз.»

Я потерянно оглянулся, оценивая шансы, и тоже на всякий случай попрощался с верным Гошей. после чего шагнул в темноту.

Глава 35.

Первое, что я услышал, когда мои мозги перестало выворачивать наизнанку, был испуганный Гошкин голос, осторожно ввинчивающийся в сознание.

«Гурий, очнись, приятель, Гуренька, не валяй дурака.» — от необычности обращения я с трудом разлепил веки и уставился на склоненную надо мной обросшую рожу моего приятеля.

«Ты чего, Гошка?» — хотел спросить я, но вместо этого издал невнятный вскрип и снова закрыл глаза. Спустя несколько минут я ощутил под собой неласковую поверхность асфальта, качественно отбившего мне бока, а после этого понял, что моя непрезентабельная одежда насквозь пропиталась сыростью. Еще через полчаса я обрел способность двигаться и с удивлением узнал, что провалялся на дороге почти полтора суток, что город опустел, а Гошка исчерпал все способы вернуть меня к реальности.

«На каком мы свете, Гоша? — наконец-то исторг я из себя членораздельную фразу, — где штопаные уроды?»

Гошка пожал плечами в ответ про уродов, добавив, что, когда мы очутились на улицах родного города, рядом не обнаружилось вообще ни души.

«Я сижу тут с тобой больше суток, Гурий, — пробормотал Волков, — если бы я знал, в какую сторону идти домой, я обязательно бы отправился бы туда. С тобой вместе. Но этот район города мне не знаком, хотя я был тут пару раз еще при жизни.»

Я посчитал, что достаточно оклемался, чтобы подняться на ноги и покрутив головой, выяснил, что нас вынесло на самые задворки Питера, что до Гошкиной квартиры больше часа пешей ходьбы, и что нам необходимо как можно скорее добраться до какого — нибудь укрытия.

Рассказывая про опустевший город, Гошка немного приукрасил факты. По улицам по-прежнему бродили толпы бессознательных горожан, замотанных в немыслимые наряды и тупо поглядывающих по сторонам. Время от времени нам попадались разного рода личности, демонстрирующие миру свой творческий потенциал, политические взгляды и прочую лабуду, не имеющую ничего общего со здравым смыслом. Те, до кого еще не дотянулись ущербные ручки безумного доктора, просто покачивались из стороны в сторону, внимая толпе. И над всей этой идиллией царила знакомая не перебиваемая вонь, совершенно не смущающая граждан.

Добравшись до Гошкиного жилища, я рухнул на его диван и снова провалился в тяжелый сон, очевидно таким нехитрым образом перемалывая воздействие волшебного зелья. Гошка выглядел бодрым и крепким, только периодически знакомо выражал свое видение ситуации, не жалея народных метафор.

«Что изменилось после нашего вмешательства? — гневно бормотал он, наблюдая из окна общую картину разрушения, — выходит твой лучший друг не поленился одарить своими мини программами весь мир, судя по новостям? Не может быть, что бы это недоразумение обрело такую мощь. За этим кроется что-то еще, Гурий, зуб даю!»

«Его безглазые недоделки попадали в наш мир, выныривая в любом месте, — отозвался я, — а их неумная активность подпитывалась командами предводителя, обещавшего конфетку. Помнишь нашу первую вылазку? Мне было важно заслужить одобрение, и это

лишало меня воли и здравого смысла. Вероятно, этот бандерлог умел как-то воздействовать на то, что некогда было их разумом.»

Гошка согласно кивнул и неожиданно хрипло рассмеялся, не отводя глаз от окна.

«А сейчас не умеет, поэтому бандерлоги сами явились в гости,» — непонятно объявил он и помчался на улицу. Я ринулся следом, отчаянно гадая, что же в этот раз разозлило моего несдержанного друга.

Выскочив на тротуар, я потерянно уставился на величественное шествие, заполонившее все свободное пространство. Что-то подобное я видел там, за гранью, но теперь, находясь по эту сторону реальности, отказывался верить увиденному. Штопаные уроды, обретя материальные формы, уверенно шагали по улице и больше не напоминали обдолбанных торчков. В каждом их жесте чувствовалась решимость, умноженная на поглощающую ненависть.

«Откуда они тут взялись и почему я их вижу? — пробормотал Гошка, пятясь обратно, — что им тут надо?»

Я не мог озвучить Волкову их конечную цель, зато их промежуточные задачи в комментариях не нуждались. Штопаные уроды крушили все, что попадалось им на пути, безжалостно выламывая металлические конструкции и вооружаясь. Граждане равнодушно расступались, будто и не замечая спонтанного бунта, а потусторонние обитатели придирчиво изучали каждого горожанина и двигались дальше. Я назвал их штопаными, но при внимательном рассмотрении понял, что все они имели ту самую гладкую рожу, что неизменно получается в результате естественного изменения.

«Чертов Матвей, — негромко выругался я, — получается, что, возвращаясь в наш мир, мы открыли границу и притащили за собой тех, кто дожидался своей очереди на обновление, но так и не дождался и теперь явился за своей долей»

Объяснение звучало так себе, но другого у меня не было. Благородный Антон, рассказывая о сомнительных увлечениях своего лучшего друга, упомянул, что тот умел вызывать в наш мир призраков, открывая им дорогу. Возможно, если нам удастся прервать сообщение между мирами...

«Собирайся, Гошка, наш ждет квартира безумного психиатра!» — объявил я и потянул несопротивляющегося приятеля за собой.

В квартире Матвея царил кавардак, повсюду валялись разбросанные Антоном вещи, а кипы книг были в беспорядке раскиданы и частично разорваны. Я не мог припомнить, чтобы верный подельник так варварски обошелся с печатными изданиями, но очень скоро мои недоумения счастливо разрешились. В первую минуту я не заметил скрюченную фигуру, сидевшую в самом центре разоренной комнаты и что-то с остервенением черкавшую прямо на ламинате.

«Матвей? — прошептал я, наконец-то узнав в невзрачном персонаже хозяина квартиры. — чем ты занят?»

Ответом мне послужил взгляд, полный презрения и ненависти, и полное молчаливое неприятие. Мои старания наградить психиатра примитивным рассудком, успехом, судя по всему не увенчались. Матвей излучал злобу, но выглядел так же, как и в нашу предпоследнюю встречу, кроме того, манипуляции, проводимые им, не позволяли надеяться на работу упрощенной программы.

«Что, Гурий? — прохрипел он, втыкаясь в меня насмешливым взглядом, — думал, перехитрил? Думал, научился управляться со сложным механизмом? Глупец, и всегда им

был. Своей выходкой ты просто лишил меня возможности пересекать миры, но не возможности управлять их обитателями. Если я не могу командовать ими там, я стану командовать ими здесь. Смирись, Грошик, ты умный, но ты дурак, если не веришь в это!»

Матвей снова обратился к своим пентаграммам, забывая про наше присутствие и что-то бормоча себе под нос. Волков, устав разыгрывать из себя воспитанного гостя, набросился на Матвея с кулаками, вымещая на нем всю накопившуюся злобу.

«Негодяй, — шипел он, отвешивая психиатру увесистые пинки, — играешься с чужими жизнями, как с тряпичными куклами! Немедленно загоняй это стадо обратно и уматывай сам!»

Гошка перечисляя списки пожеланий, не забывал подтверждать наглядно каждый из озвученных пунктов, после чего выхватил из рук деморализованного врача карандаш и принялся добавлять в тщательно расписанные на полу линии новые детали. Матвей равнодушно следил за хаотичными набросками, пока Гошка не провел через всю эту мешанину еще одну заключительную линию.

Я много повидал на своем веку, много слышал различных тональностей, но то, что прозвучало вслед за этим, я услышал впервые. Матвей вскинул вверх обе руки, будто пытаюсь закрыться от всего мира, и протяжно завыл. Гошка от неожиданности отбросил орудие письма и вопросительно уставился на меня. Матвей извивался, принимая самые замысловатые позы, но выть не прекращал, вкладывая в интонацию самые грустные и отчаянные ноты.

«Довольно, Матвей! — решил я прервать показательные выступления, — чего ты хочешь этим сказать?»

Но Матвей ничего говорить не пожелал, в ярости разрывая последние целые книги и топча их ногами. Когда на полу образовалась внушительная гора измятых листков, психиатр остановился и совершенно спокойно поглядел на меня.

«Я потратил лучшие годы жизни, чтобы достичь того, чего достиг, — с непонятной гордостью объявил он, — еще немного и у меня бы получилось. Тот сброд, в который постепенно превращались скучные обыватели мог бы сказать мне спасибо за жизнь без проблем. Ну кому интересно ломать голову над вечными вопросами жратвы, смыслом никчемной жизни, обогащения и прочего мусора? Быть свободным от этого гораздо веселее. Тебе ли не знать, Гурий, как легко человек может поддаться соблазну легких денег, вспомни те операции, что ты помогал мне проводить, считая их преступными. Это не останавливало тебя раз за разом нырять в небытие и пополнять свой и без того раздутый бюджет»

Матвей помолчал и неожиданно обратился к замершему Волкову.

«Кстати, поздравляю, вы только что избавили мир от страшной напасти, сами того не подозревая. Bravo Волков! А я еще сомневался, когда выбирал Гурию замену. У меня на примете было еще пара невзрачных персонажей, но я почему-то остановился на вас, Георгий Волков. Кто бы мог подумать! — немного переигрывая, воскликнул Матвей, — но вот вы и сделали свое главное дело, помешали мне и спасли человечество. Ну а может то и к лучшему...»

Гошка продолжал пялиться на психиатра, явно не понимая ни слова из его проникновенной речи, а я только усмехнулся его словам.

«Что будет с обновленными гражданами? Теми, что так сказать, влезли без очереди?» — поинтересовался я, не слишком надеясь на правдивый ответ.

«Они рассыпятся в прах, — буднично заявил Матвей, — ну некоторое время они

побродят среди толпы, продемонстрируют чудеса неадекватности и с треском разлетятся на составляющие элементы. Такова жизнь, приятель.»

После чего весело расхохотался, наблюдая за выражением моего лица.

«Ладно, не пугайся так сильно, их не так уж и много. — обнадеживающе проговорил Матвей, — я все тщательно проверил, тем, кому не повезло стать обладателем бракованных оболочек, оставались считанные дни, они в любом случае долго бы не задержались в этом мире. Остальные проживут долго и счастливо, учитывая их неглубокие взгляды на мир и жизнь. Все к лучшему, Гурий!»

Приземленный Волков, утомившись слушать бред свихнувшегося властителя судеб, молча развернулся и вышел прочь, не желая выяснять свою роль в деле спасения человечества.

«Ваш приятель завершил цикл, загнав моих «друзей» за грань и закрыв границу. — неожиданно охотно пояснил мне Матвей, отвечая на мой невысказанный вопрос, — больше не будет перемещений и незапланированных визитов. Программа, которой я воспользовался для подчинения и управления мертвым разумом, работает только до своего завершения и не возобновляется. Если ее закрыть так, как это сделал ваш друг, она исчерпает свою силу и станет бесполезной. А значит, мне придется потратить еще некоторое время, чтобы отыскать похожую или создать свою. Я не отчаиваюсь, Гурий, и верю в свои силы.»

Я тоже утомился слушать эти откровения и покинул скорбную обитель злобы и ненависти без всякого сожаления. Возможно сумасшедший психиатр и прав, утверждая, что жить без целей и задач проще, но я с ним был не согласен.

Я догнал Гошку на полдороги к дому и некоторое время шел молча, ожидая от приятеля гневных фраз, осуждения и демонстрации неприязни. Гошка никак не отреагировал на мое появление и только у самого дома с усмешкой произнес:

«Мир никогда не был совершенным, и надеяться на то, что когда-нибудь станет таким, я бы не стал. Остается только верить в то, что такие ненормальные, как твой студенческий приятель, не будут появляться в природе слишком часто»

Глава 36.

«Приветствую, Гурий!

Если бы кто-нибудь год назад сказал мне, что я займусь написанием писем, я смело бы послал его лесом, для уверенности приправив пожелание увесистым пинком. И вот теперь я сижу в сырой вонючей конуре и пытаюсь сочинить для тебя трогательное послание. Что делать, приятель, таковы времена! Я вообще не уверен, что моя исповедь когда-нибудь доберется до адресата, но мой нынешний сосед, немного сохранивший остатки здравомыслия, пообещал отыскать тебя, хоть его словам нет всестороннего доверия. Ладно, Гурий, довольно предисловий. Я хочу извиниться перед тобой за свой несдержанный нрав и выразить надежду, что однажды ты забудешь о том эпизоде, что завершил наше недолгое знакомство. Я никогда не считался образцом воспитания, но даже мне сейчас кажется, что я немного перегнул. Хотя, какое там «немного!» Очень рассчитываю, дружище, что с тобой сейчас все в порядке, и ты не держишь на меня зла. Еще раз, прошу прощения.

З.Б. И еще я не отказался бы снова поучаствовать в тех приключениях, что так внезапно обрушились на мою голову полгода назад.

С уважением, Волков Г.»

Я осторожно свернул изрядно потрепанный листок и спрятал в карман. Мои синяки и перелом, на которые так деликатно намекал мне Волков Г, давно срослись и зажили, я

больше не злился на несдержанного знакомого, и отчаянно жалел, что наша полудружба закончилась, толком не начавшись. Перед моими глазами возник тот самый эпизод полугодовой давности, который явился тому причиной.

Покинув безумного вершителя судеб, психиатра Матвея, Гошка до самого дома сохранял почти дружеское молчание, изредка разбавляемое ничем не значащими фразами, и только втиснувшись в сырую съемную клетушку, позволил тщательно сдерживаемым эмоциям вырваться на волю. Поцелкав бесполезным выключателем, Волков развернулся ко мне и, не оповещая о намерениях, со всей силы врезал мне в челюсть. От неожиданности я пошатнулся, но на ногах удержался, и, не желая провоцировать поножовщину, миролюбиво пробормотал, сплевывая на пол:

«Завязывай, приятель, так мы ничего не решим...»

Однако мои слова послужили мощным катализатором Гошкиных дальнейших действий, стоивших мне физического благополучия. Из невнятных Гошкиных реплик, сопровождавших весьма профессиональные боксерские удары, становилось понятно, что главным ответственным за весь хаос, что сейчас творился за стенами неотопливаемого жилища, назначался исключительно я, и только мне предстояло держать ответ за содеянное. Я кое-как уворачивался от пинков, по мере сил отвешивая сдачу, но, воспитанный улицей Волков, не оставлял мне шансов. Мои уверенные реплики о том, что на моем месте мог оказаться любой другой, что скорей всего, так и случилось, что мое участие в создании хаоса минимально, в рассмотрение не принималось, а только озлобляло везунчика-дальнобойщика. В конце концов, исчерпав все аргументы, Гошка распахнул дверь, и с силой вышвырнул меня за порог, не желая больше ни секунды находиться в моем преступном обществе. Я послушно скатился по ступенькам, все еще не до конца придя в себя от воздействия возвратного зелья, и грузно шмякнулся о перила, добравшись, наконец, до подножия лестницы. Подниматься обратно и доносить до злобного Георгия очевидные факты категорически не хотелось, и я медленно побрел прочь, обдумывая свои дальнейшие шаги.

Мое изгнание с относительно комфортной территории состоялось в самом начале зимы, когда по тротуарам уже мела первая поземка. Возвращаться в мою собственную квартиру, заботливо атакованную скорбящей тетей Надей, смысла не имело, а куда возвращаться еще, я не знал. Мои побитые бока надоедливо напоминали о себе, а глаза застилали распухающие синяки. В другое время, не омраченное вмешательством наглого Матвея, сострадательные граждане наверняка отправили бы меня в ближайший травм пункт или, в самом крайнем случае, от души навалили бы полезных рекомендаций, однако сейчас они просто текли мимо, даже не поворачивая ко мне головы. Я не мог их винить за равнодушие, косвенно чуя свою собственную вину в происходящем. «Чертовы деньги, — думал я, шлепая по ледяному ветру, — их нет даже для съема какой-нибудь общажной комнатухи на задворках вселенной.»

Внезапно в мою гудящую голову влезла мысль о давно заброшенном садовом участке, некогда принадлежавшим моей семье в мои подростковые годы. Садовое товарищество располагалось у черта на рогах, тащиться через весь город и еще десяток километров желания не возникало, но настойчиво разыгрывающаяся непогода не оставляла мне права на капризы. Я тяжело выдохнул и зашагал вдоль узких тротуаров.

К заброшенным дачам мне удалось попасть с наступлением поздних зимних сумерек, когда на откровенно пустующей территории садового товарищества любая тень вызывает

мистический ужас. Последний раз, если не считать спонтанного посещения дач в компании злобного Волкова пару месяцев назад, я навещал эти края будучи школьником старших классов, и поэтому откровенно терялся в замысловатых лабиринтах дачных улочек. Отовсюду на меня пялились темные окна невысоких строений, оживающих только с первыми летними лучами, и мне пришлось здорово потрудиться, чтобы отыскать тот самый домик, ради которого я сюда прибрёл. Стараниями местных забулдыг домик был лишен своих основных деталей, необходимых для комфортного проживания. Меня встретили пустые проемы без дверей, без оконных рам и унылая комната без признаков немудреной мебели. Относительно целыми здесь оставались пол и крыша, но это все же было лучше, чем ночевать на голой земле.

Первая ночь, проведенная на новом месте, запомнилась мне завыванием ветра в пустых проемах и мельканием за отсутствующими окнами неясных теней. Несколько раз за ночь я поднимался на ноги и совершал круговые прогулки по тесному пространству нового жилища, пытаясь согреться. В период таких хождений я неотвязно возвращался к мысли о необходимости восстановления своего воскресшего статуса, и с наступлением утра, отправился в город исполнять задуманное. Как выяснилось, распланировать очевидное было проще, чем все это воплотить все это в реальность. Полубессонная ночь и многочасовой переход превратили меня из аккуратного человека в совершенного бродягу, однако этим я никого шокировать не смог, встроившись в хвост бесконечной очереди в ближайшем многопрофильном центре. Учитывая сложившуюся обстановку, я вообще не был уверен, что обнаружу хоть одно из работающих заведений, поэтому, увидев открытые двери, я заметно приободрился. Очередь механически медленно продвигалась до единственного открытого окошка, при этом не издавая ни единого звука. Спустя вечность я встретился глазами с отрешенной маской, в точности повторяющей суровое лицо сотрудницы центра. Не произнося ни звука, она протянула мне написанный от руки список и медленно повернула голову в сторону следующего посетителя. Я не успел даже озвучить свою просьбу, но в этой очереди этого не делал никто, и я тоже молча отошел в сторону. Корявыми прыгающими буквами на смятом листочке были нацарапаны задания, которые мне необходимо было выполнить за три последующих дня. Задания включали приобретение фотографии, выписки из домовой книги и почему-то примерный план нынешнего места проживания. Я покрутил в руках список и выполз на улицу, не зная, как приступить к прохождению квеста.

За углом обнаружилось фотоателье, на пороге которого скучала его сотрудница. На мои вполне конкретные просьбы сфотографировать мое незабываемое лицо, дамочка скрылась за дверью и спустя минуту протянула мне кипу готовых снимков, жестом предлагая выбрать что-нибудь подходящее. Все мои уточняющие фразы относительно оригинальности фото остались не услышанными, и я, покопавшись во внушительной коллекции, отобрал пару изображений, отдаленно напоминающих меня самого. Дамочка, не дожидаясь моих благодарностей, живо покинула меня, крепко захлопнув стеклянную дверь. Подивившись странному способу изготовления деловых фотографий, я побрел дальше, гадая про себя, что меня ждет в домовом управлении.

В домовом управлении меня вообще никто не ждал, но двери гостеприимно распахнул, приглашая в полутемное подвальное помещение с минимумом удобств. Я протиснулся в коридорчик и наугад толкнулся в одну из дверей. Там, за дверью, располагались высокие стеллажи, битком набитые разного рода документацией, и вероятно выполняющие роль некоего архива, а в самом углу едва различалась тоненькая фигурка местного архивариуса,

равнодушно перебирающего лежащие перед ним бумаги. Я принялся доносить до его понимания причину моего появления, но видимо, не донес, поскольку, архивариус раздражающе медленно поднялся и механически протянул руку к первому попавшемуся стеллажу. Вытянув наугад какую-то бумагу, он украсил ее печатью и протянул мне, намекая на завершение аудиенции. Из содержания документа я не понял ни слова, но на всякий случай аккуратно сложил к выбранным чужим фотографиям. Махнув рукой на заключительный невыполненный пункт, я направился обратно в Центр стоять в очереди. Судя по всему, паспорта мне не видать, как своих ушей, думал я, тупо пялясь в затылок впереди стоящего гражданина.

Когда размеренно шаркающая очередь вынесла меня к заветному окошку, я протянул туда откровенную лажу и принялся ждать гневной отповеди. Однако девушка-оператор, внимательно рассмотрев принесенные листочки, молча отправила всю коллекцию в корзину, а мне выдала свернутый вчетверо бланк, очевидно ставший моим паспортом на ближайшие несколько лет.

Один из охранников на входе со знанием дела развернул только что полученную мной бумажку и некоторое время без особого интереса пялился на разлинованную поверхность, после чего вернул мне обратно и вежливо выставил вон. Все происходящее буквально вопило о некоем розыгрыше, вот прямо сейчас откуда-нибудь из-за угла выскочит настоящий страж порядка и влепит мне солидный штраф, предварительно закрыв меня до выяснения в сырой камере. Я терпеливо подождал развития событий, но не дождался, и медленно потянулся обратно, к дачам.

По дороге я размышлял над тем, станет ли разлинованный листок основанием вернуть мне квартиру в личную собственность и как с его помощью мне теперь обустроить свой финансовый быт. На удачу я решил заглянуть в одну из клиник, встретившихся мне по дороге. Там по темным коридорам толкались неясные тени, в очертаниях которых я с трудом различил не то посетителей, не то персонал, но в любом случае, то, что я увидел рушило мои последние надежды на официальное трудоустройство. Все вокруг было погружено во мрак и запустение, а в рабочих кабинетах хаотично располагались граждане, имеющие очень отдаленное отношение к медицине. Побродив в их компании некоторое время, я так и не обнаружил никого, кто мог бы помочь мне с этим вопросом, и побрел обратно, прощаясь с карьерой.

До дач я добрался с первыми лучами нового дня, насквозь замерзнув и смертельно оголодав. По дороге мне попадались какие-то торговые точки, но теперь, не имея денег и особых суперспособностей, я не знал, как пополнить запасы продовольствия.

Ввалившись в ледяное нутро дачного домика, я подвел грустные итоги своей долгой и бесполезной вылазки. По ее результатам выходило, что отсутствие законных средств к существованию, а также полная невозможность достойно вклиниться в стремительно разрушающееся общество не оставляет мне много шансов на долгое и счастливое проживание в современных условиях. А значит, мне необходимо было брать инициативу в свои руки.

Пока неясное зимнее солнышко пробивалось сквозь сырое марево, я наскоро набросал себе план на текущий день. В дачных поселках всегда можно было отыскать что-нибудь полезное для быта, а если очень повезет, то и пополнить запасы харчей. Так мне говорил когда-то очень давно мой спившийся одноклассник, не пожелавший напрягаться и строить жизнь по привычным алгоритмам. Я весьма снисходительно выставил его вон, когда он

завершил познавательное-образовательное выступление просьбой одолжить ему некоторое количество денег. Но его маргинальная наука могла бы пригодиться мне прямо сейчас, и этими знаниями я незамедлительно решил воспользоваться. Моими соседями по дачам были явно весьма состоятельные граждане, имеющие просторный двухэтажный коттедж и красиво украшенный двор. К ним я не полез, избегая возможных конфликтов. Я решил нанести визит в отдаленные домики, те, которые выглядели попроще. В одном из таких строений я отыскал очень своевременную куртку, а также относительно целое одеяло, которое с удовольствием забрал в качестве трофея. Заглушив не вовремя проснувшуюся совесть, я пробежался еще по нескольким участкам и стал счастливым обладателем половины мешка мороженой картошки и некоторого количества неведомой мне крупы. Оттащив богатство к себе, я возобновил экспедиции, по окончании которых мог похвастаться почти не ржавой кастрюлей, парой стаканов и погнутым чайником. Я аккуратно разложил принесенное добро на полу, забил фанерой окошки, приладил некое подобие двери и зажил барином. Первые два зимних месяца я отчаянно пытался аккумулировать тепло в своей непрезентабельной хатенке, разводя огонь прямо в найденном во дворе ведре. Ведро отчаянно коптило, дымило и не давало ничего, кроме удушливого смрада, но вид играющих отсветов пламени грел душу и немного освещал помещение. В такие вечера я любил размышлять о смысле бытия и невольно усмехался тому, что приходило в мою голову. Как часто, попадая в подобные условия, человек впадает в отчаяние и сетует на несправедливую судьбу. А иногда, в особо малодушных случаях, активно призывает смерть. Я уже видел мир по ту сторону реальности и поэтому так ревностно цеплялся за земное бытие.

Мои опустошительные рейды повторялись с завидной регулярностью, и моя совесть больше не мучила меня своей навязчивостью. Я даже свыкся с подобным способом обогащения и, поэтому, когда в один из вечеров в мой мало уютный дом раздался уверенный стук, немало напрягся, подумав о нагрянувшем возмездии.

«Эй, есть кто живой?» — раздался из-за двери вполне здоровый голос.

Прятаться не было смысла, мой домик имел все признаки обитаемости, и я смело распахнул дверь перед незванным визитером.

«Ох, ну ты и забрался в этакую глушь, насилу нашел, — поделился наболевшим плотный мужик, закутанный в немыслимое сочетание всех видов зимней одежды. — ты что ли Гурий Грошик?»

Я молча кивнул, готовясь слушать продолжение.

«Я тут неподалеку обитаю, — тут же последовало оно, — часто видел тебя на участках.»

Я равнодушно пожал плечами, отчаянно надеясь, что ни разу не навещал приземистого мужика в периоды его отсутствия. Мои ребра зажили, я мог бы легко выдержать серию ударов, но мне очень не хотелось вступать в потасовки и разборки. Мужик равнодушно махнул рукой, заметив мое замешательство и добродушно продолжил.

«Я вообще-то редко сюда навещаюсь, далеко, да и смысла особого нет. Сосед у меня в Питере есть, чокнутый немного, ну да сейчас это никого не удивляет, только посмотри, куда мир катиться! Он мне все про путешествия между мирами рассказывал, про суперлюдей, правда, ругался при этом, как извозчик. Станный он, но мне симпатичен. А когда узнал, что у меня тут дача, принялся что-то писать, приговаривая, что вину за собой чует и хочет покаяться, — мужик торопливо зашарил по многочисленным карманам и извлек на свет измятый клочок, густо исписанный размашистым почерком. — Вот, возьми, ежели ты и есть Гурий. А мне пора, дела, знаешь ли.»

Так я получил весточку от своего приятеля Волкова Г.

Несмотря на наше эмоциональное расставание, я тоже скучал по грубоватому парню, в глубине души надеясь на возобновление знакомства. Отчасти потому, что в этом мире у меня не осталось никого, с кем я мог бы вот так запросто поболтать о призрачном городе, о штопаных уродах, о безумном психиатре. Да и просто поболтать. Меня никто не помнил по эту сторону реальности, отчасти благодаря стараниям все того же психиатра, а заводить новые знакомства у меня не возникало желания. Решив при удобном случае навестить Гошку в городе, я подкинул в ведро дров и вольготно растянулся на полу, погружаясь в сон.

Глава 37.

Удобного случая долго не представлялось, поскольку я, учитывая свой полулегальный статус, старался как можно меньше показываться на глаза посторонним. Несмотря на всеобщий хаос и анархию, мне иногда попадались на глаза бравые парни, затянутые в официальную форму блюстителей порядка. У меня, разумеется, возникало много вопросов в их практической эффективности, а вот в возможности тесного с ними взаимодействия я не сомневался ни секунды. Кто знает, каким наказаниям подвергаются внезапно воскресшие граждане, не имеющие нормальных документов. Однажды утром мое размеренное дачное бдение было разбавлено появлением некой группы лиц, почти неслышно прощмыгнувшей под моими окнами. Приглушив в себе природное любопытство, я незаметно выскользнул из домика и с удивлением узнал, что неизвестные просочились в один из законсервированных на зиму участков и пробыв там некоторое время, в том же порядке покинули домик и скрылись с глаз. После этого визиты стали повторяться с завидной регулярностью. За то время, пока неизвестные мотались мимо моего участка, навещая чужое строение, я успел выяснить, что всего их шестеро, что все они довольно бодры и активны, а из их невнятных переговоров становилось ясно, что разум еще не до конца покинул их лихие головы. В один из таких визитов самый непоседливый из группы, заметив мое внимание, негромко поинтересовался:

«Ты кто будешь, парень?»

Мне не хотелось раскрывать свое инкогнито, и я отделался ничего не значившими фразами, назвавшись Трофимом. Окликнувший меня приободрился, очевидно не увидев во мне угрозы, и направился в мою сторону.

«Ты что ли тут живешь, Трофим?» — почти дружески поинтересовался он, с интересом оглядывая мою невзрачную хибарку. На общем фоне повального пофигизма и отрешенности, мужик виделся мне вполне обычным, и я коротко кивнул, рассчитывая на полезное знакомство. Оно последовало немедленно, и через пару минут я уже знал, что моего нечаянного собеседника зовут Зиновий, можно просто, Зяма, а остальных своих приятелей он пообещал мне представить, если я соглашусь навестить их скромную обитель. Не чувствуя подвоха, я смело направился следом, знакомиться с остальными. Вопреки намерениям, Зяма, любезно затолкнув меня в тесный домик, пригласил присесть и, настороженно глядя на мое лицо, неожиданно заявил:

«Видал, Троша, что творится в городе? Нормального житья не стало от всех этих новых порядков и правил. — и заметив мое непонимание, уточнил, — неужели не знаешь?»

Как выяснилось, мое добровольное затворничество, длившееся всю зиму, лишило меня весьма важной информации. Город наводнили странные существа, которые Зяма никак не решался назвать людьми.

«Они снуют повсюду, — горячо вещал он, размахивая рукой, — теперь обычному

человеку, чтобы приобрести обыкновенные продукты, необходимо доказать, что он является местным жителем. Магазины закрыты, а вместо них повсюду наоткрывали так называемые продовольственные точки. За кусок колбасы дерут небывалые деньги, а еще требуют новые документы»

Зяма рассказывал много чего еще о безумных проектах странных существ. Они отменили медицинскую помощь, пропагандируя здоровый образ жизни, с их подачи закрылись образовательные учреждения, названные средством задуривания мозгов. Взамен утраченного, существа строго регламентировали частную жизнь горожан, рассчитав время их пребывания вне жилых территорий. За нарушение порядка выписываются чудовищные штрафы.

«А если кто пытается возмущаться, — гневно вещал Зиновий, — тому прилетает в табло! Правда таких смельчаков не находится, все ходят смиренные да покорные. Аж тошно от всей этой картины!»

Познакомив меня с текущими новостями, Зиновий предложил мне встать под его знамена, поскольку я «сохранил рассудок и выгляжу нормальным мужиком».

«Но самое жуткое, — прошептал Зяма, завершая свое пылкое выступление, — то, что никто не видел их настоящих лиц. Все они ходят замотанные по самые брови какими-то тряпками и только рычат.»

Последнее заявление породило много вопросов, ответы на которые мог мне дать только один человек.

На следующее утро, не дожидаясь торжественного посвящения в народные повстанцы, я отправился в город. Зиновий накануне озвучил тезисы, рожденные его соратниками, которые показались мне мало продуктивными и несостоятельными. Решительно настроенные бунтари вздумали уничтожить существ подручными средствами, предлагая мне присоединиться. Я согласно покивал и малодушно слинял в свой домик.

К обеду следующего дня я уже уверенно шагал к дому Матвея, осторожно поглядывая по сторонам. Зиновий не обманул. То тут, то там мне встречались таинственные личности, действительно, имеющие странные облачения. По случаю холодной весенней погоды они были до глаз замотаны в разноцветные тряпки, но никакой агрессии не проявляли. Очевидно, я еще не исчерпал свой лимит пребывания на свежем воздухе, и штрафы мне пока не грозили. Я без проблем добрался до знакомого дома, но дальше начались сложности. Матвей жил на четвертом этаже старого здания, с гулким парадным и широкими лестничными пролетами. В прежние времена возле дверей сидела неизменная консьержка, сурово выпрашивая цель визита и поглядывая поверх огромных очков на неурочного посетителя. Сейчас консьержки не было, но даже без ее участия желание навещать психиатра у меня пропало начисто. Дверь в квартиру душевного доктора была распахнута настежь, однако, это ничем не напоминало жест гостеприимного хозяина, по причине полного его отсутствия на территории. Квартира Матвея была забита невнятными личностями в пестрых тряпках, которые не стесняясь бродили по комнатам и переговаривались визгом и скрежетом. Мое присутствие непонятные гости проигнорировали, занятые весьма загадочным развлечением. Они планомерно скидывали на пол все, что некогда громоздилось на полках, шкафах, стеллажах, и выглядели при этом неоправданно довольными. Навалив на пол внушительные кучи разного Матвеева барахла, существа потянулись на выход, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания. Когда их визгливое эхо исчезло за дверью парадного, я рискнул пробраться в разоренное жилище и

убедиться в отсутствии хозяина. Квартира психиатра представляла собой унылое зрелище, однако ни в одной комнате я его так и не нашел. Мы не были с Матвеем близкими друзьями, поэтому я не мог с уверенностью сказать, где безумец мог проводить свободное время.

В том, что новые порядки и правила, о которых мне рассказал Зиновий, устанавливались его обновленными супер людьми, сомнения не вызывало. Те, кому посчастливилось остаться без обновления, подверглись оболваниванию при помощи потусторонних уродов, и было бы желательно послушать предложения милого доктора по предотвращению учиненного бардака. Наудачу я вытянул из огромной бесформенной кучи какую-то книжку, содержащую практические рекомендации по общению с потусторонним миром, и с ненавистью отшвырнул в сторону. «Чертов идиот,» — вполголоса проговорил я и решительно зашагал на лестницу.

Глава 38.

Мои воинственные порывы резко сменились другим, не менее завораживающим чувством. Мне сказочно хотелось жрать, а учитывая мои нечастые в последнее время набеги на приусадебные участки, рассчитывать на домашние разносолы не приходилось вовсе. По словам революционного Зямы, нынче вместо магазинов, гражданам предлагалось воспользоваться таинственными продуктовыми точками, на поиски которых я и отправился. Одна такая точка выросла прямо у меня на пути и представляла собой полуразобранный модуль бывшего павильона, до краев набитого всякой жратвой. Возле входа торчал добрый молодец, решительно сдерживающий толпу голодных и нуждающихся. Познакомившись с примерным алгоритмом выдачи продуктов, я пристроился в хвост очереди и принялся ждать, рассчитывая на удачливую халяву.

Впереди меня стояла тоненькая девушка, поминутно оборачиваясь в мою сторону и с видимым интересом рассматривая непрезентабельного меня. Когда это занятие ей наскучило, барышня решила перейти к более активным действиям и завела со мной непринужденную светскую беседу.

«Средства-то у тебя есть, красавчик? — высоким писклявым голосом поинтересовалась она, — тут без них делать нечего»

Я хотел было возразить, что без денег делать нечего везде, но неожиданно толпа расступилась, и я с разговорчивой барышней оказался перед грозным гастрономическим стражем. Он без затей протянул ко мне раскрытую ладонь, видимо требуя плату за продукты и, не получив желаемого, с неожиданной силой вышвырнул меня на дорогу. Собравшиеся равнодушно проследили за моим эпическим полетом и снова вернулись к насущному, забыв обо мне навсегда. Я поднялся с неласкового асфальта и, хромя отошел к тротуару, теряясь в догадках, где мне достать эти самые деньги. Мои счета с баснословными гонорарами давно отошли тетушке, в том я не сомневался ни секунды, а официальная работа мне пока была недоступна.

«Пойдем! — раздался сбоку знакомый тоненький голосок, — это не в моих правилах, ну да ладно. Отплатишь после!»

Рядом со мной стояла все та же девушка и настойчиво тянула меня за руку. Я решил не кривляться и послушно двинулся следом, по пути гадая, куда мы держим путь.

Дорога через несколько перекрестков, парков и проспектов привела нас к неприметной высотке, старой и облезлой. Как выяснилось, моя случайная попутчица жила тут на пятом этаже и сейчас отчаянно желала пригласить меня в гости.

«Денег у меня все еще нет,» — на всякий случай напомнил я, и из чистого интереса

отправился за незнакомкой. Пока мы поднимались пешком по отвратительно вонючей лестнице, она рассказала мне, что зовут ее Эмма, что она живет одна и может помочь с работой. Последнее заявление вызвало искренний интерес, но Эмма не торопилась раскрывать секреты моего возможного трудоустройства.

Квартирка, где обитала немногословная барышня, интерьером не поражала. Единственную комнату украшал одинокий раскладной диван, а в углу, прямо на полу притулился круглый аквариум без воды и рыбок.

«Пришлось продать все, — охотно откликнулась хозяйка на мои незадаанные вопросы, — за долги. Квартирка не моя, она банку принадлежит, но пока не выгнали. Располагайся»

Я все ждал той части, когда Эмма заведет разговор о выгодном местечке, или хотя бы расскажет о своей занятости, однако милая хозяйка только сновала из комнаты на кухню, натаскивая мне каких-то разноцветных упаковок. Тут нашлись и пачки с заплесневевшими печеньями, и каменные леденцы, и мало пригодные в пищу просроченные чипсы и прочая дрянь, которую я в обычной жизни старался избегать. Однако Эмме во всем этом виделось самое изысканное угощение, и она, жеманно кривляясь, предложила начать трапезу. Учитывая полное отсутствие медицинских учреждений, я настоятельно рекомендовал Эмме воздержаться от подобных экспериментов и выкинуть запасы в помойку, на что милая девушка обиженно нахмурилась и глухо пробормотала:

«Какой же ты зануда! Я этим питаюсь уже третью неделю, и ничего, как видишь. Не хочешь, не ешь!»

Так прошел наш первый романтический ужин, который закончился моей попыткой отправиться домой. За время моего общения с Эммой в моей голове угнездилась мысль о полной недалёковидности моей новой подруги, а проще сказать, о ее откровенной глупости. Она то принималась петь восторженные дифирамбы пролетевшей за окном вороне, то визжала при виде фигурного облачка на небе, а то и просто начинала перечислять мне свои искромётные победы на межличностных фронтах.

«Ты представляешь, Гурий, — с долей превосходства изрекала сердцеедка-Эммочка, — он собирался резать вены, а после повеситься, а еще через день застрелиться, потому что я отказалась идти с ним в кино. Ну не могу же я оказывать внимание всем сразу? Кому-то придется немного пострадать!»

Я смотрел на ее простенькую мордочку и всецело соглашался с ней. Кому-то, действительно, придется пострадать, думал я, например, тому, кто рискнет отправиться с ней в кино. Я вежливо поблагодарил любезную хозяйку за оказанную мне честь и направился в прихожую. Эмма немного покривлялась, прощаясь со мной, и внезапно замерла в сложной позе.

«О, боже, Гурий! — воскликнула она, а я невольно вздрогнул, — совсем забыла. Я обещала тебе помочь с работой. Приходи завтра утром к тому продуктовому ларьку и жди меня. Только не опаздывай, пожалуйста, я ненавижу ждать!»

Предложение прозвучало весьма своевременно. Теперь мое многокилометровое возвращение на дачу виделось мне нецелесообразным и утомительным, но проситься на ночлег к Эмме мне отчаянно не хотелось. Заметив мои внутренние противоречия, хозяйка сама предложила мне заночевать у нее.

«Разумеется, если тебя дома не ждет красавица жена,» — игриво пробормотала она, но при этом в ее глазах сверкнули предупреждающие молнии.

«Никто меня не ждет,» — со всей убежденностью заверил я и плюхнулся обратно на диван.

Работа, которую мне обещала Эмма, оказалась несложной, но денежной. Как по секрету поведала мне барышня, на эту должность берут не всех, ее бывший сейчас там начальник и решает любые вопросы. Но параллельно льет горькие слезы от расставания с ненаглядной, и именно поэтому я сейчас могу влезть на теплое местечко. Логику в ее словах я не уловил, но с благодарностью занял пост и приступил к обязанностям. Они включали банальный отлов всякого рода нарушителей, коими могли считаться все, кто отклонялся от указанных правил. Если я, к примеру, видел гражданина не по времени гуляющего на улице, я должен был немедленно сообщить в комендатуру. Или если какая-нибудь не в меру эмоциональная гражданка повысит голос в разговоре даже с самой собой, ее должна постигнуть та же участь. За укрывательство нарушителей полагался штраф и наказание, о котором Эмма тактично умолчала, открывая дорогу моей фантазии.

Вместе со мной работал такой же стукачок, немногословный и подозрительный тип, с остервенением бросающийся к любому нарушителю. За массовое предотвращение нарушений полагалась премия, о чем мне поведал горюющий в разлуке бывший Эммин дружок.

Моя голова звенела и гудела от обилия абсурда и нелепости на квадратную единицу площади. Первый день я благополучно проигнорировал десяток ляпов, и к вечеру был вызван на ковер к суровому руководителю.

Тот, вольготно развалившись в глубоком кресле, важно оглядел меня с ног до головы и, едва процеживая слова, заявил:

«Вот что, Гурий Грошик, или как вас там? Вы назначены ответственным за соблюдение и наведение порядка во вверенном вам участке. Если вы будете пренебрегать своими обязанностями, я буду вынужден принять меры, которые вам искренне не понравятся, а теперь идите, и докажите, что я не зря поверил в вас!»

Офис большого начальника располагался в каком-то темном подвале, больше похожем на бомбоубежище или филиал тюрьмы. Последнее сравнение оказалось максимально приближено к своему смысловому наполнению. Вдоль длинного коридора, через который лежал мой путь, были натканы тесные комнатухи, тщательно закрытые коваными решетками. За ними я насчитал около пары десятков граждан, сидящих и лежащих прямо на бетонном полу. Мой суровый конвоир, до лба замотанный в пестрый лоскут, неразборчиво пробубнил, что это те, кому повезло проштрафиться на должности меньше всех. Глядя на отсутствующее выражение лиц, я понял, что граждане сотрудники не слишком озабочены своей судьбой, но в целом картина получалась удручающая. Я хотел было спросить, что полагается более неаккуратным исполнителям, но глянув на пустые глаза моего конвоира, благоразумно промолчал.

Следующий мой рабочий день начался с рядового задержания. Его произвел мой напарник, выхватив из толпы первого попавшегося гражданина и притащив его в нашу кибитку.

«Имя,» — грозно потребовал он от нарушителя. Тот послушно пробормотал нечто непонятное и тут же был препровожден в комендатуру. Тип вернулся с довольной рожей и сообщил мне о полученной награде в виде поощрения.

«Ну а теперь ты, Гурий,» — милостиво предложил мне тип, кивая головой в сторону улицы.

«Там вроде бы все спокойно,» — неуверенно проговорил я, рассматривая притихших горожан. Те едва заметно перемещались по тротуарам, стараясь не смотреть по сторонам и не издавать лишних звуков. Тип снисходительно хмыкнул и вновь ринулся в народ, выдергивая из толпы первого попавшегося.

Ситуация повторилась жест в жест, и «нарушитель» был переправлен по назначению. Я припомнил сурового стража-начальника, бетонные полы за толстыми решетками и нерешительно шагнул на улицу. В интересах горожан было как можно реже покидать территорию частных жилищ, пока чокнутые исполнители не решили совершить рейды по квартирам, думал я, бродя среди толпы. Никто из встреченных мною горожан не издавал ни писка, а перемещался с утроенной осторожностью, мне неоткуда было ловить нарушителей, но решетки и таинственное наказание, так и неозвученное начальством, то и дело выплывали в памяти.

«На вверенном мне участке за целый день ничего не произошло, никто ничего не думал нарушать,» — отчитался я в конце смены и вызвал на каменном лице, закрытом пестрым платком, гримасу неудовольствия.

«Так быть не должно, — рявкнул главный страж и позвал какого-то амбала. — всыпь ему дополнительное порицание!»

Бросил он и потерял ко мне интерес. Я рассчитывал послушать суровый выговор от шкафоподобного громилы и отправиться восвояси, однако немного ошибся в своих предположениях. Амбал повел меня по тому же коридору, мимо клеток, решеток и кислых рож за ними, в какое-то еще подобие подвала, оснащенного бетонным парапетом. Грубовато втолкнув меня внутрь, амбал скрутил мне за спиной руки и повалил на бетонное ограждение, приказав лежать и не двигаться. От внезапности поворота, я резво вскочил на ноги и от души всадил наглецу за самоуправство. Тот выкатил на меня белесые глазенки и что-то рявкнул в коридор. Тут же, по его команде в подвал набежали такие же бравые ребяташки и без лишних слов снова уложили меня на парапет, но теперь крепко держа меня за ноги и за руки. Мой сопровождающий пошебуршал чем-то за моей спиной, и до меня донесся весьма пугающий свист, тут же сменившийся оглушительной болью в спине и ногах. Мою кожу разодрало чем-то острым, и я наконец-то догнал, что за наказание приготовил мне начальственный урод в отместку за мое ничегонеделание. Выдержав с десятков ударов плеткой в качестве дополнительного порицания, я был отпущен на волю с отеческим назиданием впредь быть внимательней и осмотрительней. Мое тело болело, голова отказывалась воспринимать данность, и я решил больше никогда не возвращаться на вверенный мне участок. Добравшись до Эмминой квартиры, куда меня любезно приглашала хозяйка на время моей общественной деятельности, я со стоном рухнул на диван и провалился в больной сон. Вернувшись домой Эмма только взмахнула руками, поражаясь увиденному. Я-то наивно подумал, что получу сейчас порцию утешительных манипуляций, возвращающих к жизни, однако и тут мне пришлось разочароваться. Эмма только охала, кружась вокруг, и наконец озвучила мне свою главную реплику.

«Ну надо же, Гурий! Неужели ты не смог за пару дней набрать хотя бы с десятков нарушителей?! Этого, разумеется, недостаточно, но тогда бы ты избежал порицаний. Ну согласись, просидеть в клетке пару-тройку дней куда предпочтительней плетки и гнева главного!»

С этим я был готов согласиться, не раздумывая, и уже на следующий день волок в комендатуру всех без разбору, думая про себя, во сколько же денег выльется мое небывалое

рвение. Мне было все равно, что сделают с бедолагами, моя спина ныла и кровоточила, а задница не позволяла мне присесть даже на минуту. Набрав себе улов в количестве трех десятков, я умиротворенно облокотился руками на рабочий стол и шумно выдохнул.

«Подайте ваш документ,» — весьма миролюбиво протянул Главный, когда вечером я отчитался перед ним о своих успехах. Он аккуратно вписал кривую цифру в одну из разлинованных строк протянутой мной бумажки, и отпустил отдыхать.

«Эмма, что я получу за наведение порядка в мире и во вверенном участке? — поинтересовался я вечером, осторожно укладываясь на живот. — мне так никто ничего не сказал про деньги»

Эмма весело рассмеялась, визгливо вскрикивая, и поведала мне страшную тайну оплаты трудов.

«Береги документ, Гурий, — проржавшись, заявила она, — с ним ты будешь ходить за продуктами. Ну может и мне тогда что-нибудь перепадет»

На мои расспросы о том, почему она сама не желает поработать дятлом, Эмма только презрительно скривилась.

«На эту должность берут только сильных и смелых, — с нотой обиды поведала она, — остальным дорога в сортировщики, а это скучно и непочетно.»

«Почему?» — тупо спросил я, устав удивляться всему, что видел и слышал.

Однако лимит удивления все еще был не исчерпан, поскольку через минуту я узнал, что сортировщики избавляют нарушителей от одежды и отправляют ее обратно на торговые точки.

«Иначе нам неоткуда брать товары,» — очень просто объяснила прелестница и упорхнула в кухню. Я не рискнул уточнить, почему нарушители так покладисто позволяют отбирать у себя одежду, уже приблизительно догадываясь об их незавидной судьбе, и попытался заснуть с твердым намерением больше никогда не пересекаться с почетными должностями.

«Уж лучше я буду обносить дачи, чем заниматься черт знает, чем, — думал я, ворочаясь без сна, — не могли прямо объявить повальный сбор ношеного тряпья! Новые горизонты, мать их! Грабить ни в чем не повинных граждан, идиоты...»

Глава 39.

Мои ночные решения слинять по-тихому из города были на корню пресечены бдительной Эммой.

«Если ты передумал, — изрекла она, протягивая мне в качестве завтрака зеленое печенъко, — ты не имеешь право уйти без особого разрешения. Они все равно найдут тебя, и тогда я тебе не позавидую. Главный потребует расчетной отработки, но это выполнить не каждому под силу. Ну и потом, кому какое дело до остальных, главное, ты сам. Не понимаю, что тебя так напрягло? Да даже если бы среди этих лохов ты увидел бы какого-нибудь ближайшего родственника, где гарантии, что при подобной ситуации, он сам отпустил бы тебя с миром?»

Высказавшись, Эмма гордо удалилась по делам, оставив меня осмысливать услышанное. Она была в корне не права, но, кажется, выбора у меня не было.

В последующие пару недель я таскал в участок по пятьдесят граждан за день и значительно вырастал в глазах начальства. В конце второй недели Главный вызвал меня в подвал и, отчески улыбаясь, протянул: «Я не ошибся в тебе, Гурий! И я этому рад. Предлагаю тебе новое задание, оно не слишком сложное, но гораздо значимей, чем прежние

вместе взятые. Пойдем, дружище, я открою тебе новые горизонты!»

Его манера излагать мыслеобразы отчетливо напомнила мне круглого типа, с его пафосными заявлениями о переустройстве мира. И от этого открытия мне захотелось придушить своего сопровождающего.

Место, куда привел меня Главный, располагалось на территории все того же подвала и выглядело уныло и печально, как все, что я видел за последние несколько месяцев. Мне предлагалось занять место в некоем подобие ангара и работать с нарушителями.

«Мы гуманное общество! — пафосно изрекал Главный, усаживая меня на мягкое кресло, — да и к тому же не все нарушители такие уж бандиты, тебе ли не знать. Возможно, они еще смогут исправиться и принести пользу!»

Я не стал спорить с самоуверенным господином относительно всего изложенного, и вежливо распрощался с ним до поры до времени. Теперь в мои обязанности входили долгие нудные беседы о вечном и главном с теми, кто периодически возникал в поле моего зрения. Я не видел смысла в подобном времяпровождении, поскольку каждое сказанное мной слово, растворялось на лишенных мимики рожах оболваненных граждан. К тому же у меня из головы никак не исчезали фразы про отъём личных вещей, озвученные Эммой за завтраком. Неужели для того, чтобы обокрасть обывателя, необходимо городить столько огородов, думал я, рассказывая очередную сказку про белого бычка очередному нарушителю. Тот молча пялился мимо меня, явно не понимая ни слова из того, что я говорил, а я, исчерпав запас красноречия, выгонял его прочь, встречая следующего.

Так, за разговорами тянулись мои дни, и я начинал благодарить судьбу за столь роскошный подарок. В конце первого месяца я торжественно повел Эмму в самый фешенебельный сарай с наиболее высокой кучей разнокалиберных товаров.

«Выбирай, милая!» — широко взмахнув рукой, предложил я, чем вызвал у Эммы шквал эмоций. Она принялась рыться в огромных корзинах, вытягивая на белый свет разные грязные поношенные вещи и радуясь, как младенец. Наконец, забив руки всяким тряпьем, Эмма гордо прошла к шкафоподобному охраннику и кивнула в мою сторону. Я имел огромное количество бонусов и преференций, а мой документ пестрел множеством цифр и крючков, демонстрирующих всем, какой я богач. Таковую же картину мы с Эммой разыграли в жрачном сарае, обзаведясь целой кучей просроченного дерьма, именуемого продуктами. Все, что было натаскано с разных торговых точек полгода назад, не отвечало условиям хранения и выглядело омерзительно, но Эмма была довольна, а значит, молчалива. И это было хорошо.

Квартира постепенно обрастала хламом и стала отчетливо напоминать свалку, однако в нынешних реалиях это считалось высшим показателем достатка. Эмма гордилась мной, периодически демонстрируя свою любовь прямо на улицах и не опасаясь быть схваченной стражами порядка как нарушитель. Я имел крепкие тылы, Главный пил со мной протухший коньяк и открывал передо мной новые горизонты. Все были счастливы. Ну, возможно, кроме меня, но кого это тревожило?

Все это профессиональное и бытовое великолепие было лишено единственного штриха, делающего все вокруг райским садом. У меня полностью отсутствовали выходные дни. Главный не уставал повторять, что превыше всего — забота о благополучии общества, о новых горизонтах и прочем шлаке, к которому я старался не прислушиваться. За два месяца моя внушительная комплекция превратилась в осунувшуюся жердь, но это тоже ни у кого не вызывало тревог. Изредка я выискивал из продуктовой клоаки остатки каких-нибудь сухарей

и с жадностью сжирал, запивая водой из местного святого источника. Других источников питьевой воды давно не наблюдалось, поэтому мне приходилось по дороге с трудовых горизонтов заруливать в овраг и набирать припасенные баклажки вонючей жижей, отдающей сероводородом. О водопроводе граждане давно забыли, предпочитая поддерживать личную гигиену, окунаясь в воды залива. Я отчаянно скучал по дачам и строил планы побега ежедневно.

В моем ангаре иногда выпадали технические перерывы, и нарушители ползли не так настойчиво. Такие дни я любил особенно страстно, наслаждаясь небольшим отдыхом от бесконечного потока тупорылых слушателей. Я откидывался в мягком кресле и пялился в потолок, мечтая отыскать негодяя Матвея, и от души навешать ему за все прегрешения. Эти мысли не были настойчивыми, они, скорее, напоминали прелюдию к основной теме моих дум, толкающих меня покончить с бесполезным земным существованием. В один из таких перерывов на пороге моего ангара показался одинокий посетитель. Я нехотя оторвался от своего занятия и раздраженно уставился на тощую невысокую фигурку, в нерешительности замершую в дверях.

«Можно?» — поинтересовалась фигурка, и от неожиданности я подскочил со своего кресла, узнав в посетителе своего давнего приятеля Волкова, о котором, впрочем, не забывал ни на минуту.

«Заходите, — протокольно пробормотал я, прекрасно помня о дюжесте шкафе, караулившем у дверей порядок и безопасность. — присаживайтесь.»

Впервые за два месяца я разговаривал с настоящим живым человеком, с эмоциями и речевыми способностями.

«Вот, сказали с вами поболтать, — почтительно пробормотал Гошка и несмело улыбнулся. — вы изменились, Гурий Трофимович. Ну да ладно, о чем вы должны поговорить со мной, прежде чем меня отправят на утилизацию?»

Я подумал, что ослышался и, негромко рассмеявшись, принялся нести тот бред, что доносил до своих предыдущих посетителей. Тем самым я хотел вызвать на бледной рожице Волкова признак оживления, однако только еще больше погрузил его в пучину задумчивости.

«Если это все, — очень серьезно проговорил он, поднимаясь с гостевого стула, — я, пожалуй, пойду. Не хотелось бы затягивать процесс. Тут с этим строго, хотя вам ли не знать, Гурий Трофимович»

«Какой процесс? — едва слышно прошептал я, все еще помня об охраннике, — говори тише, тут везде уши, приятель»

Гошка равнодушно пожал плечами, снисходительно глядя на мою откровенно офигевшую рожу. Он искренне не верил в мою неосведомленность и не желал вести со мной доверительных диалогов. Некоторое время он молча стоял, разглядывая мое лицо, и наконец, заговорил.

«Я, как вы видите, тоже попал в разряд нарушителей. Ваш приятель, видно, решил продолжить свои фокусы, играясь с людьми, но о том вы знаете лучше меня. Нарушителей утилизируют, об этом не знают только олигофрены с синдромом Дауна, ну и вы еще. Очевидно, милому Матвею недостаточно поставок от безглазых уродов, ему все мало. Но я уже знаю, что ждет меня за гранью и поэтому ничего не боюсь.»

Гошка говорил уверенно и смело, но в каждой его фразе отчетливо слышался страх. Каким я был болваном, ни разу не подумав о том, куда деваются все нарушители после моих

проникновенных бесед. Это, действительно, ни разу не приходило в мою голову. Я наивно полагал, что эти граждане подвергаются обычному штрафу, а так как взять с них нечего, то отбирают то, что есть.

«Подожди, Гоша, — прошептал я, сохраняя на роже нейтральное выражение, — я не допущу, чтобы ты вот так просто согласился на что-то подобное. Не торопись, я что-нибудь придумаю»

Что я собирался придумывать, находясь под пристальным наблюдением ока Господня, я не мог предположить даже гипотетически. Единственный шаг, который был мне доступен, было предложение продлить беседы, но для этого мне требовались весомые аргументы. Я еще ни разу не прибежал к подобным уступкам, не видя в них необходимости, поэтому тут же принялся сочинять наиболее убедительные фразы для Главного. По Гошкиным словам, сразу же после бесед нарушители отправлялись на следующий уровень и подвергались численной коррекции. Так вычурно назывался процесс банального убийства, и откуда это было знать Георгию, мне оставалось только догадываться.

«И еще, — проговорил Гошка, не обращая внимания на мои посулы, — я приношу извинения лично за свой необузданный нрав. Надеюсь, вы больше не испытываете неудобств в связи с этим?»

Я тупо уставился на Волкова, не сразу сообразив, о чем он бормочет, а когда сообразил, только махнул рукой. Внезапно в мою голову пришла отчаянная мысль, рассчитанная на скудоумие охраны.

«Пойдем, Гоша, — поднялся я с кресла, — придется рискнуть, дружище.»

В дверях нам преградил путь огромный детина, скупое поинтересовавшись целью нашей прогулки.

«Мне нужно к Главному, — как можно внушительнее заявил я, подталкивая перед собой Гошку, — особый случай»

Я был у Главного на самом лучшем счету, какой можно было себе представить. Если бы эта неэмоциональная машина была способна выражать чувства, то назвала бы меня своим лучшим другом. Об этом знали некоторые подчиненные и охрана. Мой трюк удался, мы без проблем прошли вдоль коридора, по направлению к кабинету начальника. Суровый страж проводил нас взглядом, фиксируя движение, и вернулся к своим обязанностям подпирать двери. Я очень рассчитывал, что в эту минуту Главный не надумает покинуть свое насиженное место и не наткнется на нас в тесном пространстве подвальных катакомб. В коридоре царил привычная тишина, и я рискнул. Вход в подвал преграждала длинная металлическая лестница со множеством ступеней, по которым я взлетел в считанные секунды, волоча за собой Гошу. Двор никем не охранялся, про камеры наблюдения, так же, как и про электричество в целом, население забыло полгода назад, и нам без проблем удалось пересечь значительную территорию.

«Куда мы торопимся? — спустя пару-тройку километров поинтересовался мой приятель. — вы подвергаете себя опасности, связываясь со мной. Теперь я нарушитель, а за его укрывательство полагается кое-что пострашнее утилизации. Остановитесь, пока еще есть время»

«Мы торопимся за город, — пояснил я на бегу, — там у меня есть домик, в котором я прожил всю прошлую зиму, там мы можем пересидеть погоню, если такая состоится»

Глава 40.

За время моего отсутствия мой домик подвергся таким же смелым набегам, каким подвергалось множество других заброшенных участков. Гошка с видимым интересом протиснулся в разоренное пространство моей хибарки и изумленно присвистнул.

«Да тут у вас целое богатство! — непосредственно воскликнул он, вытаскивая из-за дверного проема уцелевший мешок с крупой. — я весь последний месяц питался теми отбросами, что предлагают эти продовольственные ларьки. Мне интересно, кто-нибудь еще, кроме нас, реально видит то, что происходит вокруг?»

Гошкины слова напомнили мне выступления Зямы, и его отчаянный порыв покончить с произволом силовыми методами. Нынче на дачах стояла тишина, а признаков Зяминой бунтарской компании не обнаруживалось. Моя бытовая утварь волшебным образом растворилась в неизвестности, и нам нужен был новый набег. Волков очень изменился за время нашей разлуки, сменив образ неотесанного грубияна на скромного тихого парня, робко взирающего на мир.

«Как ты жил все это время? — вырвалось у меня прежде, чем я успел обдумать вопрос, — чем занимался и как попался на удочку стражам безопасности?»

«Да как? — задумчиво проговорил приятель, — первый зимний месяц просидел в квартире, не желая пересекаться с откровенно тухлыми согражданами, ну а как харчи закончились, отправился на поиски работы. Оказалось, что пока сидел дома, в городе ввели новые правила, требующие замену документов, да и работу стало не найти. Устроился сортировщиком, с утилизированных граждан стаскивал шмотки и сдавал в торговые точки. Жуть жуткая, ну да жить как-то надо. Я все ждал, что вы меня как-нибудь навестите, сосед рассказал мне, что видел вас, и письмо мое вы получили. А после услышал, что вы стали почти во главе этой организации. Вот только не организация это, а бандиты и убийцы. Ну и ждать перестал, кому я интересен? А спустя пару месяцев меня на улице выловили и в комендатуру притащили. Просто поставили перед фактом, что отныне я нарушитель и враг общества. Так и сказали, серьезно. Ну а дальше на разговор с вами направили. Вот только для чего они, эти разговоры, до сих пор понять не могу. Может, вы объясните?»

Я слушал Гошку и ловил себя на мысли, что, если бы не случайная встреча с Эммой, я вполне бы мог оказаться на месте Волкова, что все решает случай, но это понимание не принесло мне радости.

«Не кисни, дружище, — наигранно бодро проговорил я, — пойдем, отыщем кастрюлю и наварим каши, а то осточертело питаться трухлявыми печеньками и вонючими сардельками.»

С этими ободряющими словами я решительно направился к выходу, увлекая за собой Гошку. Мародерство давно уже не рассматривалось мною, как вид нарушения УК. Я резво пересек большую часть территории, планомерно продвигаясь к самым отдаленным участкам. Гошка скептически хмыкал, наблюдая за моими отточенными движениями.

«Вот уж не думал, что скромный однажды примется за воровство, — усмехнулся Волков, — и будет это делать с врожденным изяществом.»

Новая Гошкина манера излагать мысли немного пугала, рождая совсем недавние сюжеты, но пронцательный дальнобойщик-сортировщик, уловив мои тревоги, весело

засмеялся.

«Я книжки читал весь месяц, — признался он, — увлекательное занятие, Гурий. Могло бы вам помочь в деле бесед с нарушителями, а то, признаться, слог у вас, не очень»

Я только хмыкнул, слушая недавнего быдловатого мужлана, при этом ловко отжимая хитрые замки в погоне за целыми кастрюлями. Наконец, желанная добыча оказалась у меня в руках, я вылез на улицу и весело направился обратно в предвкушении горячего ужина.

Когда до нашей клетушки оставались считанные шаги, Волков цепко ухватил меня за руку и рванул на себя.

«Слышите? — прошептал он, толкая меня в тень, — в вашем домике гости. Может, переждем где-нибудь еще?»

Я был готов согласиться с Волковым, но мне было все-таки интересно, кого принесло ко мне в столь неурочный час.

«Пять секунд, Гоша, — прошипел я, — я хочу быть уверен.»

Доказательства очевидного не заставили себя ждать. Даже раньше, чем через пять секунд на пороге появился громopodobный детина с весьма запоминающейся внешностью. Ну если не принимать в расчет обязательный пестрый платок, намотанный на рожу. Он покрутил башкой, прислушиваясь к тишине, и шагнул в темноту. Я не был уверен в поисковых суперспособностях оболваненных уродцев, поэтому со всех ног рванул вдоль темных дачных улиц. Гошка помчался следом, стараясь не отставать от меня ни на шаг. Громила не стал гнаться за нами, но его всесторонняя осведомленность пугала и настораживала. Я никому не говорил своих координат, не оставлял никаких документов, мое появление в кресле психолога выглядело случайным и в целом не вызывало ничего значимого. Однако мной все же заинтересовались, и мне было любопытно знать, с какой целью.

Оставаться на территории дач становилось опасным. Не стоило все же забывать, что своим вопиющим поступком я грубо попрал новые законы тухлого общества, поэтому я без раздумий рванул за околицу. Там, за границами товарищества, расстилалось ровное, как стол, поле, по причине летнего времени покрытое невысокой зелененькой травкой.

«Что дальше, Гурий?» — расслышал я тихий и неуверенный голос своего спутника. За все то время, что я был знаком с Гошкой, этот непостижимый человек подвергался изменениям трижды, но последний, третий вариант казался мне наиболее пугающим. Я охотно бы послушал его гневные настойчивые реплики, требующие немедленного объяснения ситуации, ну или на крайний случай, пафосные рассуждения о прекрасном. Только бы не видеть перед собой забитое испуганное существо, обреченное на численную коррекцию.

В паре десятков километров от дач располагалось небольшое поселение, считавшееся в прежние времена почти пригородом, но это было единственное место, наиболее доступное нам прямо сейчас. Я искренне надеялся, что нововведения еще не охватили сонную деревушку, и решительно направился через поле.

Поселение имело название Борщовка, включало в себя полтора десятка разного рода строений и идеально подходило для временного пребывания. На его пустых улицах нам не попалось никого, кто мог бы считаться местным жителем, но и впечатления полностью необитаемого поселения не производило. Побродив по изрытым грунтовыми дорогами, мы набрали на единственное девятиэтажное здание с распахнутыми настежь дверями.

«Можно пересидеть на чердаке, — неуверенно предложил Георгий, с опаской косясь по

сторонам, — в таких домах при хороших временах можно было прожить неделю на крыше, прежде, чем на тебя кто-нибудь обратит внимание»

Я подивился осведомленности бывшего интернатского воспитанника в вопросах бродяжничества и согласно направился к ближайшему подъезду.

Чердак и в самом деле оказался доступен любому желающему провести незабываемые часы в пыли, паутине и наваленных горой залежах бытового мусора. Через мутное окошко открывался чарующий вид на притихшую Борщовку, утонувшую в первых вечерних сумерках.

«Вот знаешь, Гурий, — задумчиво озвучился Гошка через час молчаливого бдения, — в чем заключается самый настоящий страх? Я раньше думал, что страшнее всего неизвестность, но, как оказалось, это не так.»

Я никогда не задумывался над столь глубокими материями, поэтому сейчас просто неопределенно и многозначительно хмыкнул, изображая из себя мудрого гуру. Волков некоторое время молчал, очевидно придумывая новую фразу, пока наконец, не разродился долгой тирадой, грустной и излишне сокровенной.

«Меня однажды в интернате побили, — озвучил он банальные факты, — ни за что. За то, что никак не мог влиться в местное общество. Я был самым тощим и невзрачным в классе, не умел строить отношения с одноклассниками, грубил и огрызался, словом, меня не слишком-то любили. Но не трогали, до поры до времени, просто игнорировали, не желая связываться. Пока к нам в группу не перевелся некий тип, страстно желающий стать лидером и грозой вселенной. Постепенно он достиг цели, но тут на его пути возник я, не желающий плясать под его дудку. Он бил меня смертным боем, стремясь самоутвердиться и доказать правоту. И доказал, когда к нему присоединились остальные. Я тогда неделю валялся в корпусе, приходя в себя и мечтая о том, что однажды я завершу свое земное бытие, и там, за гранью, меня встретит некто большой и добрый, он будет рассказывать мне сказки и угощать печеньем. Не то, чтобы я так уж желал приблизить свои сроки, но в течение жизни подобные мечты одолевали меня все чаще.»

Георгий рассказывал мне истории из жизни, не отводя глаз от стремительно темнеющего окошка. Я понял его мысль и всецело поддерживал ее. Я тоже видел ту сторону реальности, и она мне отчаянно не понравилась.

«Так вот, Гурий, — завершил Волков главную мысль, — страшнее всего понимание того, что тебе слишком много известно и что эту данность ты не можешь изменить. Я иногда завидую тем болванам, что бродят сейчас по городам. Они счастливы тем, что имеют.»

После чего Волков свернулся в немислимый ком и сладко засопел, не дожидаясь моих ответных реплик.

Глава 41.

Мои расчеты на полную неосведомленность тихой Борщовки в нововведениях были разрушены следующим утром, когда я рискнул выползти с пыльного чердака на разведку.

Первое мероприятие, скрасившее досуг борщовцам, оказалась раздача просроченного продовольствия, проходившая прямо напротив нашего временного пристанища. Возле одинокой будки толпился народ, сохраняя при этом равнодушное безликое молчание. Суровый страж харчей механически заученными движениями рассовывал в руки очередным клиентам разноцветные коробки, не интересуясь пожеланиями и предпочтениями, и тут же выпроваживал прочь. Коробки были разные, наполненные сгнившей колбасой, тортиками, творогом, слипшимися пельменями и прочим ассортиментом, еще оставшимся в свободном доступе. У меня было не истрчено несколько отметок в документе, без проблем

позволяющих мне приобщиться к процессу, однако вдохнув удушающую вонь, источаемую продуктовым изобилием, я решил отказаться от задумки. К тому же лезть на глаза стражам порядка никак не входило в мои ближайшие планы. Я незаметно развернулся и скрылся за углом, понимая, что исследование местности можно считать завершенным.

По пути на чердак я мельком рассмотрел разномастные квартирные двери просто из праздного любопытства, уверенный в абсолютном отсутствии интереса жильцов к посторонним гражданам. Вдруг за одной из них отчетливо расслышались приглушенные голоса, выражающие вполне определенные эмоции. За последние месяцы я отвык от подобного рода интонаций и невольно остановился, прислушиваясь. Голоса стали громче, эмоции ярче, через минуту на площадке распахнулась одна из дверей, и на меня настороженно уставилась раскрасневшаяся физиономия.

«Врача не видел?» — неразборчиво пробормотала она и тут же скрылась обратно, плотно захлопнув дверь.

События, украсившие мою жизнь несколько дней назад, заставили меня метнуться наверх и раствориться в тишине парадного, поскольку уж больно затейливо прозвучал вопрос от неизвестной. Уже влезая в приоткрытый люк и обдирая себе бока о выданные доски, до меня дошел истинный смысл послания. Медицинская помощь отсутствовала на законодательном уровне, но это не означало, что граждане перестали в ней нуждаться. Немного отдышавшись и обдумав услышанное, я спрыгнул обратно и резво потрусил вниз.

На мой вежливый стук дверь приоткрылась снова, и в этот раз осторожная хозяйка все же добавила немного конкретики. Как выяснилось из ее обрывистого шепота, за обращение к традиционной медицине новой властью предписывались жесткие штрафы, и очевидно, не желая им подвергнуться, хозяйка принялась убеждать меня в слуховых галлюцинациях.

«Ты кто такой и чего бродишь неурочно?» — на всякий случай завершила она свое сумбурное повествование.

Я осмелел настолько, что решил признаться испуганной гражданке в принадлежности к проклятому племени и уточнил причину тревоги.

«Я оставлю вашу беду в тайне, — негромко заверил я, — и даже, возможно, смогу дать дельный совет. Если вы расскажете мне, в чем все же проблема.»

Гражданка изобразила на румяной роже муки противоречий и наконец, пропустила меня внутрь тесно заставленной прихожей. На меня пахнуло затхлым сладковатым душиком, пугающе напомнившим мне события прошлой осени, но проявляя воспитание, я только аккуратно обтер подошвы и прошел за хозяйкой. В такой же захлавленной комнате на старом выцветшем кресле испуганно пялилась на гостя невысокая полноватая дамочка. Она не выглядела больной, и в целом ее решительно настроенная поза говорила о небывалой энергии. Но оказалось, что помощь требовалась именно ей.

«Вот посмотрите, доктор, — все так же шепотом обратилась ко мне хозяйка, это что же?»

Моя возможная пациентка довольно бодро поднялась, демонстрируя свою плотную коренастую фигурку, и смело уставилась на мое лицо. Я не назвал бы барышню сказочно красивой, но она могла бы считаться вполне миловидной, если бы не стекший вниз подбородок. Со стороны казалось, что ей под кожу закачали некоторое количество воды, и теперь она вынуждена таскать этот балласт, закрывая им шею и большую часть грудной клетки. Очевидно, та, что вызвала меня с лестницы, была ее матерью и теперь всю строила предположения относительно странного недуга.

«Может, это от той еды, что раздается сейчас в этих магазинах? — вполне разумно озвучила она наиболее щадящую версию, — жрем всякую гадость, а потом вот на тебе!»

Дамочка заметно отличалась от большинства граждан своей неповторимой манерой слишком эмоционально излагать мысли. То, что я видел сейчас, пугающе напомнило мне преобразование потусторонних обитателей, но я, понятно, не стал делиться с заполошной хозяйкой своими выводами.

«Когда вы в последний раз покидали дом? — вместо этого поинтересовался я и вызвал на лице барышни странную гримасу. Ее матушка тут же принялась пересказывать мне примерный график их перемещений, но мне хотелось знать, когда именно девушка уезжала из квартиры на неделю или чуть дольше. Хозяйка резко осеклась, настороженно уставившись на меня.

«Откуда вы это знаете, доктор? — подозрительно проговорила она, для убедительности склоняя набок голову. — вы что же, следили за ней? И вообще, что-то непохоже, чтобы вы имели соответствующее образование!»

Как выяснилось значительно позже, барышня и правда в начале прошлого месяца уезжала к родне на юг, но по причине полного отсутствия связи и любых других средств сообщения, мать только верила ей на слово. На протяжении нашей, так называемой консультации сама пациентка не произнесла ни слова, с видимым интересом рассматривая непрошенного гостя. Когда прием закончился, так толком и не принеся ощутимой пользы, я протиснулся обратно к двери и с ужасно важным видом произнес:

«Возможно, вы правы, мадам, все дело в той химии, которой изначально были напичканы продукты. Сейчас, подвергшись неправильному хранению, они дали реакцию на организм. Думаю, что скоро власти сами поймут неправомерность действий и наладят производство нормальной еды»

Хозяйка согласно закивала, слыша в моих словах собственные суждения, и с почетом проводила меня к лестнице.

«Вы уж не выдавайте нас, — напоследок пробормотала она, закрывая за мной дверь, — штрафы-то нынче немалые, а сил сортировать этот ужас у меня уж не осталось.»

Последние слова были произнесены без тени осуждения или порицания, и я снова подумал о всеобщем оболванивании.

Мои выводы, рожденные воспоминаниями, могли быть ошибочными, а девушка просто страдала особой формой гормональных расстройств. Так я внушал себе, не желая культивировать разрастающуюся панику, пока позади не зазвучали торопливые шаги.

«Подождите, — странным звенящим голосом окликнула меня моя недавняя пациентка, — почему вы спросили про отъезд?»

Я резко замер от внезапности вопроса, но больше всего меня поразило само его звучание. Я обернулся и уткнулся глазами в комично колышющееся жабо, остановившееся в шаге от меня.

«Я подумал, что вы подхватили какую-нибудь заразу в поездке», — ляпнул я первое, что пришло в голову, однако девушка только покачала головой.

«Мне целыми днями мать талдычит о необходимости устроиться на работу, сортировать ношенные тряпки и говорит, что это очень почетный и уважаемый труд. — с видимым сожалением произнесла девушка, не отводя от меня мутного взгляда, — грозиться из дома выгнать, если к труду не приобщусь. А мне все это кажется омерзительным. Только вы ей это не говорите, а то и правда угрозу исполнит. А что касается поездки той, то я и вовсе не

знаю, что про то подумать. Я, когда вернулась, была уверена, что и в самом деле к родне моталась, но вот теперь сомневаться начала, после вашего вопроса. Мне кажется, что и не было никакого путешествия, и что оно мне просто приснилось. Чудное чувство...»

«Приснилось? — переспросил я, — что значит, приснилось?»

Девушка резко и звонко рассмеялась, примеряя игриво кокетливое выражение на оплывшую физиономию.

«Что же тут непонятного? — прозвенела она, — вы прямо как моя знакомая, спрашиваете всякую ерунду. Она тоже все последнее время интересуется, как в закрытые упаковки попадают шоколадные конфеты. А приснилось, это значит картинку увидела, но только с закрытыми глазами. Неужели непонятно?»

Мне было понятно только одно, барышня мало чем отличалась от всех остальных, и мои вопросы так и останутся без ответа.

«Как вас зовут, доктор? — продолжала светский треп неотвязная собеседница, — это некрасиво, общаться, не зная имени. Меня зовут Эвелина, мне ужасно не нравится это имя, но ничего не поделаешь.»

Я не испытывал большого желания знакомится с невнятной Эвелиной, мне вполне хватало общения с Эммой и ей подобными, и я наугад снова назвался вымышленным именем, при этом напомнив новой знакомой о своей невероятной занятости. Эвелина горестно вздохнула, картинно взмахнув толстыми руками, и неуклюже потопала обратно в квартиру.

Глава 42.

«Гошка, — глухо пробормотал я, вернувшись наконец на чердак, — плохие новости. Негодяй Матвей возобновил свою деятельность, либо изобрел наземный способ влиять на человеческие мозги.»

Я коротко пересказал Волкову наш разговор с негаданными соседями и вызвал на Гошкиной роже нечитаемую гримасу.

«Я не стал бы прислушиваться к словам обновленной, — прокомментировал он непривычно неуверенно и едва слышно, — я предлагаю больше не отсвечивать, Гурий Трофимович. И еще. Я никогда не считал себя трусом, да и еще год назад любой мог бы подтвердить мои слова, но сейчас мне откровенно страшно. Представьте, когда закончатся эти гнилые запасы, новая сумасшедшая власть придумает другой способ пропитания, и я не уверен, что он мне понравится.»

Волков пророком не был, но его слова почти сбылись спустя невероятно короткое время. Каждое утро мы с Гошей начинали с долгого и непродуктивного сидения возле тусклого окошка, расположенного под самым потолком. Других занятий не находилось, поскольку на улицу выбираться желания не было, а что нам делать еще, мы не знали. Иногда ко мне забредали мысли о неминуемой деградации, и я отчаянно принимался декламировать наизусть выдержки из медицинских учебников, чем немало развлекал совершенно растерянного приятеля.

«Вы столько всего знаете, Гурий Трофимович, — завистливо тянул Гошка, слушая мои выступления, — когда мне предлагали поступать учиться, я до последнего отбрыкивался, искренне считая, что все эти ученые премудрости мне никогда не пригодятся. Вот сейчас я жалею, что кроме водительского удостоверения, не имею никаких доказательств наличия интеллекта. Правда еще в детстве бабка научила меня гадать на картах. Согласитесь, полезное умение?»

Я негромко рассмеялся и пообещал раздобыть Волкову колоду карт, чтобы тот чувствовал себя полезным.

«Заодно и узнаем, что нас ждет в будущем,» — подбодрил я своего соседа и тут же расслышал невнятный шорох возле нашей импровизированной двери.

«Кто это? — прошептал Гоша, разом становясь серьезным, — вы кого-нибудь ждете?»

Нашими гостями оказалась все та же соседка Эвелина, неизвестно как вычислившая мое скромное жилище.

Нисколько не смущаясь присутствия нового лица, Эвелина гордо объявила мне, что обманывать не хорошо, и что за это мне уготован отдельный котел в аду. На последнее заявление Гошка неудержимо заржал, а я потребовал объяснений.

«Вы говорили, что вас зовут Троша, а вы Гурий Трофимович, — обличительно прозвенела гостья, наклоня оплывшую рожу вбок, — а еще я устроилась на работу, поскольку труд — это почетно и уважаемо!»

Я хотел было добавить, что труд облагораживает, но покосившись на Волкова, благоразумно промолчал. Эвелина без приглашения уселась на сваленные в кучу доски и принялась перечислять нам свои новые обязанности, от усердия загибая пухлые пальчики. С момента нашей последней встречи соседка не изменилась ни на дюйм, все так же демонстрируя моему врачебному взору стянутую к низу физиономию.

«С нами работает первый заместитель Главного, — равнодушно пробормотала посетительница, — он постоянно повторяет про какие-то поощрения и порицания.»

Заявленная новость всколыхнула во мне массу нелицеприятных воспоминаний, которые я постарался не транслировать на роже. Возможно со временем я смогу без страха перемещаться по улицам, не опасаясь репрессий, мелькнула отчаянная мысль и тут же пропала, сраженная следующими сообщениями.

«Он страшный урод и совсем не похож на вас, Гурий Трофимович. И хоть имя у него более красивое и звучное, чем ваше, все равно при его появлении становится жутко. — поделилась с нами недалекая Эвелина, — а еще он очень злой.»

«И как же его зовут?» — без особого интереса проговорил я.

Наша гостья наморщила и без того устрашающую физиономию и со вздохом произнесла:

«Я не помню, Гурий Трофимович, но ваше имя запомню обязательно, — с готовностью пообещала она, — и даже запишу. Вы добрый и справедливый, не то, что этот урод. Я скажу про вас Главному, и пусть он больше не требует равняться на жуткого урода!»

Решение барышни мне очень не понравилось, и я вложил все красноречие, на которое был способен, убеждая Эвелину не прибегать к таким крайностям.

«Не стоит, милая, — холодея от нехороших предчувствий, посоветовал я, — он станет еще более злым, если услышит про меня. пообещай, что ни словом не упомянешь обо мне?»

Однако Эвелина уже приняла твердое решение и весело соскальзывала на лестницу, покидая наше озадаченное общество.

«Нужно уходить, Гурий, — вполголоса заявил Волков, — она ненормальная, как, впрочем, и злой Главный и остальные граждане. Не стоит дразнить удачу, найдем себе пристанище.»

Решение было здравым, однако воплотить его в жизнь мы не успели.

Утро нового дня встретило нас шумными выкриками, доносившимися с улицы. С заметным интересом я высунулся в окошко и с изумлением увидел, как вчерашние

отрешенные граждане целеустремленно громили свою недавнюю кормушку. Их движения были такими же заторможенным, однако в них виделась явная озлобленность. Суровый громила, неизменно появлявшийся каждое утро в дверях заведения, тоже был там, однако не делал ничего, что могло бы остановить бесчинствующую толпу. За очень короткий срок граждане разобрали по кирпичу всю конструкцию и двинулись дальше, переключая свое внимание на другие постройки. Появляться им на глаза граничило с явным безумием, и мы приняли решение переждать бунт в относительной безопасности.

Борщовцы, справившись за день с большей частью весьма внушительных строений, направились покорять новые горизонты, предоставив нам возможность тоже покинуть беспокойную деревушку.

Гошка, обладающий поистине звериным чутьем в вопросах бродячей жизни, предложил нам двинуться к окраинам, минуя центральные районы города.

«Думаю, что на центральных улицах мы встретим похожие картины, Гурий Трофимович, — со знанием дела заявил он, — харчи кончились, а народ требует продолжение банкета. Я предвидел что-то подобное»

Происходящее в городе ничем не отличалось от событий в Борщовке. Суперлюди, как представители высшей расы, собравшись небольшими группами, планомерно уничтожали все, что попадалось им на пути. Они по-прежнему выглядели отрешенными и равнодушными, но тем страшнее казалась открывающаяся картина.

«Как думаете, — вполголоса пробормотал Волков, останавливаясь в замешательстве перед очередной толпой, — именно об этом мечтал Матвей, проводя свои эксперименты? Не уверен, что то, что сейчас творят эти безмозглые проходимцы, демонстрирует высший уровень эволюции.»

Под шаловливыми ручонками обывателей рушились ограждения, вырывались с корнем небольшие кустарники, переворачивались скамейки, а высшим пилотажем, очевидно, считалось разрушить наиболее весомое здание из кирпича и бетона. Представители силовых ведомств и отряды борцов с нарушителями бродили среди разбушевавшихся граждан, не предпринимая ничего.

Когда мимо нас прошествовала воинственно настроенная группа, на меня пахнуло знакомой вонью, а в глаза бросилось явное мимическое изменение.

«Вы видели? — взвизгнул Гошка, озвучивая замеченные мной пугающие факты, — они стали похожи на штопаных уродов, только еще с глазами и всем остальным!»

Суперлюди уже успели разнести половину того, что еще совсем недавно украшало собой улицы и проспекты. На земле валялись смятые нечеловеческой силой обломки городских остановок, торговых павильонов, асфальт был усыпан битым стеклом. Вся эта вакханалия проводилась без лозунгов и воззваний, тупорылые обыватели не выдвигали требований, не ратовали за что-то там общественно важное. Они рушили и громили, и получали от этого неземное удовольствие. Или ничего не получали. Я не мог до конца объяснить мотивы их бесполезных деяний. Стоящий в шаге от меня Гошка коротко взвизгнул и шмякнулся мне под ноги, сраженный обломком металлической трубы, прицельно брошенной ему в голову.

«Уходим, Гоша, — пробормотал я, поднимая поверженного приятеля, — нам тут не рады. Вот только где нам отыскать более безопасное место, того не скажу»

Безопасным местом оказался дом, почти не тронутый разрушительной силой безмозглых. Мы влетели в открытые двери, и только взобравшись по широким ступенькам на четвертый этаж, сообразили, что уже навещали эту локацию.

«Это квартира Матвея? — полуутвердительно проговорил Волков, едва переводя дыхание и стряхивая набегающую на глаза кровь, — вот удача! Может, навестим идиота?»

Идея показалась мне здоровой, но что-то подсказывало мне, что свидание не состоится по причине отсутствия хозяина. На деле так и случилось. Его квартира выглядела почти так же, какой я запомнил ее после своего последнего визита. Пол был истоптан грязными башмаками и завален разорванными книжками, среди которых попадались весьма любопытные по содержанию. Внезапная любовь к знаниям заставила Волкова замереть на месте, откопав какую-то книжонку.

«Посмотрите, как любопытно, — протянул мне находку неожиданный книголюб, — вот уж не знаю, может вы объясните, что это такое?»

Книжка несла невероятно нужную информацию, рассказывая, как правильно ставить паруса и управлять яхтой в полный штиль, и это никак не могло нам посодействовать в деле предотвращения массовых беспорядков на улицах. О чем я раздраженно поведал горечитателю.

«Я говорю не о содержании, — буркнул Волков, продолжая тянуть ко мне раскрытые странички, — посмотрите на полях.»

Присмотревшись, я заметил нарисованные от руки линии и символы, отдаленно напомнившие мне руническое письмо. Однако я был бесконечно далек от подобных увлечений и ничего объяснить не смог. Гошка разочарованно вздохнул и снова уткнулся в непонятные росчерки. Это занятие увлекло его настолько, что помешало заметить появление нового лица в нашей компании.

Правда лицом то, что маячило в дверях, назвать было можно с большой натяжкой. Это было полностью стекшая вниз сероватая субстанция, напомнившая мне о перебродившем тесте.

«Ну надо же! — продребезжало лицо, и я наконец-то узнал свою недавнюю соседку-пациентку, волшебным образом переместившуюся из Борщовки на центральные улицы Питера. — Что вы здесь делаете, Гурий Трофимович?»

«А что здесь делаешь ты, Эвелина?» — едва скрывая отвращение, пробормотал я, все еще помня о воспитании. На этот простой вопрос девушка ответила не сразу, да и вовсе не ответила, тупо уставившись в пространство. Наконец, в ее мозгах что-то щелкнуло, и она заговорила, странно модулируя голосом.

«Я не знаю, как попала сюда, — отрешенно и тягуче проговорила она, — просто пришла. Мне нужно идти, прощайте, Гурий Трофимович!»

Ее голос звучал почти без оттенков, а в интонации отсутствовало любое наполнение, однако добравшись до произнесения моего имени, Эвелина внесла в голос небольшие изменения, ее пухлые руки странно изогнулись и в мгновение ока уже крепко охватывали мою шею. От ее липких пальцев шел знакомый смрад, а кожа на ладонях казалась мокрой. Эвелина сдавливала мою шею, продолжая равнодушно пялиться на меня. Я оттолкнул навязчивую дамочку, пытаюсь расцепить ее руки и не желая наносить хрупкой барышне серьезных увечий. Мой невоспитанный друг Гошка оказался более прагматичным и от души врезал прелестнице куда-то в челюсть. Удар получился не классический, скомканный и большого вреда не нанес, однако желаемого достиг. Эвелина отлепилась от меня, и потерянно уставилась перед собой.

«Мне пора, Гурий Трофимович,» — медленно повторила она как ни в чем не бывало и действительно направилась к двери.

Гошка только негромко выругался, незаметно обтирая кулак о штаны.

«Давно пора, — буркнул он, отмахиваясь от видения, — что это было, Гурий Трофимович? Какого черта тут оказалась эта ненормальная?»

И тут же озвучил свою собственную версию.

«Она настолько пленилась вашей неземной красотой, что решила прошлепать двадцать километров, чтобы выразить вам свою любовь, — насмешливо процедил он, исподлобья поглядывая в мою сторону, — будьте осторожны, Гурий, такие, как эта дамочка, способны на многое. Я это могу говорить с уверенностью, поскольку сам однажды оказался в подобной ситуации»

Ловелас Волков собрался поведать мне романтически-детективную историю, но вдруг осекся на полуслове, снова протягивая мне ту же книжонку.

«Смотрите, тут адрес,» — глухо пробормотал он и застыл, осмысливая увиденное.

Глава 43.

То, на что указывал мне Гоша, не могло считаться адресом в привычном понимании. Вместо названия улицы и номера дома перед нами пестрели кружки и линии, наводящие на мысль о скаутских играх.

«С чего ты взял, что это не очередная попытка вызвать сатану?» — с усмешкой поинтересовался я, рассматривая каракули. Волков презрительно скривился, на долю секунды возвращая себе облик прежнего везунчика-дальнобойщика, и со знанием дела поведал мне о способах составления секретных карт.

«Мы в интернате часто рисовали такие штуки,» — с гордостью поведал он, а я от души заржал.

«Гоша, — немного успокоившись, пробормотал я, — я спас тебя от обезличивания и обновления, ты не можешь искренне верить в этот бред. Давай, приятель, придумай детским рисункам другую трактовку!»

Новую версию Волков озвучить не успел, поскольку на лестнице снова послышались шаркающие шаги.

«Однако, скромняга психиатр к тридцати годам обрел чудовищную популярность», — промелькнула завистливая мысль и погнала меня вглубь квартиры. Неизменный Волков шмыгнул следом, замирая возле неглубокой ниши, неизвестно для каких целей выдолбленной в несущей стене. В этот раз гостями безудержного Матвея стали бравые парни в синих одеждах, выдающих в них государственных людей. Они втекли в разоренную комнату и застыли в нерешительности. Их внушительный рост и замотанные платками суровые рожи воскресили в памяти мою недолгую общественную деятельность и вынудили затаить дыхание. Не то, чтобы я был таким трусливым, я без труда справился бы с ними обоими, однако мне отчаянно не хотелось привлекать внимания и поэтому просто с интересом наблюдал за действиями пришельцев. Они для вида покопались в сваленных книжках и так же неторопливо и важно пошлепали обратно, проигнорировав чужое присутствие.

«Я думаю, любовь Борщовской нимфы тут играет второстепенную роль, — пробормотал я, когда визитеры скрылись в парадном, — они все что-то ищут в этих пенатах.»

Теперь пришла очередь Волкову ржать над моими версиями.

«Гурий Трофимович, — назидательно произнес он, гася в себе новую волну смеха, — вы рассказывали мне о своем искрометном детстве, проведенном на крышах гаражей, так неужели вам среди ваших смертельно опасных приключений ни разу не случилось чего-

нибудь искать? Вы представляете себе этот процесс? Впрочем, люди перестали напоминать мне людей, к которым я привык, возможно вы правы.»

После чего снова превратился в забитого тревогами парня.

Оставаться в Матвеевой обители становилось опасно, и я предложил пойти куда-нибудь еще, не видя перед собой определенного маршрута. Гошка неторопливо потянулся за мной, не выпуская из рук прихваченную из квартиры книжку с адресом. Я давно махнул рукой на его развлечения, полагая, что подобное времяпровождение немного разбавит градус беспокойства.

«Смотрите, Гурий, — неожиданно толкнул меня в спину настойчивый исследователь, — эти стрелки указывают на пустырь. Видите, это изображение? Пустырь довольно внушительный и имеет огороженную территорию, на это указывают эти линии. А здесь обозначено некое маленькое строение, оно совсем крохотное, вот этот рисунок говорит о том.»

Я снисходительно посмеивался над весьма серьезными заявлениями упрямого везунчика, ощущая себя опекуном малолетнего дошкольника, вздумавшего поиграть в пиратов. Гошка настойчиво бубнил свои выводы, вещая мне о длинных насыпях и глубоких оврагах, проложенных на пути к секретной конуре. Я же не видел практического смысла в разгадывании этих ребусов, справедливо полагая, что свихнувшийся Матвей никогда не станет заниматься подобной ерундой. Последняя мысль, правда, заставила меня пересмотреть свои суждения, но в целом, я оставался при своих идеях.

Наше пребывание на городских улицах грозило нам вниманием со стороны дюжих охранников закона и порядка, однако за последнюю пару часов бесцельных блужданий никто из них не торопился записывать нас в ряды нарушителей. Возможно, все они были заняты другими задачами. То, что осталось от некогда красивого города, рождало во мне горькие сожаления и отчаяние от невозможности исправить ситуацию. В чем-то я понимал революционно настроенного Зяму, готового голыми руками крушить бандитскую власть. Но ни Зямы, ни собственно, власти обнаружить я не смог, сколько не пытался. Все, что открывалось моему взору, демонстрировало полный беспредел и анархию.

«Смотрите, Гурий Трофимович, — раздался негромкий голос моего малозаметного спутника, — неплохое место подхарчиться. Я, признаться, валюсь с ног без еды, пусть даже такой омерзительной.»

Гошка ткнул пальцем в относительно нетронутый продуктовый ларек с совершенно свободным доступом в святая святых. Ну, нетронутым он казался только на первый взгляд, пока мы не рассмотрели покореженные окна и откровенно выбитую дверь, вольготно разместившуюся в самом центре залитого чем-то пола. Корзины с продовольствием были ожидаемо перевернуты, а их довольно внушительное содержимое раскидано по всей территории павильона. Очевидно, погромы состоялись не только по причине завершившихся харчей, подумалось мне, и я решительно склонился над разоренным изобилием.

Гошка со всей проснувшейся хозяйственностью набивал карманы сухарями и чем-то еще, имеющим не слишком отталкивающий вид.

«Пойдемте, Гурий Трофимович, — почтительно коснувшись моего рукава попросил он, топорщась награбленными свертками. — пока не вернулись эти...»

Кого он имел ввиду, Волков не уточнял, но мне тоже одинаково не хотелось встречаться ни с горожанами, ни с представителями закона и порядка. Впрочем, сейчас все они выглядели одинаково.

Выскользнув на улицу, мы с Волковым пересекли проезжую часть, едва не загремев под обстрел из обломков арматуры, и благополучно оказались в одном из городских парков, ныне заросшем и заброшенном.

«Неплохое местечко для пикника, — с невеселой усмешкой бормотнул Волков, опускаясь прямо на вытоптанный газон. — присаживайтесь, Гурий, время перекусить.»

Во время обеда Гошка снова вернулся к своей книжонке, замороженно рассматривая корявую схему. Я не стал отвлекать его от бесполезного занятия, и, не придумав больше тем для бесед, схромачил большую часть припасов. Долгий переход, какая-никакая еда, наконец-то попавшая в мой желудок, а также непрерывное бормотание над раскрытой книжицей скаута-переростка упрямо клонили в сон, и даже уличный грохот был не в силах этому помешать.

«Я понял, Гурий! — вывел меня из дремотного состояния бодрый голос, — ну, точнее, думаю, что понял. Но ведь у нас все равно нет никаких планов на вечер, поэтому предлагаю проверить мою гипотезу!»

Выпалив столь заманчивую речевку, Гошка вскочил на ноги и протянул мне руку, помогая подняться.

Идея, так внезапно охватившая моего приятеля, вела нас тайными тропами мимо разрушенных и покореженных строений, минуя центральные улицы. На все мои вопросы Волков только многозначительно хмыкал и торопливо перебегал улицы, то и дело сверяясь с картой.

«Я вообще не уверен, что схема ведет нас к чему-то значимому, — бормотал он, бросая на меня робкие взгляды, — но надо же рискнуть, как вы думаете?»

Его почтительное ко мне обращение в совокупности с проявлением очередных граней его многослойного характера рождало лютое раздражение. Я едва сдерживался, чтобы не засветить неумеренному скромняге в дыню, возвращая его прежний, полубившийся мне образ.

«Я думаю, что нужно перестать валять дурака, — в тон ему отозвался я, — но с вами не поспоришь, придется, действительно, рискнуть»

Извилистые пути привели нас к каким-то загородным посадкам, вымотав до предела и лишив последних запасов энергии. Там, в перелеске, нам открылся чудесный вид на густые елки, ничем не напоминающие огороженный пустырь.

«Что дальше?» — светски поинтересовался я, глядя на смущенную Гошкину рожицу. Тот в замешательстве переводил взгляд с расчерченного книжного листка на темнеющие посадки и только пожимал плечами.

«Ну, в целом, неплохое местечко для ночлега,» — глухо пробормотал Гошка и направился в заросли.

Место было малопривлекательным, а наступающие сумерки превращали его в скопление чудовищ, однако в этих дебрях нас никто не смог бы отыскать, даже если бы и попытался. Я развалился прямо на ковре из слежавшихся иголок и, забывая про Гошку, безликих вонючих уродах, Матвея и разрушающийся мир, погрузился в сон.

«Гурий, просыпайтесь, — спустя пару часов вновь обозначился Волков, — прислушайтесь. Что это?»

Я приоткрыл глаза и прислушался. В первое мгновение я не услышал ровным счетом ничего, но постепенно, до моего слуха стало доноситься невнятное шарканье, шлепанье и мерный гул приглушенных голосов. Сон слетел с меня за считанные секунды, когда я

вскочив на ноги, увидел стекающуюся к нам из глубины посадок темную массу. Она наползала относительно бесшумно и настойчиво, заполняя собой все видимое пространство. Я не стал дожидаться развития событий и резво подтолкнул Волкова обратно к дороге.

«Я не в курсе их намерений, — объяснил я Гошке свое решение, — поэтому предпочитаю провести время вне этого вонючего общества»

Пока эти слова не были произнесены вслух, я не замечал, что еще изменилось за то короткое время, что мы отдыхали под елками. Сейчас я отчетливо почувствовал удушающую вонь, широкими волнами растекающуюся кругом.

Мы выскочили на проспект, в это время суток относительно пустынный, если не считать нескольких невнятных фигур, маячивших на противоположной стороне.

«Давайте попробуем укрыться в моей квартире, — прошипел Волков, не справляясь с дыханием, — она далеко отсюда, а эти уродцы, возможно, не настолько сообразительны, чтобы преследовать нас по всему городу. Во всяком случае, у нас есть шанс оторваться, если уйдем дворами.»

Под своей квартирой Волков имел в виду жилище своей матери, но других вариантов у нас не было все равно. Бодаться с тетей Надей за собственную жилплощадь у меня не возникало желания ни при каких условиях.

Промчавшись через три городских района и оказавшись, наконец, на нужной улице, Волков притормозил и с сомнением поглядел на меня. Погоня отстала давно, смысла навещать родню не было, но в Волкове проснулся дух авантюриста.

«Сейчас глубокая ночь, — напомнил я, — даже если предположить, что твоя матушка не изменила свои привычки и осталась такой же, какой ты видел ее в последний раз, крайне невежливо вламываться к ней в это время. Тем более, ты рассказывал, что она теперь по-другому смотрит на многие вещи и обстоятельства.»

Взывать к здравому смыслу смиренного дальнбойщика оказалось пустой затеей. Гошка упрямо хмыкнул и решительно шагнул в ослепительно черный подъезд.

На требовательный стук дверь смело распахнулась, и в чернильной темноте замаячил размытый силуэт.

«Чтоооо?» — расслышали мы сквозь пронзительные шипения и клетот. Гошка попятился, интуитивно хватая меня за руку, однако не ушел, продолжая вглядываться в темноту.

Больше вопросов не задавалось, из дверного проема на Волкова метнулась тень и вцепилась ему в горло. Волков дернулся, пытаясь высвободиться, но только еще сильнее увяз в неласковых объятиях негостеприимной родительницы. Я оттолкнул дамочку от ее блудного сына и, впихнув ее обратно в квартиру, захлопнул дверь. Волков, пошатываясь, только разводил руками, пытаясь восстановить подачу кислорода.

«Думаю, семейные посиделки следует объявить закрытыми, — проговорил я, утягивая Гошку вниз, — оставим свидания для лучших времен»

«Что это было? — отдышавшись, пробормотал потрясенный Гошка, отчаянно растирая помятую шею, — это точно была моя мать?»

Я не стал развивать дискуссии, и только покачал головой. Время катилось к рассвету, пора было немного отдохнуть.

Глава 44.

Начало нового дня совпало с настойчивыми пинками, пробудившими меня от беспокойного сна в темном парадном. Не открывая глаз, я сонно пробормотал что-то в

высшей степени нецензурное, обращаясь к своему приятелю, и получил в ответ раскатистый визгливый смех, разбавленный металлическими нотками. От неожиданности я подскочил, смахивая остатки сна, и уставился на невнятную Эвелину, неизвестно откуда появившуюся в доме Гошкиной матушки. С момента нашего последнего свидания барышня еще больше стекла вниз, и теперь выглядела настолько устрашающе, что я с непривычки зажмурился. В любое другое время такая реакция вызвала бы у дамы закономерную обиду, однако Эвелина даже не обратила на это внимания. Несмотря на игривое настроение, ее оплывшая рожа продолжала сохранять безразличное выражение, и от этого становилось откровенно жутко.

«Ты как здесь? — пробормотал я, потирая ладонью собственную обросшую физиономию, — что ты тут делаешь?»

Эвелина только качала головой, напрягаясь для подбора нужных фраз, и, наконец, выдала уже знакомое:

«Не знаю, просто пришла.»

Проснувшийся Георгий только хмыкал, очевидно вспоминая свои собственные версии частых визитов милой прелестницы.

В этот раз Эвелина не стала проявлять чудеса участия и демонстрацию эмоциональных порывов, ограничившись простым предложением пройтись.

Я не был готов прямо сейчас совершать прогулки в любой компании, но опасаясь вызвать непредсказуемую реакцию невоздержанной барышни, с неохотой поднялся на ноги. Эвелина терпеливо ждала, пока я приведу себя в относительный порядок и покину парадное, после чего направилась следом за мной. Я рассчитывал по-тихому раствориться среди толпы, не вызывая у настойчивой барышни много вопросов, однако та неотступно двигалась рядом, не позволяя мне сделать даже шага в сторону побега. Волков равнодушно плелся сзади, с каждой минутой убеждаясь в своей правоте.

«Милая, — наконец не выдержал я, — я очень занят сегодня, погуляем в другой раз.»

Эвелина внимательно выслушала мою реплику и, согласно кивнув, послушно развернулась, чтобы уйти. Гошка победно взвизгнул и предложил мне в качестве эксперимента снова прогуляться по следам его карты.

«Мы же все равно как бы гуляем», — с усмешкой добавил он, оборачиваясь вслед ранней гостье.

У меня не нашлось аргументов противиться предложению, и мы снова отправились к посадкам. Ну, мы так думали, что отправились. На самом деле, стоило нам сделать пару десятков шагов, как неотвязная Эвелина вновь заявила о себе.

«Послушай, милая! — все еще стараясь держаться в рамках приличия, рявкнул я, для убедительности повышая голос, — я занят, понятно? Отвяжись от меня, меня ждут дела! И жена красавица тоже ждет!»

На всякий случай добавил я, рассчитывая на вселенские обиды. Эвелине мои пассажи не зашли, она по-прежнему тянулась следом, не сводя с меня блеклых глазок. Гошка тоже внес немного информации, рассказав настырной дамочке о моих запущенных проблемах личного характера, из-за чего получил от меня в дыню.

Эвелина и в этом случае продолжала оставаться рядом.

«Да и черт с ней! — резюмировал Волков, махнув на Эвелину рукой, — пусть таскается за нами хоть до скончания мира, если ей делать нечего!»

Про свою попутчицу мы забыли очень скоро, привлеченные чудными картинами, разворачивающимися на улицах. То тут, то там бродили отряды обывателей, вооруженные

обломками арматуры, палками и обрезками труб. Все это добро они без сожаления обрушивали на стоящие на дороге бесхозные машины, уцелевшие стекла в зданиях, иногда друг на друга. Больше на улицах не выстраивались очереди за провизией, никто не вылавливал нарушителей порядка, поскольку понятие порядка так такового больше не существовало. Пройдя расстояние в пару городских районов, мы наконец, притормозили неподалеку от того самого перелеска, в дневном свете оказавшегося обычным городским парком, только не в меру запущенным. Эвелина все это время шлепала позади, не издавая ни звука, однако стоило нам пересечь проезжую часть и вплотную приблизиться к насаждениям, барышня решила напомнить о своем присутствии.

Она завизжала, бросаясь мне на шею и неловко прижимая к себе мою внушительную фигуру.

Гошка только крякал, наблюдая за столь горячим проявлением чувств и делал попытки комментировать происходящее.

«Прекратите, Георгий, — сурово оборвал я не в меру разошедшегося приятеля, — Эвелина просто пошутила, правда?»

С этими словами я оттолкнул дамочку от себя и решительно шагнул под елки. Эвелина снова застыла, я бы сказал, в замешательстве, но на остатках ее лица не было написано ни единой эмоции, которая рассказала бы мне о душевной драме.

Волков метнулся следом, принуждая меня ускориться и слинять от неадекватной спутницы. Пока мы с ним плутали между елками, отрываясь от преследования, Гошка снова забормотал о своих картах.

«Я не мог ошибиться, Гурий, — переводя дыхание, вещал он, — я знаю в этом толк, у нас в интернате...»

На этом повествование было прервано сменой локации. Как выяснилось, посадки оказались неширокими и, пройдя их насквозь, мы вышли в чистое поле, огороженное со всех сторон мотками колючей проволоки. Так могло выглядеть учебное военное поле, или какая-нибудь засекреченная территория неясного назначения.

«Я снова оказался прав, — с нотами превосходства изрек мой самоуверенный друг, в совершенстве возвращая себе свой прежний быдловатый образ. — смотрите, Гурий Трофимович, вон и строение, отмеченное на карте особым знаком!»

Строение едва виднелось на другом краю пустыря и имело только невысокую покатуую крышу, врытую в землю. Я бы сказал, что это был бункер, но его внешние очертания больше напоминали крестьянский погреб для хранения разносолов. Гоша, забывая про элементарную осторожность, смело двинулся навстречу приключениям, держа перед собой неизменную книжку с рисунками.

Когда до крыши в земле оставались считанные шаги, до моего слуха донесся неясный гул, сравнимый с работой гигантского вентилятора. Возможно, Гоша был прав, и это строение действительно имело историческую ценность.

Дверь в погреб выглядела самой обычной колхозной дверью, сделанной из цельного массива и обитой каким-то рваньем. Возможно, совсем недавно тут было частная территория, ее снесли, а на этом месте готовились возводить что-то новое и современное. Но эти соображения я не успел донести до любопытного Гошки, поскольку почва под нашими ногами ощутимо просела и отчетливо покрылась глубокими трещинами. Любопытный Волков все еще не оставлял надежду узнать загадки таинственного строения, однако на исследования времени оставалось все меньше. Земля ходила ходуном,

разламываясь и оседая вниз. Я ни разу не был свидетелем землетрясения, но готов был поспорить, что нечто похожее происходит при сейсмической активности.

«Уходим, Гоша, — проговорил я, не в силах отвести глаз от завораживающего зрелища, — нам тут не место.»

В тот момент, когда мы с Гошкой обрели наконец твердую основу под ногами, пронесясь пару сотен метров к посадкам, позади нас раздался оглушительный треск, и нас накрыло лавиной удушающего раскаленного пара.

«Вот они, врата преисподней,» — успел подумать я, прежде чем меня накрыло спасительной темнотой.

Глава 45.

Я открыл глаза и уставился в серое блеклое небо, нависающее над моей головой. Мое тело не желало транслировать мне возможные потери, оставаясь безмятежно спокойным и расслабленным. Я немного повалился на траве, после чего медленно приподнялся, расслышав наконец за своей спиной весьма характерное потрескивание.

Там, на пустыре, догорало то, что скрывал за своими подземными стенами крестьянский погреб, унося с собой свою тайну.

«Волкову придется смириться с неизбежным,» — усмехнулся я, и вскочил на ноги, осененный новым пониманием. Моего Гошки нигде не было, и все мои попытки отыскать любознательного скаута-переростка результатов не приносили. Пустырь, некогда ровный и бескрайний, теперь представлял собой жалкое зрелище. В самом его центре красовалась огромная яма, со стороны похожая на неглубокий овраг, а по краям этого оврага топорщились обугленные детали того, что еще несколько минут назад весело догорало в гаснувшем пламени.

Возможно, Волков успел добраться до посадок и теперь скрывается там, появилась здравая мысль и направила меня в перелесок. Однако мое прочесывание местности только доказывало полное отсутствие моего приятеля.

В то, что Волков попросту смылся, почуяв опасность, я не верил ни минуты. Я хорошо изучил своего друга. При всей своей неотесанности, резкости суждений и рекордно малом багаже знаний, Георгий был весьма сострадательным человеком, он не оставил бы меня валяться без сознания в шаге от пожара.

Потратив еще некоторое время на бесполезные поиски, я принял грустное, но неизбежное решение возвращаться в город без Гошки. Я еще раз поглядел на взорванный пустырь, не испытывая ни малейшего желания приближаться к разорванным катакомбам, и вдруг заметил неясное движение. Там, на развалинах маячила невысокая худая фигурка, с интересом рассматривая обугленные останки строения. Не веря глазам, я осторожно двинулся к внезапно созданному оврагу и, остановившись в сотне метров от фигурки, окликнул на пробу:

«Гоша?»

Фигурка замерла, прислушалась, присмотрелась и со всех ног рванула ко мне, перескакивая через рытвины.

«Гурий! — выдохнул Волков, заключая меня в сильные объятия, — до чего же я рад видеть тебя, дружище! Ты валялся на травке добрых три часа, я уж думал, тебе кранты. Ну я рад, очень рад, серьезно!»

И тут же, без перехода, принялся рассказывать мне о своих странных находках, обнаруженных на пепелище.

«Оно, когда рвануло, — делился он наболевшим, — я подумал, что небо на землю рухнуло. Но горело недолго, видать особо нечему было. Но, знаешь, что? Там, в этом погребе я увидел некое устройство, ну, оно раньше им было, сейчас это просто груда железа, так вот. Оно громадное, ну, так мне показалось во всяком случае.»

По мере озвучивания Гошкиных открытий у меня рождалась вполне здравая и объяснимая идея о некоем автономно работающем устройстве стратегического назначения. Возможно оно было способно вырабатывать то, что вырабатывало, без постороннего участия. А когда его лимит исчерпался, то оно просто самоликвидировалось.

Гошка, услышав мою версию, заметно погрустнел, очевидно выстроив свои гипотезы, но предложил мне самому убедиться в наличие некогда чудесного устройства.

Я из чистого любопытства пролез через наваленные доски к наиболее внушительному разлому и, взглядевшись в полусасыпанный покореженный металл, удивленно присвистнул.

«Ты молодец, Гоша,» — пробормотал я, узнавая в железе останки обычного процессора, только весьма внушительных размеров. Сейчас он был лишен своих привычных функций, но вот его присутствие здесь рождало разные вопросы. Мои первоначальные догадки становились неактуальны, но новых, почему-то, не возникало.

Дальнейшие раскопки только подтвердили мои предположения о наличие в катакомбах хитрой машинки. Под завалами я обнаружил весьма внушительный монитор, расколотый пополам не то падением, не то чьей-то неумелой рукой. А на самом дне неглубокого, как оказалось, погреба я нашел некое устройство, очень напомнившее мне тот самый экран, на котором умелец психиатр хранил свои обновленно-упрощенные программы. Сейчас я, разумеется, не мог сказать об этом с уверенностью, так как волшебный экран постигла общая участь.

Кому понадобилось устраивать на пустыре компьютерные клубы, оставалось все еще загадкой, ответ на которую я получить не рассчитывал.

Наши археологические опыты пришлось прервать, поскольку на землю опускались поздние сумерки, мешающие тщательным исследованиям.

«Пойдем, Гурий, — подал голос Гошка, выталкивая меня наверх, — кто знает, кто сбежится сюда, узнав о трагедии. Переждем ночь поближе к цивилизации.»

Гошкины заявления звучали слишком смело, но я вынужден был согласиться с ним и послушно побрел к цивилизации. Пока мы пересекали поле, перелесок, добирались до проезжей части, на город опустилась ночь, которую нужно было где-нибудь провести. Ночевать под открытым небом грозило нам многими проблемами, а друзей у нас не было, поэтому единственно правильным решением мы посчитали снова посетить какое-нибудь парадное.

Я с удовольствием бы принял душ, нормально поел, пролистал новости в телефоне, да мало ли чего еще хотелось мне, однако все, что было мне доступно прямо сейчас это захламленный чердак какого-нибудь здания.

Улицы города, несмотря на поздний час, были непривычно оживлены. Обычно с наступлением ночи активность обывателей снижалась, но не в этот раз.

«Смотри, дружище, — подал голос Волков, толкая меня под руку, — как думаешь, что ему надо?»

Вопрос адресовался мне, но был посвящен прохожему, неуверенно направляющемуся в нашу сторону. Ночной гуляка не был вооружен обломком трубы, он не вырывал с корнем уличные скамейки, не лез на стены. В его движениях наблюдалась растерянная

осторожность, словно он впервые оказался на городских улицах.

«Я приношу свои извинения, — обратился он, поравнявшись с нами, — вы не подскажете мне, что происходит? Почему тут все так?»

В голосе незнакомца тоже звучала растерянность, а интонация выдавала в нем образованного человека.

«Так кто скажет, приятель, что происходит? — тут же с вызовом отреагировал непоседливый Гошка, видимо не сразу заметив странность ночной беседы, — тут уже давно так. Ты сам-то откуда?»

Прохожий внимательно поглядел на Волкова, потом на меня, потом неуверенно пробормотал:

«Я живу здесь, работаю в юридической конторе, я адвокат, но вот ведь в чем странность... моя контора... Я приходил туда еще осенью, у меня была назначена встреча с клиентом, но я совершенно не помню, чем закончилась эта встреча. И состоялась ли она вообще. Удивительное дело, я оказался сейчас на улице, глубокой ночью, но совершенно ничего не помню...»

Незнакомец был наряжен в разорванную разномастную одежду, грязную и явно с чужого плеча, сам был небрит и изрядно вонюч, однако производил впечатления грамотного и воспитанного человека.

«Ничего не помнишь? — снова вклинился Волков, многозначительно поглядывая в мою сторону, — совсем ничего?»

Прохожий помотал головой, и, вероятно, боясь привлечь ненужное внимание, торопливо зашагал дальше, в недоумении оглядываясь по сторонам.

«Чего это он? — пробормотал Гошка, все еще не до конца осознав абсурдность разговора. — как громить город, это они молодцы, а как отвечать за последствия, то сразу адвокаты и «ничего не помню».

«Гоша, — прервал я праведные возмущения, — тебе ничего не показалось необычным в этом диалоге?»

Волков продолжал негодовать, то и дело дословно цитируя несчастного адвоката, пока не осекся на полуслове и не уставился на меня испуганными глазами.

«Погоди, — оборвал он сам себя, — ты заметил, как он говорил? Ну как строил свои вопросы?»

Я заметил это с первых произнесенных адвокатом звуков, и был рад, что Георгий тоже это заметил. На пробу я направился к еще одному прохожему, так же в замешательстве переминающемуся с ноги на ногу.

«Доброй ночи,» — вежливо начал я, ожидая, что тут же получу по голове арматурой, однако мой возможный собеседник только недоуменно пялился на меня, не произнося ни слова. Моя спонтанно возникшая теория была готова рассыпаться в пыль, когда ночной гуляка заговорил.

«Не вижу ничего в ней доброго, молодой человек,» — назидательно проговорил он, и я наконец различил, что передо мной довольно пожилой гражданин, что он так же, как и предыдущий собеседник, откровенно растерян и разозлен.

«Что тут произошло? Народное восстание? Массовый бунт? Или банальный акт вандализма? Кто будет нести ответственность за причиненный урон?» — гневно сыпал вопросами полуночный дед, сам, очевидно, не замечающий своего собственного помятого вида и откровенно испорченной одежды. В его руке была зажата кривая железка, наличие

которой он тоже не замечал.

Дальнейшие мои расспросы приводили к похожим результатам. Граждане растеряно озирались по сторонам, пугливо рассматривая то, что они с таким воодушевлением натворили светлым днем, и негромко переговаривались между собой, пытаясь обрести некую ясность и понимание.

Волков, наблюдая эти сцены, то и дело толкал меня в бок, привлекая мое внимание, и старался отыскать явлению наиболее разумное объяснение.

«Смотри, Гурий, — бормотал он, — получается, заклятие кончилось? Или те, кто громил город, сейчас крепко спят, набираясь сил, а это совсем другие граждане? Что с ними такое?»

Волков еще некоторое время озвучивал версии и вопросы, после чего решительно направился по улице.

Я не успел уточнить, куда понесло его в столь поздний час, поскольку тот, не обращая внимания на непривычно спокойных и разумно изъясняющихся граждан, несся по одному ему известному маршруту.

Когда Гошка свернул в знакомый переулок, до меня наконец, дошла его итоговая цель, показавшаяся мне откровенно ошибочной. Однако, Волков не желал слушать мои опасения, бодро взлетая на седьмой этаж знакомого мне дома.

Глава 46.

На настойчивый Гошкин звонок дверь распахнула заспанная женщина, растрепанная после сна, но на удивление миролюбивая.

«Вам кого, юноша? — хриловато проговорила она и, присмотревшись к визитеру, негромко вскрикнула. — что за шутки? Кто вы такой?!»

После чего попыталась захлопнуть дверь. Гошка выставил вперед руку и недоверчиво переспросил:

«Вы совсем не узнаете меня?»

Мне поздновато стали понятны его задумки и психологические эксперименты, и я с ужасом ожидал продолжения полуночной встречи, даже приблизительно не представляя, чем она может закончиться.

«Кто вы такой?!» — волнуясь взвизгнула женщина и неожиданно горько расплакалась, не отводя взгляд от полуночного гостя. Негодяй Гошка коротко поклонился и развернулся, чтобы оставить несчастную наедине со своими воспоминаниями и сомнениями.

На улице я от души врезал экспериментатору, не в силах сдерживать охватившие эмоции.

«Завтра ты извинишься перед ней, — проговорил я, вкладывая в удары всю ненависть к невежеству и ограниченности, — или никогда в жизни больше не покажешься ей на глаза. Неужели ты не понимаешь, чертов проверяльщик, что несмотря на все, как ты считал, равнодушие и бессердечность, ты был для нее ее ребенком, и твоя смерть все же оставила в ее душе след, на какой ты не мог и рассчитывать!»

Гошка встряхнулся и виновато уставился на меня.

«Я идиот, согласен, — пробормотал он едва слышно, — зато теперь я уверен, она стала прежней.»

Утро встретило нас размеренным уличным шумом, привычным и знакомым, однако разбавленным возмущенными нотами. Тротуары и перекрестки были до краев заполнены людьми, но теперь это были обычные граждане, в меру оживленные, и не в меру

возмущенные открывающийся их взорам картиной. Из их обрывочных разговоров становилось понятно, что все они самым волшебным образом обрели прежние очертания и теперь готовы долго и со вкусом возмущаться произволом и всеобщей разрухой.

Гошка бродил среди этой толпы и с удовольствием прислушивался к нормальной человеческой речи, всматривался в осмысленные лица и гасил в себе желание поделиться весьма любопытными фактами. Я удерживал его от этого неосмотрительного шага, предлагая истории идти своим чередом.

«Ты даже представить себе не можешь, Георгий, насколько быстро жизнь вернется в прежнее русло, и с какой скоростью начнут открываться разные заведения, в том числе и психиатрические лечебницы. И если ты хоть словом обмолвишься о том, чему стал свидетелем, то для тебя их двери откроются в самую первую очередь.»

Так говорил я, отчаянно желая знать, как долго продлится это внезапное просветление и не случится ли в ближайшем будущем нового коллапса.

Мои слова, сказанные Волкову, неожиданным образом стали сбываться. Быт и производство, пробуксовав незначительное время, обрело прежние формы, вот только с моим воскрешением вышла обидная накладка.

Мое первое посещение обновившегося профильного центра вызвало множество проблем, вопросов и разбирательств. Информационные базы восстанавливались, однако эти процессы давали мне слишком малый шанс оправдать свое земное бытие. Меня отфутболивали из организации к организации, пока, наконец, не всунули в руки новый паспорт, обещавший мне восстановление гражданского статуса.

Через месяц я рискнул появиться на пороге своей собственной квартиры. Тетя Надя, прочно обосновавшись в моем жилище, встретила меня крайне настороженно и выразила пожелание подать на меня в суд за самозванство, после чего с треском выставила вон.

Спорить с тетей Надей выходило себе дороже, и я привычно направился к Волкову, к этому времени отыскавшему себе приемлемую квартирку за границами города.

«Тут мне задают меньше вопросов, да и поспокойней,» — говорил он, ловко жонглируя стаканами и тарелками, готовя для меня угощение.

Я отчаянно скучал по Ульяне, по своей поликлинике, по врачебной практике, но все еще не решался воскреснуть для всех сразу. Почти все дни я проводил в тесной Гошкиной квартирке, слушая по вечерам бесконечные рассказы про интернатское детство, нищую юность и веселую молодость моего соседа. Очень редко мы возвращались к теме обновления, но всякий раз наши гипотезы заводили нас слишком далеко, чтобы казаться правдоподобными, и мы переходили к темам попроще.

Так наше мирное сосуществование длилось до одного дня, а точнее, одного вечера, когда в Гошкиной квартире раздался весьма настойчивый звонок. Волков не слишком жаловал гостей, а к поздним гостям имел особое, крайне негативное отношение, однако игнорировать визитеров не стал и решительно распахнул дверь. На пороге мялся мелкий заморенный тип, одетый с пролетарской небрежностью. Сейчас, когда привычная жизнь вернулась в прежнее русло, когда одежда не являлась предметом роскоши, когда продукты поставлялись с завидной регулярностью, странно было видеть такого потерявшего человеческий облик странного гостя. Тот неуверенно протиснулся в прихожую, не дожидаясь приглашения, и очень негромко пробормотал.

«Я приношу извинения за поздний визит, но, наверно, вам будет любопытно узнать некоторые факты.»

Я вообще был очень любознательным человеком, а Гошке лишние знания никогда бы не помешали, поэтому мы любезно согласились выслушать странного типа.

«Меня зовут Антон, — проблеял визитер, воскрешая в памяти встречу прошлого года, — вы наверно, меня уже не помните, но я вас двоих запомнил хорошо. Возможно, во многом благодаря моему другу, он часто вспоминал про вас двоих. Жаль, что вам так и не удалось встретиться»

«Если вы про Матвея, — грубовато вклинился Волков в столь трогательное повествование, — то не жаль ничуть. Так что вы хотели? Снова настучать на лучшего друга? И кстати, где он сейчас? снова готовит новые опыты?»

Антон коротко засмеялся, будто Волков озвучил что-то невероятно веселое, и охотно поведал нам еще одну историю. Как выяснилось из этого повествования, неутомонный Матвей, не желая мириться с потерями, сварганил новую схему, по которой он не мог тянуть обитателей загробного мира в белый свет, но зато легко мог управлять теми, кто однажды подвергся так называемому обновлению.

«Он понял, что те программы, что были установлены в готовые шаблоны, могут видоизменяться, принимая дополнительные задачи. Матвей был гением, это несомненно. — проникновенно изрек Антон и надолго замолчал, — он придумал, как управлять этим стадом, по типу компьютерной игры. Он заставлял исполнять задания и приказы, не вставая с места, просто перемещая задачи. Он знал о каждом, кто однажды подвергся обновлению, он управлял их действиями и желаниями, и даже знал о всех ваших перемещениях, Гурий.»

Поймав мой удивленный взгляд, Антон заметно поник, и вполголоса уточнил:

«Он боялся вас, Грошик. Вы были единственным, кто мог бы сломать его игру, и он, как мог, ограждал себя от вашего интереса. Возможного интереса, потому что вы, на самом деле, никогда не были заинтересованы в его задумках. Помните ту девочку, Эвелину? Матвей был уверен, что этой куклой легче всего манипулировать, давая ей самые несложные задания. Но вашего вмешательства даже не потребовалось. Он создал этот мир! И мог бы сделать больше, однако его подвело стремление к совершенству. Он стал усложнять программы, вносить в них корректировки и в итоге, дело всей его жизни рухнуло. Слишком слаба оказалась материальная база.»

Я с недоумением слушал откровенно искренние восторги и гасил в себе желание врезать экспериментатору. Если то, что он творил, называется совершенством, то что в его понимании называется хаосом и абсурдом? Я не стал вести долгую дискуссию, поняв основное — Матвей облажался, но его разрушенное детище возвратило исходные программы на прежнее место. И это было хорошо.

«Где он сейчас?» — задал я единственно волнующий меня вопрос.

«Он вернулся в свой мир, — горестно поведал псих, — ему больше не было места среди живых, вы можете быть уверены, больше никаких экспериментов!»

Антон еще некоторое время повздыхал, надеясь на душевный отклик, но не обнаружив желаемого, медленно выполз за дверь.

«Нет, ну каков подлец! — весьма литературно отозвался Гошка, плотно заперев дверь за Антоном, — хватило же наглости хвастаться весьма сомнительными достижениями! Надеюсь, это недоразумение навсегда забудет дорогу в мой дом!»

Я тоже на это надеялся, а еще думал о том, что все же пришло время вернуться к врачебной практике. Пора начинать жить заново!

Больше книг на сайте - Knigoed.net